

Барнаул

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

май 2017

НАША ПОБЕДА

Ильбек Хайрулинов. 1941

Издается при поддержке
администрации Барнаула

МАЙ 2017

/ наша Победа /

«Большая память. Большая Победа» . . 3

От редакции

Рассказы о героях 5

Исторический материал, посвященный Героям Советского Союза, жизнь которых связана с Барнаулом

**Поэты Барнаула
о Великой Отечественной войне. 12**

Подборка стихотворений

**Лев Квин.
«Улица королевы Вильгельмины» . . 14**

Отрывок из романа

Барнаульский Маринеско 34

Исторический очерк о герое-подводнике из Барнаула

**Алексей Смельцов.
«Бригантина из Барнаула». 37**

История создания известной песни

Чтобы помнили... 40

Обзор книг, посвященных Великой Отечественной войне

/ поэзия /

**Валерий Котеленец.
«Лучшее место» 45**

Подборка стихотворений

/ проза /

Иван Кудинов. «Последний шаг» . . . 47

Фрагмент романа «Русский остров»

Жанна Алимова. «Клавдеин дед» . . . 52

Рассказ

Виктор Зотеев.
«День победы». 1980

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
А.В. Артёмов — председатель,
С.А. Боженко,
М.К. Зимогор,
А.Г. Истомина,
С.А. Мансков,
В.Г. Паршков,
Ю.А. Нифонтова.

Главный редактор
Михаил Гундарин.

Наш адрес:
7storon@rambler.ru.

Тираж 500 экземпляров.

/ поэзия /

Александра Вайс.
«Неизбежность полета» 55

Подборка стихотворений

/ дебют /

Евгения Скаредова.
«Все, что за кадром» 57

Рассказ

/ мемуары /

Александр Зуев.
«Я ехал в последнем вагоне...» 60

О поэте Борисе Капустине

Борис Капустин.
«Сиял огонь. И нет огня...» 63

Подборка стихотворений

/ барнауловедение /

Десять церквей Барнаула 64

/ Сибирь литературная /

Вероника Шелленберг.
«Омск: гранты и семинары» 76

Рассказ омского поэта о литературной жизни города
и подборка стихотворений

/ дискуссионный клуб /

Роман Гром. «Невидимая книга» . . . 80
Сергей Тепляков.

«Путь от себя к себе» 81

Критики обсуждают новый роман Владимира Токмакова

/ экспозиция /

Вадим Климов. «А вы азартный...» . . 83

Наталья Николенкова.
**«Юрий Эсауленко как зеркало
барнаульского искусства» 87**

Репортажи с открытия выставок

БОЛЬШАЯ ПАМЯТЬ. БОЛЬШАЯ ПОБЕДА

Семьдесят вторая годовщина Великой Победы дает нам возможность и повод поблагодарить ветеранов и вспомнить то, что не следует забывать никогда.

Русский солдат предстал в привычной для себя миссии спасителя народов от разбушевавшихся бандитов. Не случайно было и то, что в ходе войны Красная Армия, и по атрибутике и по психологии во многом превратилась в армию русскую — с высоким самосознанием, с знающим цену чести и долгу офицерским корпусом, с гениальными маршалами-стратегами. И главное — с миллионами лучших в мире русских солдат.

Алтай дал Родине десятки тысяч бойцов. Многие из них — барнаульцы. Наш город принял эшелоны с эвакуированными заводами и их работниками. Это навсегда изменило краевую столицу. С войны, с победы

началась новая история Барнаула. В том числе и литературная.

Первая писательская организация города состояла из фронтовиков. Марк Юдалевич, Лев Квин, Георгий Егоров... Эти классики нашей литературы по-прежнему важны и актуальны для читателей. Поэтому мы публикуем наших ветеранов.

Все ли известно о войне, ее героях? Конечно нет. Мы публикуем новые разыскания. И сколько их еще будет!

В той великой войне наши отцы и деды отстаивали наше право на жизнь, наше право на величие России. Победа для России и для всего мира — праздник Жизни. Россия это чувствует и знает. Знает и чувствует это Алтай и наш город.

Победа не закончится никогда. Если мы будем ее помнить, будем ей благодарны.

Редакционный совет

Каждый, кто прошел войну, – герой. Отмечен он высоким званием или нет. Погиб или остался в живых. Сегодня мы вспоминаем этих людей и говорим им спасибо!

Евгений Платунов.

Рассказы о героях

АРКА И ОБЕЛИСК

В разное время в городе было две попытки увековечить одним списком Героев Советского Союза, связанных биографиями с краевым центром.

Следы этих попыток можно увидеть в старых книгах. Например, в издании «Барнаул» (1967)* на одной из первых вклеек можно увидеть фотографию арки на площади Свободы, которая первоначально была установлена рядом с бюстом дважды Героя Советского Союза летчика Павла Плотникова. Подпись к фото была такая: «Эта арка воздвигнута в честь Героев Советского Со-

юза — барнаульцев, павших в боях за Родину». В списке, названном «Герои Советского Союза барнаульцы, погибшие в Великой Отечественной войне», можно было увидеть восемь фамилий:

Глушков Иван Васильевич,
Гулькин Иван Тихонович,
Смирнов Владимир Ефимович,
Исаков Георгий Семёнович,
Урзля Владимир Матвеевич,
Фомин Фёдор Фролович,
Цуканова Мария Никитична,
Петров Антон Васильевич.

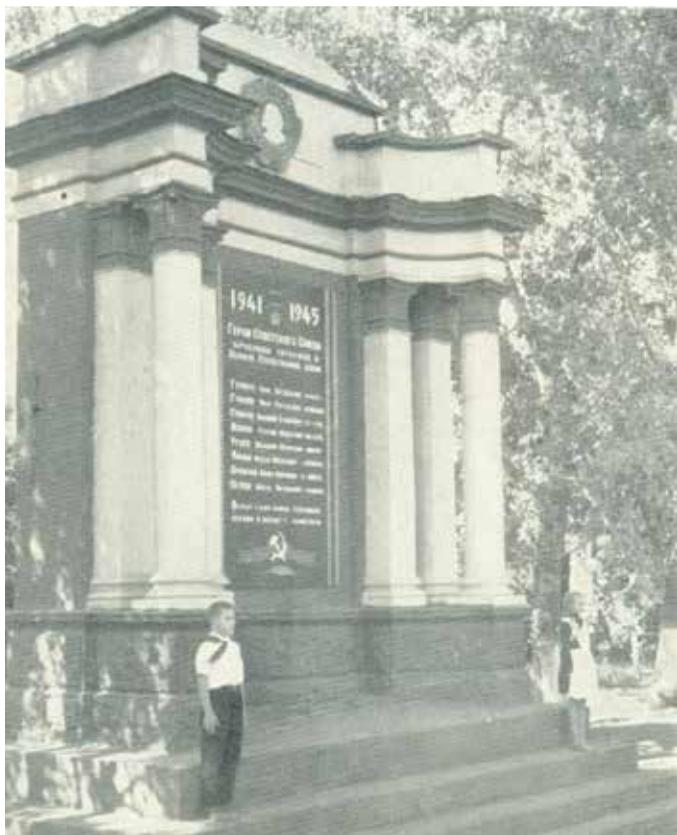
(*у издания три соавтора: Николай Александрович Камбалов, Тимофей Афанасьевич Полухин, Николай Ефремович Скупов).

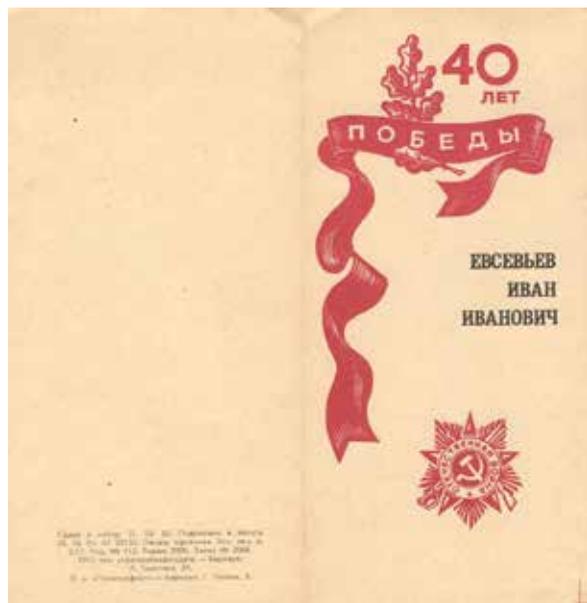
Двое из этих Героев выжили на войне и умерли в 1988 г. 13 августа 1988 г. в Харькове умер уроженец Барнаула Антон Петров — бывший офицер-артиллерист сформированной в Алтайском крае 5-й гвардейской стрелковой дивизии. 26 декабря 1988 г. в Омске умер летчик-герой Иван Глушков — уроженец Залесовского района, он считается барнаульцем, потому что окончил два курса Барнаульского педагогического техникума и в 1936 г. был призван в армию в Барнауле.

В том же издании «Барнаул» (1967) авторы уточнили в тексте: «В Октябрьском районе города Барнаула есть улица Ивана Гулькина. Иван Гулькин ушел на фронт, окончив 25-ю школу. Так же, как и Владимир Смирнов, он получил звание Героя Советского Союза. Этому высокому званию были удостоены бывшая работница меланжевого комбината медсестра Вера Кашеева, Фёдор Фомин, Иосиф Халманов, Владимир Урзля, Георгий Исаков и другие, всего двадцать один барнаулец».

В 1972 году книга «Барнаул» троих авторов была переиздана. Строки о Героях Советского Союза (с уточнением, что их двадцать один) остались прежними.

В 1990-е годы был демонтирован обелиск с именами барнаульских Героев Советского Союза, который находился на проспек-

те Социалистическом (напротив главного корпуса Барнаульского пединститута). Этот обелиск был в какой-то мере «правопреемником» прежней арки с именами Героев на площади Свободы. Арка из чисто геройской стала сначала Доской почета, потом поменяла свое место — на противоположную сторону площади, переместившись от бюста дважды Героя Советского Союза Павла Плотникова. Позже арка была разобрана, а на ее месте на некоторое время появились металлические агитационные конструкции без каких-либо имен.

В ЭНЦИКЛОПЕДИИ

В 2000 году была издана энциклопедия «Барнаул», в приложении II которой список «Герои Советского Союза» содержал уже 31 фамилию. Но в этом списке значатся три Героя Советского Союза, которые получили это звание не на Великой Отечественной войне. Живший в Барнауле в 1920-е гг. Иван Евсевьев отличился как летчик-интернационалист на Гражданской войне в Испании, получив звание Героя Советского Союза 28 октября 1937 г. Два уроженца Барнаула, воины-интернационалисты и летчики другой эпохи — Афганской войны: Константин Павлюков и Фарит Шагалеев.

Наряду с погибшей в бою с японцами в 1945 г. Марией Цукановой (которая сама не жила в Барнауле, но с послевоенного периода проживала в городе и похоронена здесь же ее мать) в списке в энциклопедии есть еще одно имя Героя, именем которого в краевом центре названа улица. Командир 222-й стрелковой дивизии Алексей Юрин отличился при освобождении Белоруссии в 1944 г. Звание Героя Советского Союза ему присвоили 21 июля 1944 г., а 26 июля 1944 г. он погиб на литовской земле.

ДРУГИЕ ИМЕНА ГЕРОЕВ

Вне разных списков осталось еще несколько фамилий Героев Советского Союза, имеющих отношение к Барнаулу. Николай Владимирович Ларин с ноября 1941 г. командовал пулеметным взводом в Барнаульском пехотном училище. В 1942 году окончили размещенное в Барнауле Лепельское артиллерийско-минометное училище Иван Михайлович Баринов и Филипп Андреевич Логвин. В 1943 году это училище окончили Леонид Павлович Тихмянов и Павел Яковлевич Трунов, в 1944 г. — Михаил Матвеевич Сурошников. Фёдор Анисимович Кауров в 1943 г. окончил Барнаульское пехотное училище. Все эти воины в разное время получили звание «Герой Советского Союза».

Уроженец Орловской области Михаил Гринёв до войны трудился слесарем-монтажником на Харьковском тракторном заводе. Был эвакуирован с предприятием в Барнаул. На фронте — с августа 1942 г., призван в Барнауле. В боях южнее Бяла-Подляска в Польше 24 и 25 июля 1944 г. расчет орудия старшего сержанта Гринёва в ходе наступления рассеял до эскадрона конницы, уничтожил орудие и станковый пулемет врага. 26 июля, когда противник при поддержке шести танков контратаковал стрелковый полк, артиллеристы Михаила Андреевича прямой наводкой уничтожили автомашину с пехотой, два танка, а третий подбили. 26 октября 1944 г. Михаилу Гринёву было присвоено звание Героя Советского Союза, с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Александр Рудаков работал помощником машиниста паровоза в депо станции Барнаул. В ночь на 20 октября 1943 г. командир танка 142-го танкового батальона 95-й тан-

ковой бригады младший лейтенант Рудаков в составе взвода преодолел Днепр в районе Лоева. Проникнув вглубь обороны противника, танкисты захватили плацдарм на правом берегу реки и освободили деревни Городок и Стародубка, успешно отбив все контратаки врага. В этих боях Рудаков уничтожил несколько десятков гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 15 января 1944 г.

Уроженец села Большие Чапурники (ныне Светлоярский район Волгоградской области) Евгений Уткин после окончания Саратовского планово-экономического института работал в Барнауле плановиком-экономистом. В 1941 году окончил Чкаловскую военную авиационную школу пилотов. На фронте с марта 1943 г. Заместитель командира эскадрильи 996-го штурмового авиационного полка старший лейтенант Уткин к январю 1945 г. совершил 129 боевых вылетов. 16 августа 1944 г. был сбит зенитным огнем над вражеской территорией. Пятеро суток пробирался к своим. Звание Героя Советского Союза присвоено 29 июня 1945 г.

Выпускник Саратовского института механизации сельского хозяйства Михаил Андреевич Шаховцев работал в Барнауле до войны главным инженером управления сельского хозяйства. В 1941 году он окончил Ташкентское военное пехотное училище. На фронте — с конца 1941 г. В 1942 году учился на Курсах усовершенствования командного состава при Военной академии имени М.В. Фрунзе. Заместитель командира 140-го гвардейского стрелкового полка (47-я гвардейская стрелковая дивизия, 8-я гвардейская армия, 1-й Белорусский фронт) гвардии майор Шаховцев умело организовал преследование полком противника: 18 июля 1944 г. полк освободил город Любомль (Волынская область), с ходу форсировал реку Буг, а затем Вислу восточнее города Магнушев (Польша). В бою на магнушевском плацдарме 14 августа 1944 г. Михаил Андреевич погиб. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено 24 марта 1945 г. (посмертно).

Иногда писали о том, что «барнаульское небо дало путь в авиацию 25 Героям Советского Союза». Но забывали при этом вспомнить того, кто их учил, — Павла Яковлевича Гербинского. В 1935 году он окончил Полтавскую летную школу ОСОАВИАХИМа, через год — Центральную летную школу ОСОАВИАХИМа (Тушино), в 1937—1938 г. Гербинский — летчик-инструктор Барнаульского аэроклуба. С 1941 года он в армии, летчик-инструктор запасного авиационного полка. В Великую Отечественную войну готовил летные кадры для фронта. В июле — августе 1943 г. находился на боевой стажировке в действующей армии. Совершил 33 боевых вылета. В воздушных боях сбил один самолет лично и один в группе. С 1946 года старший лейтенант Гербинский в запасе. Работал летчиком-испытателем на Новосибирском авиационном заводе. 13 июля 1955 г. Павел Яковлевич погиб при исполнении служебных обязанностей. 1 мая 1957 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Калмык Батор Басанов после войны был разводящим караула, охранявшим железнодорожный мост через Обь у Барнаула, жил недалеко от нефтебазы, в военном городке. Гвардии старший сержант Басанов отличился в июле 1944 г. Действуя в составе роты в головной походной заставе, бойцы его отделения первыми ворвались в село Духново Псковской области, где размещался штаб 42-пехотного полка 19-латышской дивизии СС, захватили полковое знамя и документы противника. Когда рота полностью очистила населенный пункт, отделение Басанова стало преследовать отступающую группу врага. Атаковав огневые позиции противника, бойцы отделения захватили четыре орудия, самоходную артиллерийскую установку. Будучи тяжело ранен, старший сержант Басанов продолжал вести огонь и командовать отделением. Звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 8959) Батору Манджиевичу Басанову присвоено 24 марта 1945 г.

Пётр Клементьевич Бутко был эвакуирован из украинского Днепропетровска вместе с рабочими завода им. Красина, работал слесарем на барнаульском вагоноремонтном заводе. В армию был призван в Барнауле в марте 1942 г. Стал курсантом Барнаульского пехотного училища, но не окончил его, став участником битвы за Сталинград. 25 апреля 1945 г. в бою за станцию Варшавэр в Берлине во главе группы из четырех человек Бутко захватил привокзальное здание, что дало возможность батальону овладеть вокзалом. Через три дня в бою в районе Александерплатц Пётр Бутко с группой бойцов отразил контратаку противника, лично уничтожив девять гитлеровцев. 1 мая 1945 г. он водрузил Красное знамя над берлинской ратушей. Звание Героя Советского Союза присвоено 15 мая 1946 г.

НА ФРОНТ — ИЗ... БАРНАУЛЬСКОЙ ТЮРЬМЫ

Герой Советского Союза Порфирий Мартынович Гудзь — это, наверное, самый необычный из Героев, в биографии которых был Барнаул: до марта 1942 г. он сидел в барнаульской тюрьме.

По его военной службе можно писать приключенческие романы. Была, например, в судьбе Порфирия Мартыновича и встреча с Нестором Махно: «21 февраля 1919 г. из отрядов, которыми командовали П.Е. Дыбенко, Н.А. Григорьев и Н.И. Махно, была создана 1-я Заднепровская дивизия. Ее начальником стал Дыбенко, а командиром 3-й бригады Махно. В госпитале Гудзь, по его словам, познакомился с Махно и встречался с его ближайшими сподвижниками. Но их лозунги не привлекли Порфирия...» («Военно-исторический архив», № 2 (86), 2007).

В 1941 году полковник Гудзь командовал 102-й стрелковой дивизией. В начале августа был отозван в штаб 21-й Армии. Приехав 12 августа в Гомель, Гудзь штаба там не обнаружил и был тут же арестован. В командование 102-й стрелковой дивизии вступил начальник ее штаба — печально знаменитый комбриг Бессонов (будущая легенда антисоветского сопротивления изменников-власовцев).

Во время налета немецкой авиации на Гомель в том же августе 1941 г. в тюрьме вспыхнул пожар. Охрана тюрьмы разбежалась. Гудзь с трудом проломил стену камеры горевшей тюрьмы и выбрался во двор.

Собрал до 400 арестованных, спасшихся от пожара, посоветовал им не расходиться и ждать правосудия. К утру явилось тюремное начальство. Арестованных перевели в Новобелицу. Здесь их погрузили в составы и повезли в город Иваново. Везли полтора месяца. В ивановской тюрьме Гудзь сидел до декабря 1941 года. Писал жалобы разным прокурорам, Калинин и Сталину. Но ниоткуда ответов не получил.

Из Иваново заключенных перебросили в Барнаул. Везли зимой целый месяц. Из барнаульской тюрьмы Гудзь продолжал обращаться с жалобами в различные инстанции. Наконец, в марте 1942 г. его вызвали в прокуратуру, куда он был доставлен из тюрьмы, и объявили: «Вы арестованы по недоразумению. Можете ехать воевать».

Из Барнаула Порфирий Мартынович, после освобождения из тюрьмы, поехал в Новосибирск, в штаб военного округа. Там он получил назначение на Западный фронт.

А дальше началась та биография, которую много раз публиковали. Публиковали, забывая про «крутой маршрут» от Гомеля до Барнаула.

ЕЩЕ ОДНО ИМЯ ДЛЯ АКЦИИ ПАМЯТИ

Несколько лет в Барнауле существует традиция во время празднования Дня Победы размещать баннеры с фото земляков — Героев Советского Союза. Иногда с фотографий на таких плакатах смотрят командиры частей и соединений, сформированных в краевом центре. Не все эти командиры стали Героями Советского Союза, но один из них был представлен к присвоению высокого звания, посмертно.

В новом издании Виталия Баранова «В окопах Сталинграда. Сибирские дивизии в Сталинградской битве» (2017) можно прочесть: «149-я отдельная стрелковая бригада (войсковая часть N 6032) начала свое формирование с 15 декабря 1941 г., на основании Приказа НКО СССР и приказа Сибирского военного округа от 03.12.1941, в городе Барнауле Алтайского края. Командиром бригады был назначен майор Болвинов В.А., комиссаром бригады старший батальонный комиссар Подольный».

В 1942 году, к началу советского контрнаступления под Сталинградом, Василий Александрович Болвинов был подполковником. Командующий 62-й армией генерал-лейтенант Василий

Чуйков подписал в начале 1943 г. наградной лист на подполковника Болвинова — к присвоению ему высокого звания Героя Советского Союза (посмертно): «149-я стрелковая бригада, руководимая подполковником Болвиновым, вела упорные наступательные и оборонительные бои с противником. За время боев по обороне г. Сталинграда бригада нанесла противнику значительные потери в людях и технике, только лишь в августе 1942 г. противник потерял убитыми и ранеными 7000 человек, подбито и сожжено 51 танк, уничтожено 26 пулеметов, 5 пушек. Взорвано и подожжено 9 складов с боеприпасами. Тов. Болвинов лично, как командир бригады, проявил исключительный героизм, мужество и бесстрашие в боях с немецкими захватчиками. 4 октября в районе цирка в период ожесточенной атаки немцев, под прикрытием танков, соседние части начали отходить. Создалась серьезная угроза для всей линии обороны 149-й бригады. Тов. Болвинов лично встал во главе взвода автоматчиков и решительными действиями приостановил отход соседней, а затем стремительной контратакой приостановил наступление немцев. 15 октября во время наступления немцев 2 и 3-й батальоны оказались в окружении. Тов. Болвинов вместе с оперативной группой штаба, несмо-

тря на непрерывный минометный и артиллерийский огонь и массированные действия вражеской авиации и танков, прорвался в расположение своих частей и ночью вывел их с боем со всей материальной частью на новый боевой рубеж обороны. Тов. Болвинов появляется в самые тяжелые и ответственные моменты боя на том или другом участке бригады, и всегда его появление среди бойцов и командиров воодушевляет их, и казалось бы, что положение уже являлось безнадежным, быстро выправляется. Стойкость, твердость и решительность тов. Болвинова стали нарицательными в бригаде. Несмотря на болезненное состояние тов. Болвинова и прикованность его к постели он из своего блиндажа руководил боевыми операциями своей бригады. 2 ноября в результате налета вражеской авиации тов. Болвинов героически погиб на своем посту. За проявленный исключительный героизм, личные бесстрашные подвиги, мужество и отвагу, непримиримость в борьбе с врагами товарищ Болвинов Василий Александрович достоин высшей Правительственной награды — звания Героя Советского Союза».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1943 г. командир 149-й стрелковой бригады подполковник Болвинов был награжден посмертно орденом Ленина. После сталинградских боев бригада получила гвардейское знамя: была перформирована в 92-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

В школе «Сигма» (Ленинский район Барнаула) усилиями Анатолия Алексеича Малютина с 2001 г. действовал музей, посвященный боевому пути 149-й стрелковой бригады. Нет сейчас уже такого музея в Барнауле. Но память о бригаде и ее командире, как видите, продолжается в новых книжных изданиях.

Указ № 81 сср от 8.2.43
 Имя: Болвинов Василий Александрович
НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество: **БОЛВИНОВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
 2. Звание: **ПОДПОЛКОВНИК** 3. Должность, часть: **КОМАНДИР 149 ОТДЕЛА ВОД**
 4. Год рождения: **1906 г.** 5. Национальность: **РУССКАЯ** 6. Периоды службы: **1928-30/31**
 7. Участие в гражданской войне, послужной список: **Участие в войне за независимость Финляндии в 1941 г., участие в обороне Сталинграда, участие в обороне Цхиндели в 1942 г.**
 8. Место за боевые и военные орденами: **Указ № 11.11.42 г.**
 9. С какого времени и в какой армии: **с 1942 года** 10. Какова РВК: **РВК № 1111-ОТДЕЛ РВК СКОРСКОГО ВОЙСКА**
 11. Чем ранее награжден (за какие отличия): **Орденом "Отечественной войны"**
 12. Почтовый домашний адрес представляемого и награжденного и адрес его семьи

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

149-я бригада, руководимая подполковником Болвиновым, вела упорные бои наступательные и оборонительные с противником. За время боев по обороне г. Сталинграда бригада нанесла противнику значительные потери в людях и технике, только лишь в августе 1942 г. противник потерял убитыми и ранеными 7000 человек, подбито и сожжено 51 танк, уничтожено 26 пулеметов, 5 пушек. Взорвано и подожжено 9 складов с боеприпасами. Тов. Болвинов лично, как командир бригады, проявил исключительный героизм, мужество и бесстрашие в боях с немецкими захватчиками. 4 октября в районе цирка в период ожесточенной атаки немцев, под прикрытием танков, соседние части начали отходить. Создалась серьезная угроза для всей линии обороны 149 бригады. Тов. Болвинов лично встал во главе взвода автоматчиков и решительными действиями приостановил отход соседней, а затем стремительной контратакой приостановил наступление немцев. 15 октября во время наступления немцев 2 и 3 батальоны оказались в окружении. Тов. Болвинов лично встал во главе взвода автоматчиков и решительными действиями приостановил отход соседней, а затем стремительной контратакой приостановил наступление немцев. Тов. Болвинов появляется в самые тяжелые и ответственные моменты боя на том или другом участке бригады, и всегда его появление среди бойцов и командиров воодушевляет их, и казалось бы, что положение уже являлось безнадежным, быстро выправляется. Стойкость, твердость и решительность тов. Болвинова стали нарицательными в бригаде. Несмотря на болезненное состояние тов. Болвинова и прикованность его к постели он из своего блиндажа руководил боевыми операциями своей бригады. 2 ноября в результате налета вражеской авиации тов. Болвинов героически погиб на своем посту.

За проявленный исключительный героизм, личные бесстрашные подвиги, мужество и отвагу, непримиримость в борьбе с врагами товарищ Болвинов Василий Александрович достоин высшей Правительственной награды — звания Героя Советского Союза.

КОМАНДИР ВОЙСКИ В. ЧУЙКОВ
 ЧЛЕН ИСХОДНОГО КОДЕКСА
 КОМАНДИР ВОЙСКИ В. ЧУЙКОВ

КОМБРИГ- ЗНАМЕНОСЕЦ

Путь к Рейхстагу был долог. Миллионы советских воинов не дошли до Берлина, оставшись в братских могилах. Историкам известно совсем немного имен командиров воинских частей, которые погибли с боевым знаменем в руках. Один из них — наш земляк, барнаулец.

Среди имен, высеченных на мемориальных плитах на Могиле Неизвестного Солдата в Петрозаводске, есть и фамилия полковника Михаила Степановича Макарова. О его боевом пути повествуют скупые строки наградных листов: «Родился в 1908 г., г. Барнаула, русский, член ВКП(б) с 1941 г., в армии с 1930 г. В боях с фашистскими захватчиками принимал участие с июля 1941 г.».

В середине июля 1941 г. серьезное положение сложилось на Петрозаводском направлении. Вражеские войска, несмотря на потери, рвались вперед. Они вышли на дальние подступы к Петрозаводску, в район Кясняселькя — Колатсельга — Палалахта. Командование армии не имело в резерве ни одной воинской части, и, чтобы задержать противника до подхода подкрепления из тыловых областей страны, сюда были перебросены истребительные батальоны, в том числе особый батальон под командованием старшего лейтенанта Макарова. Перед батальоном была поставлена задача прикрыть дорогу Палалахта — Большие Горы — Видлица и преградить путь вражеским войскам. Несколько дней бойцы, вооруженные винтовками и ручными пулеметами, мужественно сдерживали ожесточенные атаки врага. Образец храбрости показал командир.

Геннадий Николаевич Куприянов в книге «От Баренцева моря до Ладоги» отмечает, что этот батальон «сыграл исключительно важную роль в обороне Видлицы и Олонца». В августе 1941 г. Макаров назначается командиром 24-го стрелкового полка, занимавшего оборону западнее Пряжи. Никакими резервами полк не располагал и с трудом отбивал натиск превосходящих сил противника. Положение изменилось, когда сюда подошли передовые подразделения 1068-го полка 313-й стрелковой дивизии, только что прибывшей в Карелию из Удмуртии.

Бои продолжались до 20 сентября. Кольцо вражеских войск вокруг Петрозаводска все теснее смыкалось. Оставался единственный путь для отхода защитников города — переправа через Соломенский пролив. За героизм и мужество, проявленные в оборонительных боях, Макаров в марте 1942 г. был награжден орденом Красного Знамени.

С января 1943 г. полковник Макаров — командир 33-й отдельной лыжной бригады. В течение этого года бригада совершила множество боевых операций по разгрому опорных пунктов противника. В период освобождения Карелии от фашистских захватчиков в июле 1944 г. находилась в непрерывных наступательных боях и освободила ряд населенных пунктов. В боях за Ловоярви 33-й бригаде была поставлена задача: глубоким обходным маневром перерезать дорогу врагу и совместно с частями, наступавшими с фронта, уничтожить противника. Два батальона бригады под личным командованием полковника Макарова, к тому времени уже кавалера ордена Александра Невского, пошли на выполнение этой задачи. При выходе на дорогу батальоны были встречены превосходящими силами противника, завязался упорный бой. Противотанковый ров, траншеи противника неоднократно переходили из рук в руки. Когда противник перешел в атаку и потеснил наших бойцов из траншей, полковник Макаров пошел со знаменем бригады впереди своих бойцов в контратаку, во время которой был смертельно ранен и умер на поле боя. 18 октября 1944 г. Михаил Степанович Макаров посмертно был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Если внимательно просмотреть этот наградной лист, то можно убедиться, что сначала было представление на посмертное присвоение звания Героя Советского Союза. Но позже в штабе 7-й отдельной армии «Герой Советского Союза» переписали в представлении на награждение только орденом

Ленина — без медали «Золотая Звезда». Командующий войсками Карельского фронта генерал армии Кирилл Мерецков утвердил в штабе фронта посмертное награждение Михаила Степановича орденом Ленина. Но в Москве решили «ограничиться» лишь посмертным награждением орденом Отечественной войны I степени. Стоит напомнить, что это тот самый орден, который окончательно был обесценен в глазах настоящих фронтовиков в 1985 г., когда инициативой Михаила Горбачёва его раздавали массово, как юбилейный значок!

В донесении о потерях место рождения Михаила Степановича Макарова было указано по неточному и неправильно расшифрованному адресу семьи: жена Елена Герасимовна жила в 1944 г. на станции Алтайской (нынешний Новоалтайск). Кроме мемориала в Петрозаводске, есть имя полковника Макарова и среди увековеченных на братской могиле № 51 в Долине Героев (Питкярантский район, 13 километр дороги на Петрозаводск).

ПОЛЯК-ПАРТИЗАН С БАРНАУЛЬСКИМИ КОРНЯМИ

В прошлогоднем тематическом номере «Барнаул литературного», посвященного Году кино, мы рассказывали о герое художественного фильма «Хубаль» (1973) — польском партизане Модесте Ильине, который в детстве жил в Барнауле. А с 1975 г. в Польской Народной Республике издавалась энциклопедия «Вторая мировая война». Примечательно, что одна из биографий, на самой первой странице энциклопедии, посвящена уроженцу Барнаула Роберту Аборовичу.

Аборович родился 18 апреля 1918 г. в Барнауле в польской семье. Он был сыном потомков ссыльных поляков Антония и Элеоноры. В начале 1920-х гг. семья Аборовичей выехала в Польшу. В Западной Белоруссии, в Молодечно, Роберт учился в школе.

Потом служил артиллеристом. После оккупации Польши гитлеровцами стал заместителем командира «Батальонов хлопских» в районе Томашува-Любельского. Отвечал за диверсионную работу. «Батальоны хлопские» в современной Польше мало популярны у историков Сопротивления в сравнении с Армией Крайовой. Наверное, связано с тем, что эти боевые отряды Крестьянской партии в своей антифашистской деятельности часто сотрудничали с партизанами-коммунистами из Гвардии Людовой.

Про Роберта Аборовича известно, что он организовал зимой 1942/43 г. самооборону польского населения в Замостье от практикуемых немцами «умиротворений» — насильственных переселений поляков в сельской местности. В одном из боев с карателями около польского Томашува-Любельского он был тяжело ранен и умер 3 февраля 1943 г. Партизанское командование посмертно присвоило ему звание майора.

КОМАНДИР «ВАРЕСА»

Леонид Александрович Барсуковский родился в Барнауле в 1919 г. Его жизнь оборвалась в январе 1943 г., когда он был командиром разведывательно-диверсионной группы «Варес» в Белоруссии. К сожалению, Леонид Александрович не попал на страницы Книги Памяти Алтайского края. Это забвение было связано, наверное, не только с его секретной службой в штабе белорусского партизанского движения.

До сих пор можно встретить куда больше информации об убийце разведчиков группы «Варес». Что касается самих бессудно убитых им разведчиков, то лишь командир группы Барсуковский значится в интернет-проекте obd-memorial.ru Подольского архива Минобороны России. Место службы Леонида Барсуковского указано в представленном документе как «в/ч 38729». Это для фронтовых лет был адрес Разведывательного управления Генштаба Красной Армии — легендарного ГРУ.

Из очерка В.С. Давыдовой «В битве за Отечество» в книге «Герой подполья» (вып. 1, Москва, 1970) можно узнать о деятельности разведгруппы, которой руководил барнаулец:

«Значительную помощь оказывали минские подпольщики советским разведчикам, действовавшим в Минске. Например, в 1942 г. более восьми месяцев в городе находилась группа советских разведчиков, возглавляемая С.К. Вишневым (Смелый, С.К. Владимиров). В нее входили радист Е.Ф. Мельников (Таран) и В.А. Павлович. В контакте с этой группой работали связной ЦК КП(б)Б Н.М. Бортник (П.М. Гриб) и другая группа советских разведчиков во главе с Л.А. Барсуковским. Разведчики имели связь с Минским подпольным комитетом КП(б)Б. При помощи советских патриотов супругов П.Р. и П.А. Ляховских, Д.А. Максимова, матери и дочери Лисецких, О.И. Кухто, супругов А.Д. и М.Т. Загорских они прочно обосновались в городе. Подпольщики предоставляли разведчикам конспиративные квартиры, обеспечивали их необходимыми документами, продовольственными карточками, помогали собирать сведения о противнике.

В мае 1942 г. через эту группу советских

разведчиков подпольщики сообщили в ЦК Компартии Белоруссии о существовании в Минске подпольного горкома партии, о его деятельности в оккупированном городе.

Летом 1942 г. разведчики неоднократно передавали в Москву сведения о передислокации частей противника, их вооружении и действиях в районе Минска. Значительная часть этих сведений была собрана подпольщиками. Когда возникла угроза провала группы Вишневого, подпольщики переправили разведчиков и сотрудничавших с ними патриотов в партизанскую бригаду „Штурмовая“.

По имевшей место в годы войны практике в Разведуправлении Генштаба псевдоним командира и название группы совпадали. К примеру, Вишневецкий — Смелый и разведгруппа «Смелый», Барсуковский — Варес, разведгруппа также — «Варес».

14 марта 2011 г. в минской газете «Рэспубліка» была опубликована статья Юлиана Высоцкого «Падение комбрига Лунина». Спустя 11 лет после окончания войны ее мнимых героев удалось разоблачить. Из этой статьи можно узнать, как погиб барнаулец Барсуковский:

«Преступление в Маньылском лесу

Новый, 1943 г. командование только что организованной партизанской бригады „Штурмовая“ встречало вместе с бойцами разведгрупп Вишневецкого и Барсуковского. Выпивали за знакомство. Лунин, как всегда, перебрал. Вишневецкому это не понравилось. Но... долг платежом красен. И он пригласил командование бригады к себе в гости. Отправились назавтра на двух подводах. В пути между Луниным и Вишневецким вспыхнула ссора.

За столом Лунин вопреки своему обычаю пил мало, беспричинно хмурился. А на обратной дороге брякнул комиссару Фёдорову, что, дескать, Вишневецкий хочет занять его место комбрига.

Возвратясь в штаб, Лунин долго не мог уснуть, часто выходил на улицу, наконец, приказал оседлать коня. Только к вечеру в сильном подпитии появился он в штабной избе. И прямо с порога заявил Фёдорову:

— Ну и гадюку мы пригрели! Сейчас же прикажу пустить в расход!

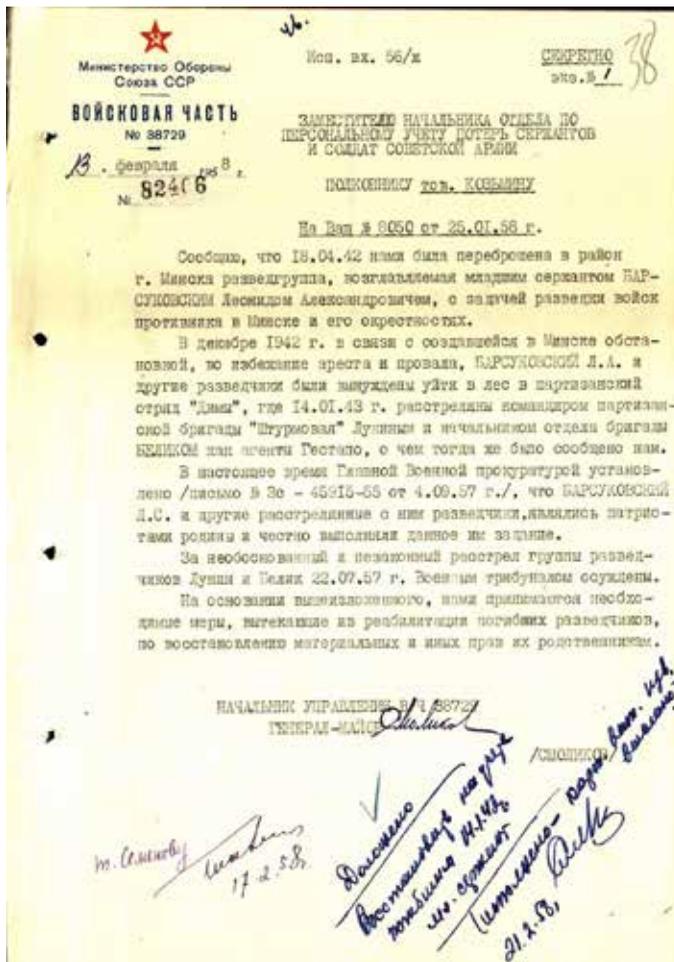
— В какой расход? О ком ты говоришь? — спросил комиссар.

— Да о Вишневецком! Вся эта кофла — фашистские агенты, их перевербовали и забросили к нам с целью уничтожить партизанское командование.

— Откуда ты это взял? — спросил встревоженно Федоров.

— Штаб „Димы“ получил радиogramму Пономаренко о том, что в партизанские соединения заброшены шесть групп перевербованных наших разведчиков. Вот две из них и попали к нам.

— Не торопись, — твердо сказал комис-

сар. — Надо поручить нашей контрразведке и трибуналу все тщательно проверить.

Лунин грохнул дверь и вышел. А через некоторое время в штабе появился начальник особого отдела бригады Белик. Он притащил мешок с какой-то одеждой и, криво усмехаясь, объявил:

— Вот гад! Еще и возмущался! Целую речь „толкнул“. Обвинял в самоуправстве и беззаконии.

У Фёдорова обмерло и похолодело сердце. Предчувствуя непоправимое и недоброе, он спросил:

— Кто «толкал» речь?

— Как кто? Вишневецкий! Но это не помогло: расстреляли всю эту банду — восемь человек!

Утром Лунин издал приказ по бригаде, в котором говорилось о фашистских агентах-лазутчиках и их уничтожении. Комиссар Фёдоров этот приказ не подписал. Его подпись подделал начальник штаба бригады Иосиф Фогель. Но об этом и многих других подробностях преступления И.М. Фёдоров узнал гораздо позже: во время следствия и суда над Луниным в 1956 г. Бывшего комбрига лишили звания героя и приговорили к семи годам строгого режима. Такой же срок „отмерили“ и его подручному Белику».

Поэты Барнаула о Великой Отечественной войне

Марк Юдалевич

На вокзале

«Ты помнишь ту трудную осень,
Прокуренный шумный вокзал,
И раненых носят и носят
В большой переполненный зал?
Как женщин, обняв автоматы,
Бойцы утомленные спят.
Глазами тревожных плакатов
В упор полонянки глядят.
Ни зги не видать на перроне,
Ослепшее небо без звезд,
Тоской расставания тронут,
Надрывно кричит паровоз.
И ты говоришь, что ненастье,
Что жаль — в затемненье таком,
Ты даже не можешь на счастье
Махнуть мне, прощаясь, платком.
С той осени езжено много,
Но вот из далеких сторон
Мой поезд обратной дорогой
Ворвался на тот же перрон.
По-прежнему осень и вечер,
Но только видней и видней
Сверкают, несутся навстречу
Десятки веселых огней.
А поезд чуть дрогнул и лихо
С разгона далекого врос
В счастливую неразбериху
Приветствий, объятий, знакомств.
Мы дома, мы дома, солдаты,
Мы в городе нашем родном.
И ты, как хотела когда-то,
Я вижу, мне машешь платком.

Евгений Каширский

Из роицы, что с Волгой рядом,
Кометы взвыли до небес.
В сорок втором, под Сталинградом,
Узнал я тайну букв РС.
Следил, не отрывая взгляда,
Прося: «Комбат, еще сыграй!»,
А реактивные снаряды
Жгли у врага передний край.
И напроць робость отходила,

Шутил с бойцами офицер:
— Там огонька на всех хватило,
Кто злобно брал нас на прицел!
Отогревались наши души,
Когда РС фашистов жгли,
Не зря так ласково — «катуши»
Бойцы те пушки нарекли.
Александр Гусев

Не забыть, как заходила просто
К нам в блиндаж продыmlенный, сырой
Щупленькая, маленького роста,
С меткою винтовкой за спиной.
Просушив шинельку, по траншее
Уходила в снайперский секрет...
Не встречал я девушку смелее.
Может быть, такой на свете нет.
Отвечала шуткою на ласку —
Смех был нужен, как в бою металл!
...На твоей тогда счастливой каске
Каждую царапину я знал.

Иван Серых

Я помню первый день войны,
Когда фашистские пираты
Бомбили в Киеве мосты,
Вокзал, больничные палаты.
Заводы, лагерь, где тогда
Мы находились на учебе.
Я не забуду никогда,
Как нас подняли по тревоге.
Мы шли в броварские леса
Исполнить клятву боевую.
Десант немецкий в небесах
Не допустить на пядь земную.
У нас желание одно,
Чтоб жить народам без тревоги,
Сразить фашистское зверье
В его же собственной берлоге.

Василий Волох

Талисман

На запад нес нас ветер наступления.
Израненные, в копоти, в пыли,

Предвестниками праведного миценья
Хозяева прорыва — танки шли.
А май шумел неистово, крылато.
В руинах опустевших деревень
Пожарищ запах убивала мята
И распускалась первая сирень.
Мы из поселка выбили фашистов.
И вдруг средь непривычной тишины
Услышали, как звонко, голосисто
Пел соловей. Как прежде до войны.
А к вечеру, когда ложились тени
Нам девочка босая лет шести
К машине принесла букет сирени,
Едва успевшей за день расцвести.
Взглянув по-детски, чистым, робким взглядом
И поборов застенчивость свою,
Сказала тихо: — Вот, возьмите, дядя,
И пусть она вас сбережет в бою...
В атаке утром танк прожгло снарядом,
И уцелевшая в неистовом огне,
Казалась чудом мне с пробитыми рядом
Сирень на окровавленной броне.
В приметы верьте вы или не верьте,
Я ранен был. Но вышел из огня.
И, может быть, та веточка от смерти,
Как талисман, в бою спасла меня.
Быть может, потому, когда мальчишка,
Вихрастый озорник придет ко мне
И скажет: — Деда, не хочу по книжкам,
Ты лучше расскажи — как было на войне...
Мне вспоминается не гром больших сражений,
Что и поныне видится во сне,
Не пепелища въжженных селений,
А маленькая веточка сирени,
Доверчиво прильнувшая к броне.

Александр Гусев

Эшелон громыхал на стыках,
Скрежетала вагона дверь.
Мне солдат сказал: «Погляди-ка,
С ветерком повезли теперь».
Улыбнулся чему-то странно
И добавил, шутя опять:
«Не хватает, видать, Иванов.
Без Иванов какая рать?».
С паровоза искры летели,
Зажигали порой траву.
Я сидел, накрывшись шинелью,
И посматривал в синеву.
Небо с полем пшеничным слилось,
А березы — как островки.
Вот старушка остановилась,
Вижу взмахи ее руки.
Угадал в ее строгих жестях
Я тревогу былых времен...
А старушка стоит и крестит
Наш несущийся эшелон.
Видно, знала: погибнет много...
Крест подняв, провожала вдали.
И в огонь нас несла дорога,
Где бумагой пылала сталь...
Миновало то злое лето,
Счастье выпало — долго жить.

Потому и старушку эту
До сих пор не могу забыть.
Борис Кауров

Молодость

Мы жизнь начинали с обмоток,
с холодной еды в котелке,
с жестокого быта пехоты,
зарытой в Копай-городке.
Мы жизнь начинали с устава,
с придирчивых глаз старшины —
в двух маршах от дальней заставы,
в трех днях от раската войны.
Мы жизнь начинали с окопов,
с тревоги армейской трубы,
со штурма барханов и сопков,
крутых, как верблюжьи горбы.
Нас наземь валила усталость
в бою на монгольской реке.
И чудом уюта казалась,
землянка в Копай-городке.
Тот бой называли конфликтом —
какая, мол, это война?
Но мудрость простую постиг ты,
что молодость будет трудна.
Нам летом с тобой предстояло
уйти в долгосрочный запас.
И где-то вдали, за Байкалом,
грустили подруги без нас.
Но сдать не успели с тобой мы
старшинам пожитки свои.
И снова — патроны в обоймы,
и с первого марша — в бой...
Мы видим, в судьбу свою глядя,
как нынче пред нею мелки
слеза бытовых неурядиц
и злых недовольств шепотки.
Нам по сердцу жесткие койки.
И молодость снова в строю —
в двух маршах от начатой стройки
в любом необходимом краю.

Виталий Шевченко

Поныне не стихли раскаты

«Погибших все явственней вижу,
Когда кobelиску хожу.
С годами чем дальше, тем ближе
Я к вечному их рубежу.
Наверно, на тех перекатах,
Где друг мой остался и брат,
Доныне не стихли раскаты
Снарядов чужих и гранат.
Наверно, там враг еще прочит
Погибель нам... И потому
Их раны еще кровоточат,
Им света не видно в дыму.
И хочется им до озноба
Подняться, осилить беду...
Друзья, подождите немного,
Я к вам на подмогу иду».

Лев Израилевич Квин (родился в 1922 году) открыл свою боевую биографию еще в довоенной Прибалтике. Был подпольщиком-комсомольцем, сидел в тюрьме. Потом воевал на фронте, затем несколько лет служил в группе советских войск в Венгрии. А после был приезд в Барнаул, огромное количество книг, переизданий, переводов на иностранные языки... Умер Квин в 1996 г. Фрагмент вышедшей в том же году автобиографической повести — как раз о службе в послевоенной Венгрии, о близком эхе войны, о любви — мы предлагаем вашему вниманию.

Лев Квин

Улица королевы Вильгельмины

Пропавшая делегация

Когда вскоре после войны я, совсем еще юный старлейт, был неожиданно послан с границы Австрии с Чехословакией сначала в предместье Будапешта, а затем и в самый центр венгерской столицы, то был приятно удивлен. Как, оказывается, у меня много знакомых молодых ребят в миллионном городе!

Между тем это вовсе не было случайностью. В последние месяцы боевых действий в Венгрии наши командиры высокого ранга, исходя из своих далеко идущих соображений, надергали в спешном порядке по разным частям головастых резвых офицеров помоложе и стали гонять их со всякими деликатными поручениями с одного края фронта на другой,

а то и вовсе за край, на ту сторону. Искали мы именитых венгров, не захотевших сотрудничать с фашистами и рассыпавшихся из Будапешта по укромным углам, от греха подальше. Сегодня эти люди не знали ничего, а вот завтра... Завтра, после освобождения Венгрии, каждый из них мог сыграть немаловажную роль. Добывать адреса таких «людей будущего», добираться к ним по тайным тропам нам как раз и помогли молодые венгерские партизаны и просто «одноразовые» добровольцы из антифашистов, такие же горячие и бесшабашные, как мы. В то время я и заработал кличку Руски Литинант, и, честно признаться, мне было здорово приятно. Когда позднее, уже в Будапеште, знакомые, а случилось, даже вроде и вовсе не знакомые венгерские парни крепко жали мне руку и, улыбаясь, произносили, как пароль: «А, Руски Литинант!»

*Фуражка на затылке, улыбка до ушей.
Как говорят в народе: завязочки пришел.
А что! Война добита, и мне шагать домой...
Увы! Судьба-злодейка готовит путь иной.*

Лев Квин

Впрочем, может быть, и других моих коллег по ночным челночным рейдам называли тоже так. Что-то вроде коллективного псевдонима.

К тому же я тогда уже вполне прилично лопотал по-венгерски. И венгры, не только молодые, с наслаждением перебрасываясь со мной парой немудреных фраз на своем языке, тут же присвоили мне новую, более высокой степени кличку: Мадьярул Беселе Руски Литинант — Русский Лейтенант, Говорящий По-венгерски.

А таких было, ей-богу, не вру, считанные единицы.

Мой новый командир подполковник Гуркин, начальник отделения по работе среди венгерского населения, крупный специалист по истории Англии и потому, вероятно, оказавшийся неожиданно для самого себя в этой должности («Какая разница — Венгрия или Англия? Главное, научен человек видеть сквозь далекую прошлую перспективу близкое светлое будущее любой страны» — так или подобным образом рассуждали, назначая его в самых верхах), был мне знаком. В феврале сорок пятого незабываемые трое суток мы проболтались с ним во фронтовой неразберихе по забитому ошалелыми эсэсовцами осажденному Будапешту, умудрясь не только выйти целыми из этой передряги, но еще и притащить с тобой десяток голодных и невероятно словоохотливых языков.

Так вот, этот самый знакомый мне специалист по истории Англии, когда я доложил ему по всей форме о прибытии к новому месту службы, сказал сразу по-свойски и без всяких обиняков:

— Меня привлекает в вас, старший лейтенант, одно качество: умение быстро сходиться с людьми. Поэтому, не скрою, истребовал вас к себе, несмотря на некоторое противодействие в штабных верхах. Работаем так: я даю направление — и вы получаете полную свободу действий. Первый ваш промах я просто не замечаю. Второй — вызываю на ковер, третий — пожем друг другу руки и расходимся без всякой обиды.

Скажу сразу: промахов было много. Но на ковре не стоял ни разу. Кроме... Но об этом потом. А вот руки жали друг другу частенько. Подполковник страдал забывчивостью и с каждым сотрудником здоровался, случалось, по нескольку раз за день. Или так полагалось на английский просвещенный манер?

Двинул он меня поначалу по молодежной части. Ну и правильно! Если я и имел кое-какой политический опыт, то прежде всего по этим делам. Недаром же протрубил в буржуазной Латвии несколько лет на подпольной работе в запрещенном Союзе трудовой молодежи, даже в тюрьме успел посидеть. Неплохо разбирался в буржуазных молодежных движениях, приходилось вести в разных формах и нелегальную политическую пропаганду. Ну а в Венгрии после войны развелось более полусотни разного направления молодежных организаций: и правых, и левых, и архилевых, и католических, и протестантских, и скаутских, и просто спортивных, впрочем, за каждой такой спортивной организацией обязательно маячил хоть большой, хоть поменьше вопросительный знак.

Я скинул, как было велено, военную форму, получил на складе АХО приличный штатский костюм из трофейных, шляпу (не синюю и не сидящую как колпак), модный в те времена пыльник и пошел шуровать с утра до вечера и с вечера до рассвета — многие молодежные клубы в послевоенной ошалелости работали и до, и после полуночи.

Легче и приятнее всего было иметь дело с новыми демократическими организациями. И знакомых по лесам северо-восточной части Венгрии там оказалось немало, и бывших военнопленных-антифашистов, и просто хороших ребят, у которых загорались глаза, когда товарищи говорили им, что вот этот широко улыбающийся молодой человек и есть тот самый Руски Литинант.

Я охапками тащил от них все: и серьезные сведения, и обрывки разговоров, и слетни. Потом, в тиши ночной, тщательно, как мог, сортировал все это добро, отделяя зерна от плевел. А утром докладывал выводы подполковнику. Он нахваливал:

— Ай, молодец, ай, шустряк! — и добавлял тем же тоном: — И не заметили

даже, как они заливают. В одном Будапеште, видишь ли, у них пятьсот членов! Тогда во всем Будапеште не меньше полумиллиона!

Подполковник мягко, безболезненно укладывал на лопатки.

— Съезжу туда сам, товарищ подполковник, сосчитаю по головам.

— Езжайте! Уверен, считать долго не придется. И при случае обязательно покажите этим хвастунишкам, что вы в курсе дела. Так, ненароком. ...Кстати, на вашем месте я бы не слишком афишировал свой венгерский. Ну, где знают, там знают, а вот где появляетесь впервые, пусть находят для разговора с вами своего переводчика. С русского, с немецкого. Это даст вам некоторые дополнительные преимущества. Ведь многие венгры так уверены в непознаваемости своего языка, что нередко, общаясь с чужаками, кое-что да выбалтывают в разговорах между собой.

Подполковник Гуркин и тут был прав. Ухо приходилось держать остро. Обманывали и чужие, обманывали и свои. Чужие вечно что-то скрывали, хитрили, комбинировали, пытаясь как можно ловчее и незаметнее провести этого улыбчивого старшего лейтенанта. Вдруг да удастся при его содействии проникнуть сквозь частокол запретов Контрольной комиссии против всякого рода перевертышей и угнездиться на нераспаханном еще поле народной власти? А свои... Своим хотелось поиграть перед тем же старшим лейтенантом жиденькими еще мускулами: вот, мол, какого влияния в массах мы уже достигли! Пусть доложит в свои верха.

Поэтому еще один козырь в этой, пусть и не очень сложной, политической игре никак не мог быть лишним.

Подполковник Гуркин никогда не вызывал меня к себе. Он просто не успевал. Я сам любил, может быть, чаще, чем требовалось, заявляться в его огромный кабинет с резными деревянными панелями, бесшумным ковром с толстым ворсом и картинами известных венгерских художников на стенах — отделение наше занимало родовой особняк именитого венгерско-польского графа, сбежавшего на Запад за день до вступления в Будапешт передовых частей Красной Армии.

Но вот однажды во время обеда — а обедать мы старались, если не мешали неотложные дела, все вместе в одно время в графской столовой, как в доброй семье, — подполковник Гуркин, сидевший во главе стола, спросил меня:

— Вы куда сейчас не спешите, товарищ старший лейтенант?

Дел у меня всегда было по горло, и он это знал. Но раз спрашивает...

— Нет, срочности особой нет.

— Тогда зайдите ко мне, когда расправитесь с косточками из компота.

И у себя в кабинете, верный своей манере не удлинять разговор необязательным вступлением, сразу спросил:

— Что такое КАЛОТ?

— Католическое общество молодых людей. Центр на площади Кальвина. Председатель — патер Керкаи. Утверждают, что член ордена иезуитов.

Гуркин кивнул и добавил:

— Во время войны они часто появлялись в рабочих общежитиях. Прозрочно, намеками, чтобы в случае чего суметь открутиться, агитировали против немецкой оккупации. А теперь вот тоже пытаются проникнуть в рабочие общежития, используя, так сказать, свой прошлый антифашистский политический капитал. Вам известно?

Я промямлил что-то невнятное.

— Для чего это им, подумайте.

Я подумал, вспомнил, как в Латвии мы в свое время с определенным прицелом создавали вроде бы совершенно безобидные литературные или спортивные кружки на небольших фабричках, предприятиях на дому, в мастерских.

— Зацепиться. Изучить материал. Наметить подходящих людей. А вот с какой целью?

Подполковник Гуркин снова кивнул:

— Вопрос хороший... Знаете что, оставьте на время ваших прогрессивных мальчиков и девочек...

Я протестующе взмахнул рукой.

— ...и девочек, — повторил он, не повышая голоса. — И займитесь одним только КАЛОТОм. Ну для равновесия еще и черкесами (венгерские бойска-

ути. — Прим. ред.). Браунинг у вас с собой?

Я гордо похлопал по заднему карману брюк. Свою легкую трофейную пушку я всегда таскал с собой.

— Пусть отдохнет у меня на полке в сейфе, — подполковник кинул на стол связку ключей. — И подумайте, как сделать, чтобы узнать побольше, а обещать поменьше. Ну, давайте не поскупимся, выделим им рулон бумаги — на бумагу они все падки. И сколько захотят брошюр о нашей молодежи.

Я встал:

— Разрешите идти?

— Но только не туда. К себе в келью. Посидите, продумайте все до мелочей, а завтра с утра — с богом!..

Патер Керкаи оказался человеком средних лет. Был он до того худ, что при взгляде на его узенькое клином личико, кругленькие, как шарики, блестящие глазки под стеклами пенсне, миниатюрные ручки с младенческими пальчиками, на все затянутое в зауженную сутану тельце невольно закрадывалась мысль: не начинают ли на складах всемогущего творца понемногу иссякать запасы человеческого сырья.

Меня патер приветствовал с такой порывистой радостью, что, казалось, встретились два брата после долгой-долгой разлуки.

Я решил повести разговор по-русски.

— Нем, нем! — радостно улыбаясь, замахал он своими ручонками. — Нем терпем оросул («Нет, не понимаю по-русски». — Прим. ред.).

А у меня между тем имелись совершенно точные сведения, что патер Керкаи бегло говорит по-словацки и при желании можно без особого труда понять друг друга.

Значит, нет такого желания.

— Немегул? («По-немецки?»). — Прим. ред.) — спросил я.

Опять умильная улыбка и торопливые взмахи руками. И такая же ложь: не мог, ну просто не мог патер Керкаи, выпускник духовной академии, совсем не говорить по-немецки.

Я пожал плечами. Сижую жду. Он хозяин, к нему явился гость, пусть он и выкручивается. Раскрывать свое знание венгерского языка не буду: это я твердо решил вчера, во время детального обдумывания своего предстоящего поведения в КАЛОТЕ. Кое-какого преимущества можно таким образом добиться. Выйти вперед на полкорпуса.

Наконец он поднял пальчик: есть, мол, идея. Просеменил в соседнюю комнату и вернулся с невысоким крепышом лет сорока, показывавшем в демонстративной улыбке два ряда великолепных крупных, один к одному, зубов. Как я потом узнал, это был заместитель Керкаи по организационным вопросам Шандор Медьяши. Тоже, как говорили, иезуит, но по каким-то конспиративным соображениям оставленный вне церкви, на штатской, так сказать, службе.

Он хорошо говорил по-немецки. Так и пошел у нас разговор. Я спрашиваю на немецком, обращаясь к Медьяши, он переводит на венгерский. Патер Керкаи медленно, осторожно, обсасывая каждое слово, хотя речь шла о самых обыденных вещах, складывает в куриную попку пухленький ротик и выдает несколько коротких венгерских фраз. Медьяши переводит.

А я ведь не прогадал со своей тактикой! Мое «незнание» венгерского языка довольно быстро стало давать результаты.

— Он спрашивает, работаем ли мы еще с кем-нибудь, кроме учеников гимназии?

Патер Керкаи морщит лоб:

— Нет. Иногда только по вечерам в клуб заходят всякие случайные люди. Просто с улицы. Мы даже не знаем, кто такие. Залетят на огонек и тут же улетят.

— Может, сказать ему о рабочих с Чепеля?

— Переводите только то, что я говорю, — и ангельски улыбается.

Ага! Значит, не следует мне знать о рабочих.

А потом пошел у нас хороший такой нейтральный доверительный разговор об архитектурных памятниках, уничтоженных в боях, о тяжело восстанавливающейся из руин промышленности.

И в завершение:

— Как интересно было познакомиться с таким интеллигентным молодым русским офицером!

А когда я выдал насчет приготовленного для них подарка — нескольких сотнях брошюр на венгерском языке о жизни советской молодежи, восторгам вообще не было конца:

— Это нам так поможет!

Про рулон бумаги я решил пока умолчать.

Оба они, улыбаясь и часто кланяясь, как китайские болванчики, проводили меня до самого выхода на улицу. Патер Керкаи, ослепительно улыбаясь, сказал на прощанье:

— Надеюсь, мы будем часто иметь честь видеть нашего гостя. Переведите, Медьяши.

Медьяши переводит слово в слово.

— Очень часто, — простодушно заверил я.

— Нам так приятно, так приятно!

Уж чего они наверняка не ждали, так это моего появления в тот же вечер в клубе КАЛОТа. Улыбчивый патер, правда, отсутствовал. Но редкой красоты зубы Медьяши весь вечер сияли рядом со мной. Он знакомил меня с любимым по моему выбору и добросовестно переводил. Один лишь раз Медьяши отступил от программы и, глядя на меня большими честными глазами, сказал по-венгерски выбранному мною собеседнику, значительно постарше мальчиков и девочек, которые занимались кто чем — пинг-понгом, шитьем, веселой болтовней в дружеском кружке:

— Полное внимание: советский офицер! — и продолжал по-немецки: — Я ему сказал: вы наш почетный гость. А это адвокат Керекеш. Наша молодежь иногда получает у него консультации по своим специфическим вопросам.

— Как заработать без подготовки единицу (высший балл. — Прим. ред.) на экзамене?

Керекеш сдержанно рассмеялся. Выправка у него была хоть куда.

— Это они и без консультации умеют, — сказал на чистом немецком и добавил серьезно: — Я консультирую молодых рабочих по вопросам трудового законодательства. Столько новшеств, сам едва успеваю быть в курсе.

Медьяши, не забывая показывать зубы, нервно засучил ногами.

«Почему они так не хотят, чтобы я знал про рабочих? Ведь Венгрия — католическая страна, и почему такая организация, как КАЛОТ, не имеет права уделять внимание также и рабочим-католикам?»

На другой день наша милая секретарша Зоя довольно долго продержала меня утром у двери подполковника Гуркина. Раньше такого не случалось.

Наконец от него вышел какой-то полковник и я, уже порядком перенерничавший, был допущен.

— Доброе утро, — Гуркин, как всегда, вежливо поднялся с кресла, пожал руку. — Садитесь, рассказывайте.

Рассказ мой был короток: хитрят и скрывают. Особенно насчет своих связей с рабочей молодежью.

Я изложил наши беседы почти дословно. Гуркин непривычно долго молчал, покачиваясь на задних ножках кресла.

— Вот только что от меня вышел работник СМЕРШа. Вчера поздно вечером на Керенде опять убили двух наших офицеров. Снайперы с крыши. Одного удалось свалить автоматными очередями. Но ни документов, ни характерных деталей в одежде, вообще ничего примечательного. Полковник приходил посоветоваться. У них косвенные данные насчет КАЛОТа. Косвенные, — подчеркнул он.

— Не знаю, как насчет убийств. Но что-то у них не в порядке.

— Придется снова к ним. Возьмите мою машину, отвезите брошюры. А вечером опять в клуб.

И вновь ослепительные улыбки, и вновь крепкие дружеские рукопожатия. И сам патер Керкаи в клубе. Оказывается, вчера он отсутствовал по причине затяжного богослужения в церкви,

И так почти две недели. Я даже три или четыре раза заходил по приглашению Медьяши на чашечку кофе к нему домой и столько же раз приглашал его к себе.

Я не скрывал, где живу, он знал, где наше учреждение.

Патер Керкаи с извиняющейся улыбкой все время ссылаясь на сильную

занятость пасторскими делами,

А убийства офицеров в Будапеште продолжались. Иногда на Керенде. Иногда на окраинах. Чаще всего злобно, хитро, с предварительной слежкой, с заранее обдуманными путями отхода.

И вот настает день, когда подполковник Гуркин говорит мне:

— Все, старший лейтенант! Вы свое дело сделали. Спасибо. И бегите в свои прогрессивные организации. А то оттуда уже звонки. И тот рулон бумаги отдайте им, так сказать, в качестве материальной компенсации за ваше столь долгое отсутствие.

— А с КАЛОТом что?

— Готовим документы в Контрольную комиссию об его роспуске. Конечно, англичане и американцы будут вякать — не их же убивают. Но доводов и доказательств хватает. Судить будем только тех, кто пойман на месте, а организацию просто запретим. Недели через две — три, пока пройдет через бюрократическую мельницу. А вы больше там не показывайтесь. Если встретитесь на улице — лучшие друзья! И улыбки, и приглашения на чашку кофе. Запрещение исходит не от нас. Это дело других инстанций.

— Так и говорить?

— Так и говорите. А что, разве неправда?

Проходит еще два или три дня, и меня вызывают в советское посольство. К самому послу с замечательной фамилией Пушкин. Он мне нравится, этот человек на большой должности — и приветлив, и обходителен, и мил. А еще больше мне нравится его жена. Пятеро детей — и до чего же обворожительна и красива. Иногда я вижу ее в клубе советской колонии. Правда, редко. Пятеро детей — это не шутка, даже мне, сосунку, ясно.

У организаций наших — отделения и посольства — отношения не ахти. Все дело в соперничестве. Мы — часть армейского аппарата, они — дипломаты. У нас свои методы добывания информации, у них свои. И нередко случается, что наша информация оказывается на столе у высокого начальства в Москве раньше, чем посольская. И более точная. И более подробная. Посольские злятся, особенно первый советник — он как раз и отвечает за информацию. Но что поделаешь, если посольство замкнулось в своей скорлупе в переулке Байза и работает больше с телефонными аппаратами, чем с живыми людьми. А нас, как и журналистов, ноги кормят. И информаторов у нас море. И друзья, и друзья друзей, и бывшие наши солдаты-венгры, с которыми мы вместе и воевали и партизанили, и бывшие пленные — в тяжелых боевых условиях мы обошлись с ними по-доброму, и они до конца жизни поверили нам.

Что поделаешь! Таковы парадоксы нашей работы. Но не все в посольстве это понимают. Злятся, подкусывают. Правда, и нам палец в рот не клади. Подкусишь — и сам же трясешь рукой от боли. Ребята все воевавшие — оторви да брось!

Да, не все посольские нас понимают. А вот посол Пушкин понимает. И из-за этого я ему особенно симпатизирую. Конечно, тайн наших не выдаю: симпатия — одно, а производственные секреты — совсем другое. И он это понимает, не выпытывает, как иногда первый советник. Тот напустит на себя строгий вид и допрашивает сурово. Смешно! Так я его и испугался, так я ему все и выложил на стол!

Пушкин вызывал меня к себе очень редко. Поэтому сначала я удивился. Перебрал в уме прегрешения перед посольскими. С этим поругался, с тем, прости господи, выпил в ресторане.

Ничего особенного!

О таких вызовах принято сообщать начальнику.

— Идите, — говорит Гуркин. — Он меня поставил в известность.

— А зачем?

— Он и вас поставит в известность.

Ох уж эти специалисты по истории Англии!

Пушкин, как и полагается дипломату, выкладывает главное не сразу. Сначала очень вежливо и заинтересованно расспрашивает о здоровье, о том, как мне нравится венгерский климат, о планах на лето. Хотя какие могут быть планы на лето — в отпуск нас все равно не пускают.

Потом говорит:

— Ваши подопечные венгерские комсомольцы бушуют.

— Комсомольцы?

— Ну, почти. МАДИС и прочие. Требуют к себе делегацию советского комсомола.

— И правильно! Сколько можно кормить их обещаниями. Для них это будет действительно могучей поддержкой. А то уже идет болтовня: советский комсомол их в расчет не берет, они для комсомола — ноль без палочки.

— Словом, звонил Михайлов. Будет делегация, — еле удерживаюсь, чтобы не подпрыгнуть по-мальчишески.

— И сам Михайлов приедет?

— Нет, он занят. Нина Романова, тоже секретарь ЦК. Ну и с ней ряд представителей из республик. Сроком на три дня.

— Коротковат срок. Впервые — и на три дня. А когда?

— В четверг. Пятница, суббота, воскресенье.

— Через пять дней, значит. Самолетом?

— Нет, поездом. Мягкий вагон. Подарки, ну и прочее. Давайте договаривайтесь с МАДИСом, как действовать. Сценарий послезавтра ко мне — покажите только сначала Гуркину. Я тоже включусь. Делегация официальная, без посла несолидно...

И понеслись вскачь сумасшедшие пятеро суток. Все смешалось у меня: наша резиденция, центры прогрессивных молодежных организаций, советское посольство... Спасибо, в автомашинах отказа не было — с одного места на другое добирался мигом.

Наконец четверг. Все готово к приему дорогих гостей. Восточный вокзал Будапешта в центре. Не только в прямом, но и в переносном смысле: расцветенные молодежные колонны, флаги, транспаранты.

Все готовы, все во главе с послом Пушкиным на своих местах. Ждем прибытия поезда.

Осталось три минуты. Две. Одна.

Vajda-Hunyad vára

Burg Vajda-Hunyad

Château de Vajda-Hunyad

Castle of Vajda-Hunyad

Наиболее нетерпеливые тянут головы вдоль путей.

Нет ничего.

Время!

Поезда нет!

Начинается легкая паника и, прежде всего, среди венгерского начальства. Железнодорожники в больших чинах устремляются к главному корпусу вокзала. Будут, видно, наяривать по телефону, по рации.

А поезда все нет!

Уже десять минут прошло. Что случилось?

Бегут обратно, задыхаются:

— Непредусмотренная остановка. На маленьком соседнем полустанке.

Уже вышел, сейчас будет здесь.

— Авария?

— Нет-нет, все в порядке.

И вот уже вдалеке появляется паровоз. На передней площадке большой портрет товарища Сталина утопает в цветах.

Ближе, ближе...

Свод вокзала сотрясается от криков: «Эльен! Эльен!» — «Ура!»

Паровоз остановился, устало попыхивая.

Высокие чины, венгры и наши, впереди с послем Советского Союза устремляются к мягкому вагону, дверь которого, ко всеобщему недоумению, закрыта.

И тут опять возникает легкая паника, очень быстро переходящая в тяжелую.

В пятом вагоне никого нет!

И вообще во всем поезде нет ни одного члена комсомольской делегации.

Что такое? Куда пропали? Ведь точно известно, что в Ньередьхазе, недалеко от границы, их торжественно встретили, в Дебрецене, в Сольноке.

Ползут страшные слухи. Похитили делегацию!

Но вскоре выясняется: никто не похищал, вышли они все совершенно добровольно. Поезд остановился на полустанке. Там венгерские колонны со знаменами, с портретами, разукрашенные автомобили. Встретили комсомольцев, поднесли хлеб-соль, расцеловали и, подняв на руки, понесли к автомобилям со всеми вещами и подарками.

И поехали в город. Колонны с оркестром тронулись вслед.

Никто на вокзале ничего не понимает.

Кто встретил? Какие колонны?

Представители венгерских партийных органов спешат почти бегом к руководителям МАДИСа. Те — ко мне. Гуркин — ко мне. Пушкин — ко мне.

У всех лица такие, хоть удирай от них.

А я и сам ровным счетом ничего не понимаю. Как это так? Была делегация и исчезла, испарилась...

Работники венгерской безопасности оказались расторопнее всех.

Делегацию нашего комсомола ждали на полустанке в большом числе старые, не очень старые, юные и совсем молоденькие представители КАЛОТА.

Машинист, их человек, по предварительной договоренности сделал непредусмотренную остановку в пути.

Нина Романова и прочие высокие чины комсомолии решили — и их вполне можно понять! — что это и есть большая встреча с венгерской молодежью, и, сопровождаемые восторженными здравицами в честь советско-венгерской дружбы, уехали кортежем машин.

Первым пришел в себя подполковник Гуркин:

— Где они теперь?

— В главном помещении КАЛОТА на площади Кальвина. Там идет митинг дружбы, а затем предусмотрен торжественный обед с грандиозным цыганским оркестром с тремя примашами-скрипачами...

Не буду описывать, как отбивали у КАЛОТчан похищенную делегацию, как возмущался, не переставая расточать сладкие улыбки, патер Керкаи: «А мы разве не за дружбу с Советским Союзом?» Как позднее в посольстве рыдала в голос Нина Романова, узнав, в какой просак попала не по своей вине.

А назавтра вышла газета КАЛОТa под аншлагом «Молодые католики за вечную дружбу с советской молодежью. Делегация комсомола у нас в гостях». И десятки фотографий в тексте: торжественная встреча, объятия, поцелуи, взаимные клятвы, хороводы, пляски...

Подполковник Гуркин полистал газету, которую я ему доставил еще сырой прямо из типографии в семь часов утра, и сказал неспешно, спокойно, в присущей ему манере:

— Ай да Керкай, ай да иезуитская лиса! Переиграл, святой черт! Теперь о том, чтобы их запретить, нечего и думать. По крайней мере, полгода... Считай, второй твой промах — ты вызван на ковер.

У меня хватило ума промолчать.

К счастью, до третьего промаха дело не дошло.

Ну а с патером Керкай встретиться все-таки довелось, хотя гнездо КАЛОТa на площади Кальвина я старался обходить за несколько кварталов.

Но все равно не уберегся.

Через месяц или чуть позже вышел из ворот нашего особняка на улице Королевы Вильгельмины, семенит мне навстречу миниатюрный, ослепительно улыбающийся патер Керкай с портфелем в руке.

И, главное, свернуть-то мне некуда. Опустив глаза долу и сделав вид, что не заметил его, мы сближались вдоль длинного чугунного ограждения без единого просвета. Лишь позднее я сообразил, что Керкай просто-напросто подкарауливал меня здесь и заранее отрепетировал, в каком месте нам по-встречаться, да так, чтобы увильнуть я не сумел.

— О, какое счастье, что я вас встретил, господин старший лейтенант, да благословит вас Всевышний!

— Здравствуйте! А вы, я смотрю, очень быстро изучили немецкий.

Он беспечно махнул крохотулей-ручкой, словно говоря: «Немецкий — что! Такие времена, чему только не научишься!»

Открыл портфель, не без труда вытащил увесистый том и, держа на весу, сказал елейно:

— Сообщаю с радостью, господин старший лейтенант, я только что из Ватикана, от самого папы и, представьте себе, специально выпросил там для вас экземпляр Священного писания на русском языке.

Раскрыл крышку переплета и тут же, прямо на улице, нацарапал только начинавшей входить в моду шариковой авторучкой: «Моему лучшему другу старшему лейтенанту Лео Квину на вечную память», — и подписался каллиграфически четко: «Патер Керкай».

Написал, разумеется, на венгерском.

— Переводить, я думаю, не надо. Не помню, кто мне сказал, что за недели нашего знакомства вы блестяще изучили венгерский язык. Ах какие способности, какие способности!

Я сердечно поблагодарил за папский подарок, мы попрощались на самый великосветский манер.

Больше никогда я патера Керкай не видел, никогда даже не слышал о нем. Думаю, что следы его лучезарной улыбки, если бы тогда серьезно взяться за поиски, можно было бы обнаружить не в Будапеште, а где-то в районе собора святого Петра в Риме.

А щедрый подарок патера Керкай я, возвращаясь через несколько лет в Советский Союз, с собой не взял.

Время было такое, пятидесятые годы. Пограничники прямо зверствовали, придираясь к любой ввозимой в Союз печатной и непечатной бумажке.

Не рискнул, мягко говоря.

Скажете грубее: струсил?

Что ж, спорить не стану.

Свадьба с генералами

Сельская улица, вихляя, поднималась в гору, и девушка медленно двигалась мне навстречу, внимательно разглядывая таблички на калитках, словно искала нужный ей номер.

Золотые кудряшки, вздернутый носик...

Как похожа!.. Нет, не похожа! Это же она!

— Зоя! — крикнул я, еще не веря. — Зоя!

Она остановилась недалеко от меня. Повернулась, отыскивая что-то глазами в конце улицы. Потом снова глянула в мою сторону:

— Вы меня?

— А кого же еще! — лихим жестом я смахнул щегольскую фуражку на затылок. — Вы ведь Зоя, не так ли? Из седьмой армии, москвичка?

Удивилась:

— Откуда вы меня знаете?

— Откуда и вы меня. Помните — Ясапати? Вы сидели на скамейке между двумя конвоирами, и я подумал, что вас поймали. Мата Хари, — рассмеялся я.

— Шпионка, что ли?

— Точно! И даже пожалел вас. Такая красивая — и под расстрел.

Она улыбнулась:

— А я вас совсем не помню.

«И хорошо! — подумалось мне. — Представляю, как я тогда выглядел. Мокрый, зеленый, щетинистый».

— Что вы здесь делаете, Зоя? Или тут разместилась ваша редакция?

— Нет, что вы! Нам до нее еще ползти и ползти.

— Ползти? На чем?

— Вон видите газик? — она снова посмотрела в конец улицы. Там действительно стояла какая-то полторка, вокруг озабоченно носился шофер с инструментами. Поодаль стояла группа девушек, явно увлеченных беседой. Слышался смех. — Вообще-то у нас не машина, а драндулет без тормозов, — пояснила Зоя. — Когда редакция переезжает на новое место, реалы, печатную машину и все другое мало-мальски ценное отправляют на исправных ЗИЛах. А всякое малостоящее барахло, и нас в том числе, на этой. Плетемся тихим шагом, робким зигзагом. В принципе, правильно. Им надо скорее попасть на место, установить оборудование, начать делать газету. А нам, корректорам и прочему канцелярскому люду, попасть хотя бы к выпуску номера.

— Нечего сказать, отношеньце! — возмутился я. — Люди в последнюю очередь, да еще на машине без тормозов,

— Ну, это не совсем так. Наборщики и печатники едут на первых машинах, а мы... Петька, это шофер, перед спуском высаживает нас из кузова, а сам сует в тормоза какие-то железяки, не дает разогнаться. А на особенно крутых спусках становится на подножку, чтобы в случае чего успеть спрыгнуть. А мы спускаемся по скосам, цветочки собираем, песни поем. Даже приятно! Представляете, Петька по длиннющему серпантину, а мы всего метров двести. И насидимся, и наотдыхаемся, пока он подъедет.

Смех у нее тихий, приятный. И улыбка нежная.

— А сюда вы как забрели?

— Да вот ищу, где бы напиться. Только все калитки заперты. Никого! Словно все повымирили.

— Ну, мы их сейчас оживим!

Я шагнул к калитке с грозной надписью на табличке: «Позор, злы кочет!», сильно стукнул кулаком.

— Вы не знаете, что означает эта надпись? На многих калитках «Позор, злы пес!» Ну «злы пес» — это я еще понимаю. А позор? Почему «позор», если злая собака? Или это фашисты их заставили?

Я рассмеялся:

— Нет. Просто «позор» по-словацки — «внимание». То есть «Внимание, злая собака!»

— Вот оно что? А кочет?

— Над этим пока не задумывался. Скажем «кочет» — петух. Петуха, значит, беречься? Опасный зверь, ничего не скажешь... Впрочем, сейчас точно узнаем.

За калиткой кто-то учащенно дышал, но открывать не решался.

Я постучал энергичнее:

— Эй!.. Эй!..

В щели показалось перепутанное женское лицо.

— Вас... Вас волен... — пыталась она произнести по-немецки.

— По-венгерски понимаете? — спросил я, вспомнив, что здесь, в Южной Словакии, много венгров.

— Да-да! — обрадованно закивала женщина. — Так вы венгр?

— Не совсем. Я русский офицер. А это русская девушка. И она хочет пить. Принесите поскорее кувшин с прохладной водой и стакан. А еще лучше — два.

Словачка заспешила к дому, шурша многочисленными юбками, надетыми одна на другую.

— По какому вы с ней говорили?

— По-венгерски.

— Вы венгерский знаете? — на ее лице отразилось удивление, смешанное с уважением. Я в своих собственных глазах сразу вырос на целую голову.

— И венгерский, и немецкий, и английский... И румынский... Правда, румынский не очень здорово, — самокритично признался я, — но все же понимаю. И объясниться вполне могу. Словом, штиу романешти.

Женщина уже спешила с ведром и посудой.

Я налил стакан, выпил. Потом наполнил другой и подал Зое.

— Можете пить, вода свежая, ничего не примешано. Блюдечко не догадалась принести, умница.

— Ничего-ничего! — выпила, попросила еще...

— Слушай, Зоя, а если на ты? Ведь мы, можно сказать, уже с осени знакомы. Полгода.

Она или думала о другом и пропустила мое предложение мимо ушей, либо вообще не услышала.

— А можно спросить ее насчет кочета?

— Почему же нельзя? — слегка обиженный, я повернулся к словачке. — Мадам, у вас на табличке: «Позор, злы кочет». Не «пес», а «кочет»?

— Нема, нема уж того кочета, — она тщательно отерла кончиком цветного платка каждый глаз в отдельности. — А был кочет, был. Такой молодец. Как чужак заберется во двор, скакнет на голову и норовит клюнуть, да побольнее.

Я перевел.

— А где он теперь?

— Сварили и съели.

— Нечего было есть? — сразу же прониклась сочувствием Зоя.

— Господи! И гуси! И ути! И курицы! Да всего полно.

— Почему ж тогда?

— А немцы тогда отступали с Грону. Староста прибежал и приказал сейчас же отрубить кочету голову. Запрыгнет, говорит, на немецкого офицера, а тот возьмет и велит спалить всю деревню.

Словачка сложила посуду в ведро:

— Больше ничего не треба, господин полковник?

Я рассмеялся:

— Был полковником. Вот только вчера разжаловали.

— Еще будете, еще будете. Молодой совсем... Ну, спасибочки, спасибочки вам, добри люди.

Она хлопнула калиткой. Лязгнула щеколда.

— Что ты смеялся?

О, вот уже и на ты.

— Она назвала меня полковником.

— Будешь!

Мне стало еще смешнее:

— Вот-вот! Она тоже так сказала, что буду.

— Смейся, смейся!.. А ведь зеленоглазые — вешуни... Мне еще бабушка говорила.

Видно, Зоя была совсем не прочь продолжить наш веселый треп.

Но тут...

Но тут, в самый неподходящий момент, с того конца улицы донесся нестройный девичий хор:

— Зоя! Бегом! Едем! Зойка, скорее!

— Ой! — и понеслась к своей полуторке, небрежно махнув мне на прощанье. — До свидания, старший лейтенант.

— Где? — крикнул я вслед. — Где свидимся? И когда?

— В Москве, конечно. В шесть часов вечера после войны.

Ее немудрящая шутка, гулявшая тогда по всему фронту, вдруг заставила сжаться сердце. Жди! Так только в фильмах бывает!

Я смотрел, как она подбежала к подругам, как те, уже с машины, протянули ей руки, затащили в кузов.

И полуторка тронулась нехотя, протестуя визжа и фыркающая клубами черного дыма. Сначала вроде бы ко мне, а потом развернулась и потащила в обратную от меня сторону.

А Зоя, завязав косынку, снова помахала мне.

Хорошая девчонка!

Веселая! Добрая, миленькая такая. И красивая! А глаза в самом деле зеленые. Или голубые? Или все-таки зеленые?

Вот болван! Смотрел, смотрел во все глаза — и даже глаз не разглядел.

События понеслись, как усталая лошадь, почувывая вдруг близкий конец пути. Санкт-Пельтен, Баден...

Но вот прибыли спецы из отдела кадров фронта и взялись за наши души: того в ад — то бишь в роту, того в рай — то бишь демобилизовать, того в чистилище — то бишь в резерв с неопределенным еще будущим.

Меня спросили:

— Японский знаешь?

Я рассмеялся:

— А латышский не пойдет?

— Отставить шуточки!.. Корейский, маньчжурский?.. Нет?.. Так вот тебе направление.

Я прочитал, слегка ошеломленный:

«Будапешт, воинская часть такая-то. В распоряжение гвардии подполковника Гуркина».

— Знаешь его?

— Вроде знаю.

— Он за тебя с самим Тевченковым сражался — пыль столбом. И, представляешь, выдрал по кускам!

Генерал-лейтенант Тевченков — начальник политуправления фронта. Если он заупрямится, у него ни взять, ни выпросить — только свирепеет. Чего это Гуркин решил из-за меня лезть на рожон?

Ответ напрашивался сам собой: мой венгерский.

И я сразу решил: если переводчиком — ни за что на свете! Корпеть за бумагами, подслуживать начальству — ни за что!

Вот в таком воинственном настроении я и заявился со своим полупустым брякающим чемоданом — бритвенный прибор, мильница, зубная щетка, смена белья, два — три словаря — в будапештскую комендатуру. Там мне подробно разъяснили, как попасть в «хозяйство Гуркина», и, проехав на двух ярко-желтых как только что вылупившиеся цыплята трамваях, я оказался на улице Королевы Вильгельмины перед домом номер четыре.

Вот это дом так дом! Целый дворец со сводчатыми окнами, шикарным подъездом из фасонного чугуна и толстого сантиметрового стекла, с шикарной вертушкой на флюгере.

У ворот красноармеец с синими петлицами и винтовкой с примкнутым штыком — из полка НКВД. Прочитал, шевеля губами, мое направление, приотворил щелочку в чугунной ограде. Мол, не велика шишка, втянет живот, проберется — не зацепится.

И вот я в просторном вестибюле с мраморными ступенями, потом в круглом холле с полом, застланным толстым ковром, в котором тонут ноги, и с круглым стеклянным фонарем на уровне третьего этажа. И дверь с резными узорами. А на ней прозаическая бумажка с машинописной надписью: «Приемная». И от руки тушью по-венгерски: «Фогадотерем», что означает то же самое.

Куда я попал? Это и есть дом номер четыре? С дрожащими от напряжения коленками делаю несколько неслышных шагов к двери, нажимаю пружинистую полуметровую золоченую ручку и оказываюсь в большой комнате с таким же ковром, как и в холле, и розовыми шелковыми обоями.

Шикарные белые столы с гнутыми ножками. Стеклянная снизу доверху дверь на такую же стеклянную веранду. Слева и справа две белые двери — высокие, чуть ли не до потолка — и тоже с накладными витиеватыми узорами. А возле правой двери стол — ну как он сюда попал, такой убогий! Обычный, даже слегка драный канцелярский шатконогий письменный стол. А за ним, очевидно, для полноты контраста, армейский железный шкаф-сейф — грязно-коричневый, облупленный, кое-где даже ржавый.

Ах, какую картину испортили байбаки армейские с узкими белыми погонами на плечах!

Но за столом вовсе не армейский байбак, а девушка в гражданском платье, правда, в сапогах. Старательно отстукивает что-то на машинке двумя пальцами.

По всему видать — секретарша начальника.

Я подхожу ближе, протягиваю направление.

— Скажите, пожалуйста, гвардии подполковник Гуркин...

Девушка поднимает голову, склоненную над машинкой, и у меня глаза тотчас же лезут на лоб.

Так это же она!

Она!

Вот так встреча!

— Здравствуй, старший лейтенант. Забыла тогда спросить твою фамилию.

— Зоя! Ты здесь? Как здорово!

— Который сейчас час? — улыбается. — Гляди-ка, на целый час не угадала!

— Как? Почему?

— «В шесть часов вечера после войны». А теперь только пять. Ну ничего, пока Гуркин тебя помурьжит, как раз шесть и стукнет. Давай свое направление, я доложу. Да садись же ты, вот кресло. И чемодан поставь. Сюда, за стол, оттянул небось все руки... Интересно как! Я знала, что старший лейтенант Квин должен прибыть, но понятия не имела, что это вон кто...

И все так же улыбаясь своей легкой, едва обозначенной улыбкой, пошла в кабинет...

После разговора с Гуркиным у меня отлегло от сердца. Никакие не бумаги, никакой переводческой тягомотины — все та же оперативная работа, только несколько иного характера — время-то теперь не военное. А учитывая еще отношение ко мне самого Гуркина, лучшего и желать не приходилось. Я выскочил из его огромного роскошного кабинета, больше похожего на музей, с широченной улыбкой на все лицо.

— Ясно! — Зоя скользнула по мне взглядом. Она по-прежнему стучала на машинке. — Поднимись на второй этаж, пятая комната. Собственно, там не комната, а даже две. Будешь жить там с двумя славными венграми. Матяш

— который пошире и пониже, и Франкович — тот худой и высокий. Ужин в восемь вон в той комнате, слева. Можно и опоздать. У нас не так строго, каждый приходит, когда может, работа такая.

Я уселся в кресло поудобнее, рассчитывая на долгий приятный разговор.

— Нет, нет, нет! — замахала руками Зоя. — До восьми я печатаю. Мне тренироваться надо. Понимаешь? Я ведь пока еще на машинке еле-еле. Одним пальцем тик, другим так.

— А потом, после восьми?

— А потом ужинать.

— А после ужина? Опять тик-так?

— Разве только полчаса воздухом подышать. У нас здесь хороший сквер...

— Покажешь, ладно?

Окрыленный ее обещанием, я забросил в свое новое логово чемодан, слетел с широченной лестницы, тоже устланной ковровой дорожкой и охватывавшей с двух сторон мраморные статуи не то богинь, не то весталок с несколькими плафонами в виде стеклянных шаров, и выбежал в сквер.

Да, скверик уютный, ухоженный, но, на мой просвещенный взгляд, слишком открытый. Кусты низко подстрижены, а кроны деревьев, наоборот, подняты как шапки. Три или четыре скамьи, но все на виду.

Было еще время, и я произвел быструю рекогносцировку на местности. Слева виднелся парк, но уж слишком до него далеко. А вот в другую сторону вела улица без единого деревца, вся в магазинах.

Но зато за ней совсем рядом, за углом, я открыл премилый кинотеатрик. Какой-то неизвестный мне французский кинофильм с Жаном Габеном в главной роли.

Вот это подойдет!

И за ужином я предложил Зое:

— Знаешь что, рядом идет фильм с Габеном.

— А это кто?

— Известнейший французский киноактер. Я его еще до войны в Риге несколько раз видел. Пошли, так хочется довоенное вспомнить. Билеты уже у меня, — похлопал я по карману гимнастерки.

Уламывать ее не пришлось.

— Ну, раз билеты... Правда, я хотела потренироваться еще часа два... Ладно, завтра наверстаю...

И мы отправились смотреть Жана Габена.

Кинотеатрик маленький, мест на двести. Я предусмотрительно выбрал средние места, у самого прохода.

Свет потушили, мелькнуло несколько кадров цветной рекламы, и под легкий стрекот кинопроектора стала разворачиваться история простоудушно-го парня, завербованного уголовниками и постепенно ставшего квалифицированным взломщиком.

— Что они говорят? Что говорят? Переводи, пожалуйста, — просила Зоя.

Но вскоре, заметив, что мы мешаем соседям, а может, увлекшись острым сюжетом, стала следить за ходом событий на экране, не требуя от меня перевода.

Молодой симпатичный вор медленно, с оглядкой подбирался к сейфу.

Я удобно закинул руку на Зоино кресло.

Взломщик нацелил свое сверло на нужное ему место в наборной катушке сейфа.

Я продвинул руку подальше, едва ощутимо коснулся Зоиного платья.

Взломщик осторожно потянул дверцу сейфа.

Я положил руку на мягкое податливое плечо.

— Не надо, — едва слышно произнесла Зоя.

Первое предупреждение! Поднаторевший уже в играх с податливыми венгерками, я резонно решил, что его можно не принимать во внимание.

На экране — крупный план. Лицо взломщика в каплях пота. Дверца сейфа медленно отходит.

В зале абсолютная тишина. Кульминация. Все зрители дружно затаили дыхание.

Я решительно опустил руку в вырез платья пониже плеча.

И вдруг тишина взорвалась оглушительным треском. Я, не вполне понимая еще, что случилось, схватился за щеку.

И тут вспыхнул яркий свет.

Весь зал дружно повернулся в нашу сторону. Я моментально отдернул руку от горевшей щеки. Зоя сидела, отвернувшись от меня и низко опустив голову.

В венгерских кинотеатрах, да и в кино многих других стран, в середине фильма обычно делают перерыв на пять — семь минут, чтобы зрители могли покурить, сбегать по своим надобностям, съесть пирожное или конфету.

Люди теснились, вытаскивая на ходу пачки сигарет, мимо нас к выходу, многие смотрели на меня и открыто посмеивались. Я отлично понимал, о чем они думают: русский офицер снахальничал и получил от своей венгерской спутницы хорошую оплеуху. Они готовы были даже заплодировать ей. Но на ремне у меня висела кобура, и они опасались последствий. Что кобура была пуста, так как пистолет надлежало сдать по старому месту службы, никто из них, разумеется, не подозревал.

Я же больше всего опасался, что Зоя сейчас встанет и уйдет из зала с людским потоком. И вся любовь! Я сам напортил, сам обрубил то слабое и нежное, что только-только наметилось между нами.

Но она не ушла. Наверное, ей было стыдно не меньше, чем мне. Стыдно за меня!

Народ стал возвращаться, негромко смеясь и переговариваясь. Все, как один, улыбались. Представляю себе, что было о нас наговорено в фойе.

И снова Жан Габен берется за прерванное преступное дело.

Я сию согнувшись, сунув руки между коленями. Молчу. Зоя тоже молчит. Переводить не надо. И так все ясно.

Не знаю, как я выдержал этот мучительный час. Но выдержал. А когда сеанс кончился, нашел в себе силы прошептать:

— Выйдем последними, ладно?

— Как хочешь, — прошелестело в ответ.

На улице было еще светло. Я не решался взять ее под руку. Шли и молчали.

Скверик у дома номер четыре. Часовой у наших ворот.

— Прости меня, — заговорил я внезапно ошипшим голосом, чувствуя, что другой возможности больше не будет, может быть, никогда. — Сам не знаю, как получилось.

— Я тоже, — в голосе Зои звучал смех. — Не знаю, как получилось... так громко.

И вдруг мы засмеялись. Оба сразу. И смеялись так громко, так долго, так заразительно, что часовой у ворот тоже заулыбался.

А потом вдруг посуровел:

— Все хиханьки да хаханьки! Возле поста не положено. Проходите, а то возьму да закрою.

— Ну и закрывай себе! Вот напугал.

Сели на открытую со всех сторон скамейку и давай целоваться. Прохожие-венгры идут, косятся. А мы целуемся и смеемся. Пусть смотрят, черт с ними! Пусть смотрят и завидуют.

Так все началось. И так продолжалось. Долго-долго — месяца три или четыре. Работы у меня было очень много, встречались мы только по утрам в столовой. Днями и долгими вечерами я пропадал по разным заданиям. Зоя же стучала: тук-тук. До поздней ночи. Иногда Гуркин силой отгонял ее от машинки.

Упорная!

Даже вытащить Зою в кино мне удавалось нечасто, причем только на советские фильмы. Старые или новые — все равно, лишь бы только артисты говорили по-русски...

Вообще за эти месяцы Зоя здорово изменилась. Она больше не жалась незаметно в своем уголке перед гуркинской дверью, а стала настоящей хозяйкой канцелярии:

— Матяш, с тебя отчет о вчерашнем митинге партии мелких хозяев.

— Товарищ Франкович, перевод статьи Ракоши вы должны были сдать еще вчера.

— Ланин, машина из седьмой комендатуры ждет перед воротами уже, наверное, минут двадцать!

Но все так же старательно била по клавишам пишущей машинки. Только теперь уже не двумя пальцами, а десятью.

— Похвалиться? Скоро начну пробовать слепой метод. Страшновато, правда.

— Нем бой, хвост трубой! — подбодрил я.

И хотел было ринуться в столовую, перехватить, что попало, и опять бежать к бойскаутам. Там предстояли выборы, гнали старое реакционное руководство, и далеко не все обстояло благополучно.

— Погоди минутку, — остановила Зоя. — У тебя сегодня утром у скаутов случаем уши не горели?

— А что?

— Гуркин тебя так нахваливал,

— На совещании отдела?

— На совещании со мной, — губы Зои чуть шевельнулись в улыбке. — Ты и умный, ты и симпатичный, ты и добряк, каких мало...

Вот теперь у меня и в самом деле зарделись уши.

— А ты?

— Сказала, характер ужасный. Вспыхиваешь ни с того ни с сего как спичка. А что, неправда?

— Но тут же отхожу. Верно?

Она рассмеялась:

— Вы что, с Гуркиным сговорились? Это он тоже сказал.

— Сговорились? По-твоему, я его свахой подослал?.. И какой же итог?

— Итог последует в письменном виде.

— Ну хоть намекни! Я никому не скажу — слово офицера.

— Не имею права. Идет под грифом «совершенно секретно»...

Начало осени принесло Гуркину новые хлопоты. Он то мчался на своем сверхмощном кабриолете «школа люкс суперIOR» (говорили, что их было сделано на заводе «школа» всего четыре экземпляра лишь на заказ; гуркинский принадлежал прежде румынскому королю Карою) в город Баден под Веной, где размещался штаб нашей Центральной группы войск. То к нам из Бадена кавалькадой прикатывали на своих трофейных красавцах важные чины в генеральских званиях и надолго запирались в гуркинском кабинете, выставив перед дверью энкавэдэвских часовых, которые, к моему неудовольствию, все как один неотрывно пялились на Зою.

Что-то происходило непонятное.

Как-то я прямо спросил подполковника Гуркина, что бы это все значило. Он недовольно поморщился:

— Типичный пример того, как ведомственные амбиции берут верх над здравым смыслом. Требуется разместить в Будапеште еще одну боевую часть, а наши генералы никак не могут столкнуться с новыми венгерскими властями. Что подходит одним, не устраивает других. И наоборот. Благо одни бы только венгры упрямылись — наши генералы тоже не могут между собой договориться.

— А мы тут при чем? Чем провинились?

— Имейте в виду, старший лейтенант, кто званием ниже, тот всегда виноват.

А вскоре после этого разговора я некстати попал в кабинет начальника, когда его яростно бомбил по телефону комендант Будапешта генерал Замерцев. У того голос тонкий, пронзительный. В кабинете все слышно, что он кричит в трубку, не сдерживая эмоций.

— Мало я тебе помогал, Федор Алексеевич? А теперь, когда настал твой черед хоть в этом малом помочь мне, ты, понимаешь, юлишь, крутишь, вертишь, все норовишь остаться в сторонке...

Я поспешно развернулся на сто восемьдесят.

— Фу! — отдувался Гуркин, подавая мне резкие знаки, чтобы не уходил, остался в кабинете. — Ну что я могу, товарищ генерал?

— Организовать ты можешь, вот что! — продолжал кричать Замерцев.

— Юбилей какой-то придумать, самодеятельность, понимаешь, вечер... Да мало ли что!

— Никогда в жизни самостоятельностью не занимался.

— Ну вот что я вам скажу, товарищ Гуркин! — Судя по визгливым ноткам, прорывавшимся в голосе, и по переходу на вы, Замерцев разозлился не на шутку. — Не хотите помочь — не надо. Но знайте и вы!.. — и, видимо, хлопнул в сердцах по рычагу. Сразу стало тихо и неловко.

Гуркин с удивлением посмотрел на замолкнувшую трубку. Повертел в руке, подул, прислушался. Положил на место.

— Разъярился старикан, — покачал головой. — Видно, допекло не на шутку.

— Что он так? — позволил я себе сдержанно поинтересоваться услышанным.

— Да все те же квартирмейстерские дела... Ладно, отставим до следующего звонка и вернемся к делам текущим. Вы, вероятно, по поводу завтрашней командировки в Сегед?

— Так точно, товарищ подполковник. Приказано было перед отъездом зайти.

— Да, у меня для вас поручение к коменданту Серову. Вот письмо. А на словах передайте...

Телефон так больше и не зазвонил, хотя во время всей дальнейшей нашей беседы Гуркин то и дело поглядывал на него.

А к концу разговора не удержался и сказал:

— Да, разозлился Замерцев основательно. Придется что-то предпринять...

Вернулся я из Сегеда через два дня измученный, усталый и недовольный — не все запланированное удалось проверить.

Гуркин выслушал меня, помолчал необычно долго — я уж подумал: не второй ли ковер? Но последовало и вовсе неожиданное:

— Не обижайтесь, старший лейтенант, я хочу спросить об очень личном. Не возражаете?

Я пожал плечами.

— Какие у вас отношения с Зоей?

У меня привычно вспыхнули щеки. Как ни странно, но особенно горела та, что пострадала от давнего рукоприкладства в кинотеатре.

— Хорошие, — ответил я.

— Отличная девочка. Я бы на вашем месте маху не дал. Женитесь: будет жена у вас, каких мало.

Я остоленел. А Гуркин, обычно такой деликатный, продолжал лезть напролом совсем уж не в свое дело:

— Я поговорил тут с заведующим консульского отдела. У них остался всего один чистый бланк свидетельства о браке. Я попросил его сохранить для вас. Правильно, как вы считаете?

Земля подо мной ощутимо дрогнула. Конечно, я бы женился на Зое без всяких раздумий. Но какое до этого дело Гуркину? Да и Зоя что скажет? Это же не в киношку сбегать.

— С ней я тоже потолковал, — Гуркин словно подслушал мои мысли. — И еще потолкую. Но действовать все-таки придется вам, вы же понимаете. И немедля! — он посмотрел календарь. — Вот в субботу и сыграем свадьбу. С девочками из кухни я уже говорил. Они просто в восторге. Да и все наши будут в восторге... Ну, старший лейтенант, решайтесь. Последний бланк! Когда им еще из Москвы пришлют, может, год ждать придется... А теперь, пожалуйста, пришлите мне Зою.

Я все так же молча повернулся и вышел. Ноги пружинили в коленях, словно там ослабли шарниры. Конечно, когда под ноги кидают такой пышный ковер...

— Иди! Зовет!

Она посмотрела на меня округлившимися глазами, вероятно, удивляясь моему несколько странному виду, и взяла папку, в которой у нее лежали материалы на подпись.

— Что, влетело?

— Тебе тоже влетит...

— Мне? За что?

— А он сверху видел, как мы в скверике целовались.

— Что-о? Ох, позорище! — и пошла в кабинет нерешительно, сантиметр за сантиметром, потянув на себя дверь.

Я сел в кресло и стал ждать.

Ждал минуту. Другую. Третью.

Из кабинета ни звука.

Еще ждал. Мне казалось — время остановилось.

Все так же тихо.

Что они там — поубивали друг друга?

Ни звука из-за тяжелой дубовой двери...

Наконец тяжелая золоченая ручка медленно опустилась вниз.

Идет!

Я ментально соорил надлежащее случаю, как мне казалось, выражение лица: насмешливо улыбающееся.

Зоя была удивительно спокойна. Лишь в зеленых глазах плясало что-то мне непонятное.

Сейчас прошелестит ее тихий смешок: представь себе, что Гуркин надумал.

Но она лишь спросила:

— А черный костюм у тебя хоть есть? Или думаешь обойтись гимнастеркой и сапогами?

— А что? Если подшить чистый воротничок, а сапоги хорошо надраить...

— Перестань! Я серьезно.

Но я никак не мог заставить себя поверить в неожиданно возникшую ситуацию. Розыгрыш?

— Ну, если продолжать в твоем духе, то на выходе синий костюм в полоску. Портной из дома напротив обещал закончить к следующей неделе. Закончит к субботе — я с него не слезу. А твое подвенечное платье? — я все еще верил и не верил, и поэтому страховался иронической улыбкой. — Ты хоть в этом сарафанчике очень миленькая, но по нашим строгим правилам невеста должна быть обязательно в белом.

— За это, как ни странно, берется сам Гуркин. Говорит, в военторге для него уже отложен материал.

И тогда я поднялся с кресла, подошел к ней вплотную. Обнял и поцеловал прямо в губы.

Раздался взрыв.

Ой, не пора ли хвататься за щеку?

Но боли не последовало.

Это был взрыв аплодисментов. Аплодировали, улыбаясь и смеясь, наши ребята, почему-то все разом собравшиеся в рабочей комнате. По своим ли делам или что-то им уже было известно?

В субботу утром я проснулся оттого, что меня сильно, непрерывно, неотвязно трясли. Открыл глаза, хотя очень не хотелось: вчера мои коллеги устроили мальчишник, понавливали в меня всякой убойной смеси, и я еще не вполне отошел.

— Зоенька, ты злоупотребляешь положением невесты. Так обращаться с мужчинами имеют право только полноценные жены.

— А ты, я гляжу, ко всему прочему еще и горький пьяница! Имей в виду: когда нас будут венчать, я скажу нет.

— А мой костюм в полоску? А подвенечное платье? Нет-нет, поздно уже! — и взял ее за руки. — Мир, мир, мир! И для верности скрепим его поцелуем.

— Успеется еще, нацелуемся. А сейчас поднимайся скорей! Из консульского отдела звонили. Если мы сейчас не приедем, может уплыть последний бланк. Появился какой-то серьезный конкурент с боевой ППЖ.

Я мигом вскочил с постели.

Свидетелями были Гуркин с Афанасьевым. Пока шло оформление брака, за дверью консульского отдела громко топтались наш неудачливый соперник в высоком звании с невестой и многочисленные свидетели — все они уже были хорошо подшофе.

— Ой, что я ему скажу? — морщил лоб знакомый чиновник консульства, заполняя последний бланк.

— Что пьяных не регистрируют, — тут же нашелся майор Афанасьев. — Пусть следующий раз приходят трезвыми в стельку. А это у них, похоже, не получится никогда.

Возвращаясь в отдел (а ехали мы, разумеется, на роскошной гуркинской «шкоде»), Гуркин вручил Зое букет цветов и произнес как бы между прочим:

— Учтите только, на свадьбе будут многочисленные гости и с моей стороны.

— Ну как же, — солидно отозвался я, как будто уже не раз женился. — Посажённый отец имеет полное право.

Тогда я еще не подозревал, во что это все выльется.

Лишь слегка шевельнулось и тут же исчезло щемящее чувство нереальности происходящего.

После обеда позвонили от скаутов — опять взбунтовалось старое руководство и заварилась буча.

Перескакивая через три ступеньки, я слетел по полукруглой лестнице в рабочую комнату сказать Зое, чтобы не волновалась. Я успею, буду обратно самое позднее через час.

На месте ее не оказалось.

Опять взлетел наверх в комнату, где она жила со старушкой Абеловской.

Не постучав, рванул дверь и замер на месте.

Шла последняя доделка свадебного платья. Портниха из оперного театра, приглашенная Гуркиным, ползала на коленях с полным ртом булавок.

Зоя, вся в белом, одарила меня мимолетной улыбкой и, медленно поворачиваясь, сказала:

— Покиньте помещение, товарищ, посторонним не разрешается.

Покорно отступив в коридор, я уставился на закрытую дверь на манер барана из поговорки.

Я по-настоящему перепугался.

Она была прекрасна!

Неужели она станет моей женой? Быть такого не может! Что-то тут не так, что-то не так.

Опять навалилась щемящая тревога. Я сорвался вниз с лестницы к огромному венецианскому зеркалу в холле.

Вот он я. Не низкий, не высокий, не брюнет, не блондин. Не урод, но и не сказочный принц — это уж точно! Обыкновенный старлейт в необжитом еще, а потому и неудобном штатском костюме...

И она пойдет за меня? Не пойдет!

Дурак! Какого черта — пойдет! Уже пошла! Вон оно свидетельство о браке. С подписями, с печатью. И две фамилии, ставшие теперь одной.

Боже! Неужели все начинающие мужья такие идиоты!

И я понесся к телефону звонить своим скаутам. Я заболел, свалился с крыши, попал под трамвай! Я умер, наконец! Умер, умер — имею право хотя бы раз в жизни!

Пусть сегодня без меня обойдутся!

Ближе к семи вечера нас с Зоей при полном параде выставили в холл встречать гостей. Собственно, встречать надо было только гуркинских. Наши же, отдельные, расфранченные и надушенные, толпились здесь же, возле нас, отпускали разного рода шуточки, в том числе и весьма двусмысленные. А мы были вынуждены натянуто улыбаться, нервно переступая с ноги на ногу и украдкой облизывая сохнувшие губы. Ох и трудно, оказывается, быть объектом такого дружеского внимания!

Но вот из вестибюля ввалился ошалелый майор Афанасьев в парадном мундире:

— Едут! Едут! — и стал во фронт, по стойке «смирно», выпятив свою единственную медаль «За боевые заслуги».

Первым к подъезду подкатил трофейный монстр коменданта города. Из него появились подполковник Гуркин, военный комендант Будапешта генерал Замерцев, его заместитель по политчасти полковник Бедаха, статный кучерявый сердцеед гарнизонного масштаба. И остались на ступеньках, ожидая следующей машины. Вот и она, длинная, приземистая, вроде бы даже без колес. Степенно, не торопясь, выбрались один за другим два генерал-лейтенанта — член военного совета Центральной группы войск Крайнюков и какой-то мне незнакомый, седой, с целым иконостасом на груди — позднее я узнал, что это представитель Ставки из Москвы.

— Свадьба с тремя генералами, — шепнул я Зое. — Ну, держись теперь! Подарками завалят.

Но это было явно еще не все, так как приехавшие высокие чины присоединились к ожидавшим на крыльце подъезда. Бог ты мой! Неужели еще какой-нибудь маршал?

Однако подкатившие один за другим «форды» были с венгерскими номерами. Вышколенные шоферы в перчатках степенно обошли машины и в унисон распахнули дверцы.

Бургомистр Будапешта Ваш с двумя тощими чиновниками и такими же тощими портфелями. Министр иностранных дел Дьендеш с точно такими же двумя чиновниками и тоже с портфелями каждый.

— Число подарков растет катастрофически, — сказал я Зое. — Зови Матьяша на подмогу. Но самых ценных, смотри, ему не отдавай.

— Держи карман пошире! Эти не разорятся.

И верно, я зря беспокоился. Генералы — военные и штатские — учтиво поздравили нас, пожали руки. Но подарки из рога изобилия не посыпались. Лишь бургомистр Ваш преподнес букет цветов. Сказал невесте:

— От нас, — и показал пальцем на себя и Дьендеша, Чтобы генералы к букету не примазались, что ли?

— А теперь — милости просим к свадебному столу, — провозгласил Гуркин после краткой заминки, пошептавшись с Замерцевым.

И мы тронулись церемонной процессией в столовую, хитроумно превращенную в просторный зал. Впереди я под руку с Зоей. За нами Гуркин со своими гостями. Потом все остальные, озадаченные не меньше нас нашептаньем генералитета.

И расселись за огромным раздвинутым столом — тоже не как попало. Во главе, разумеется, жених и невеста. Рядом — Гуркин в качестве посаженного отца. Впрочем, он не столько сидел, сколько носился к другому концу стола, где согласно чинам восседали высокие гости.

Первый тост доверили произнести генерал-лейтенанту Крайнюкову:

— За счастливую брачную жизнь Зои и... — он склонился к Гуркину, тот торопливо прошептал что-то на ухо, — и Льва! — и весьма умело влил в себя полный стакан водки.

И пошло! Выпив, стол загудел, стал требовать традиционное «горько!», потом еще. И еще, и еще. Мы с Зоей трудились в поте лица.

Словом, свадьба становилась на обычные рельсы. Танцевали здесь же, в столовой, под звуки мощной радиолы. Дородный подполковник Макаров, тоже заместитель Гуркина, убежденный бездельник, менял пластинки, стараясь протолкнуть без всякой очереди свою обожаемую «Ослиную серенаду», которую он мог слушать часами.

И вдруг в самый разгар свадьбы, когда все дрожало от пляса и веселых выкриков нашей братии, мы заметили, что на противоположном фланге стола исчезли не только генералы и бургомистр с министром, но и их безликие секретари, сидевшие до этого чинно и беспристрастно, с прямыми спинами и портфелями у ног.

— Зоя! Тревога! — шепнул я невесте, да какого черта невесте, теперь уже законной жене: брачное свидетельство так и осталось лежать во внутреннем кармане моего полосатого пиджака. — Дверь нашей комнаты заперта? Золотое кольцо на пальце? Нет, ты проверь, проверь!

— Все шуточки! Давай лучше поцелуемся.

— Так ведь «горько!» вроде не кричат.

— А мы авансом, — разошлась моя милая женушка. — Как ни крути, а ведь все равно придется.

И все-таки любопытство так и подстегивало меня. Куда, интересно, делся генералитет? Машины их как стояли, так и стоят во дворе.

Я выскользнул из зала в рабочую комнату. У кабинета Гуркина застыл часовой.

Все окончательно встало на свои места.

И я вернулся в зал.

— Куда это ты исчез, интересно? — Зоя покраснелась, милые золотые кудряшки рассыпались по обеим сторонам лица, — Тут уже раз пять вопили «горько!». А мне что, с Матьяшом целоваться?

— Только посмей!..

И я поспешно приступил к выполнению своих обязанностей.

Свадьба ела, пила и плясала.

Гуркин присоединился к нам часов в одиннадцать. Улыбающийся, довольный.

— Проводили, товарищ подполковник?

— Точнее, выпроводил. Крайнюков сюда рвался, но я сказал, что неудобно. Есть такая английская поговорка: «Уходя — уходи и не забудь выключить за собой свет»... Подполковник Макаров, давай своего «Золотого осла»! Имеет же право посаженный отец хоть раз за всю свадьбу сплясать с невестой...

И он, хохоча и привычно подсакивая, понесся с Зоей по блестящему паркету,

Часа в два ночи нас шумной и веселой гурьбой проводили в комнату, вернее, полторы, которая на ближайшее время становилась нашим собственным домом. Матьяша отсюда перевели к другому «холостяку», Ланину, а Франкович, заранее предвидя такой поворот событий, уже давно перебрался к своей венгерской «баратнэ» — подружке, за два квартала отсюда. Заставили меня, как и полагается, перенести Зою через порог, пожелали, дружно хохоча и подмигивая, «очень спокойной ночи».

Когда мы остались одни, я сказал:

— А ведь я все еще жду.

— Чего же, интересно?

— Я жду, когда, наконец, ты произнесешь просто, ясно и понятно: «Я тебя люблю». За все время, что мы знакомы, я не слышал этого ни разу,

— Не слышал и не услышишь, — Зоя сбрасывала ставшие после таких переплясов чуть тесноватыми туфельки.

— Почему?

— Я вышла замуж не за тебя, а за идеальный образ мужчины, обрисованный с помощью красноречия подполковника Гуркина и не имеющий к тебе ни малейшего отношения.

— Ах так! Идеального захотела? Принца? Бургомистра? Министра? Генерал-лейтенанта?

И пошла у нас веселая возня.

А утром я проснулся от сильного стука в дверь. По ней вроде бы молотили ногами. Комната была залита солнцем. Я забыл вчера опустить шторы.

— Кто стучится в дверь ко мне? — прохрипел я страшным басом.

— С толстой сумкой на ремне, — продолжил слегка дребезжащий голосок моей половины.

— Полной выпивки, закусок...

— Боже мой, — простонала Зоя. — Он еще может думать о выпивке... Нет, не зря я все-таки боялась. Вот словно предчувствовала.

— Вставайте, вставайте поскорее! — раздался приглушенный толстой дверью голос майора Афанасьева. — Гуркин к себе срочно требует,

— Который час?

— Доспались уже, позднее некуда!

— Так Гуркин же сам вчера сказал, что можем сегодня спать сколько влезет.

— Значит, вчера одно, сегодня другое. Поднимайтесь и бегом к нему. Оба! Там генерал Замерцев ждет.

— Подарки привез, — сказал я Зое. — Вот видишь, говорил я тебе, что генералы в общем-то вполне приличные люди.

Минут через пятнадцать мы стояли рядком, словно провинившиеся, на ковре в необъятном кабинете начальника. Гуркин, заложив руки за спину, прохаживался возле «картинной галереи» — стены, на которой были развешаны творения видных венгерских художников. Сбежавший граф, которому раньше принадлежал дом, был запойным любителем живописи. А генерал Замерцев, посверкивая угольками маленьких глаз, сидел, развалившись, как хозяин, в кресле за письменным столом нашего начальника.

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор! — поприветствовал я по-военному, хотя был во вчерашней полосатой тройке.

— Здравствуйте, здравствуйте, молодожены, — почему-то заговорщицки усмехнулся Замерцев.

И, тяжело поднявшись с кресла, тоже стал по стойке «смирно».

— От имени командования Центральной группы войск объявляю вам благодарность в приказе (приказ оформлю завтра, сегодня воскресенье, вся моя канцелярия за город разбежалась) за отлично проведенное представление, прямо-таки настоящий спектакль. Вы, конечно, догадываетесь, ребята, — перешел он на менее официальный тон, — что политика делается не только в министерских кабинетах. Если на этот раз нам удалось вчера сравнительно безболезненно разрешить довольно кусачий вопрос, то тут, я скажу, ваши заслуги просто неоценимы. И ваши, Фёдор Алексеевич. Создать, понимаешь, как на сцене, такую непринужденную обстановку настоящей свадьбы, смягчить суровые души, склонить всех действующих лиц к уступчивости...

Мы с Зоей ошеломленно переглядывались.

— Товарищ генерал считает, что это была инсценировка, — пояснил, едва заметно усмехаясь, Гуркин.

— Что значит — считаю? — недовольно выпятил губы генерал. — Я что, по-твоему, не могу отличить жизни от произведения искусства? Навешал себе кучу картин, — он кивком указал на «галерею», — и считает теперь, что все понимает в жизни. А другие так ни бум-бум!

— Лёвушка, свидетельство с вами? — спросил Гуркин.

Я молча похлопал себя по карману.

— Продемонстрируйте, пожалуйста, генералу.

Замерцев, шевеля губами, прочитал короткий емкий текст. Повертел свидетельство в руках, прочитал снова.

— Так это что? Значит, они...

— Со вчерашнего дня — муж и жена, — заключил Гуркин, уже не скрывая улыбки. — А что — плохая пара?

— Пара — дай боже, пара хоть куда, — растерянно мямлил генерал. И вдруг взорвался: — Ай-яй-яй! В какое положение ты поставил меня, Фёдор Алексеевич, об этом ты подумал? И генерал-лейтенанта Крайнюкова, и представителя Ставки! Венгры хоть догадались клок сена захватить. А мы... Ай-яй-яй! Выставил ты нас в хорошеньком свете, нечего сказать! Мужики, мужики, понимаешь, неотесанные, хоть и с большими звездами на погонах... — нервно постучал он пальцами по стеклу на столе. — Вот что мы сделаем для ликвидации этой нелепицы. Вот что сделаем! — у генерала вдруг загорелись глазки. — Будут подарки — какого черта! После свадьбы, но будут. Так тоже можно. Итак, жалую вам, други, от всей нашей честной генеральской компании тридцать бутылок шампанского. Сегодня воскресенье — завтра же присылайте машину. А? Что теперь скажешь, Федор Алексеевич? — торжествовал он.

— Ну, товарищ генерал...

— Споите мне мужа! — тяжело вздохнула Зоя.

— А ты на что? А жена молодая на что? — отпарировал генерал, очень довольный своей придумкой. — Бери, забирай все шампанское себе и выдавай на праздники по штучке. Ну, поздравляю еще раз от всей души!

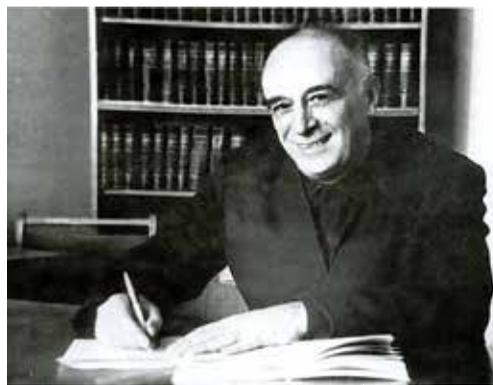
Он долго тряс нам руки, все поглядывая на Зою. Видно, очень уж хотелось чмокнуть, но не решался.

Надо было вчера, товарищ генерал. Поезд уже ушел!

Через год у нас с Зоей родился первенец, сын. Назвали Анатолием — в честь ее семнадцатилетнего брата, погибшего в моих родных местах, в Латвии, в последний год войны.

Ближих родных у нас не осталось. Ни у нее — мать умерла задолго до войны, отца тоже убили на фронте. Моих же родителей в самом начале войны фашисты расстреляли в латвийской тюрьме.

Так что нам предстояло продолжить род.

Имя нашего земляка — барнаульца Николая Мохова вписано в десятку лучших советских подводников Великой Отечественной войны. Причем по числу уничтоженных кораблей в одном походе он опережает легендарного Александра Маринеско...

Барнаульский Маринеско

«На Балтике установилась традиция проводить в Кронштадте встречи ветеранов-подводников с флотской молодежью. Первая такая встреча состоялась в июне 1963 г. От экипажей подводных лодок — гвардейской Щ-303 и Краснознаменной К-52 — на эту встречу собралось более 45 человек. Многие не виделись друг с другом 15—20 лет. Сколько за это время воды утекло... На плацу собрались молодые подводники, курсанты, моряки-ветераны, их близкие,

родные, товарищи. Рядом со мной командиры подводных кораблей фронтовых лет — А.И. Маринеско, В.К. Коновалов, М.С. Калинин, П.П. Ветчинкин. Нас немного, но мы связаны крепкой дружбой и священной памятью былого. Нам больно, что нет с нами таких замечательных подводников, как Герой Советского Союза Евгений Яковлевич Осипов, Александр Иванович Мыльников, Иван Макарович Вишневский, Николай Константинович Мохов. Мы все пятеро одного выпуска — питомцы Высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе», — это строки из книги Героя Советского Союза Николая Травкина. О последнем из пятерки подводников напоминают две строчки в Книге Памяти Алтайского края (т. 7, с. 251 — списки по г. Барнаулу): «Мохов Николай Константинович, род. 1912. Призв. 1932, к-н-л-т. Погиб в бою авг. 1942».

Это, пожалуй, пока вся память, которой удостоился на своей малой родине прославленный балтийский подводник. Но его фото размещено в музейной экспозиции на Васильевском острове в Санкт-Петербурге — на борту музея-подлодки Д-2 «Народоволец».

Из послужного списка

Николай Константинович Мохов родился в Барнауле 14 декабря 1912 г. В ВМФ — с 1932 г. После окончания в 1936 г. Военно-морского училища им. Фрунзе назначен командиром БЧ-1 на подводной лодке М-74. С июня 1938 г. принял М-74 в качестве командира.

В издании Мирослава Морозова «Герои подводного фронта. Они топили корабли кriegсмарине» (2016) были приведены подробности о семье будущего подводника-балтийца: «Николай Константинович Мохов родился 14 февраля (в переводе на новый стиль) 1912 г. в административном центре Алтайя городе Барнаул. Отец Константин Ефимович был плотником по найму, мать Варвара Ивановна — домохозяйкой. Отца часто не было дома, и отношения супругов, по-видимому, были не очень хорошими. Спустя год после рождения сына отец освоил „аристократическую“ по тем временам профессию кинемеханика, а Николай так и остался единственным ребенком в семье. В 1914 году началась империалистическая война, и Константина призвали в армию. Оттуда он вернулся тяжело раненным и вскоре, в 1916 г., скончался. Варвара еще раньше ушла от родителей мужа к другому мужчине, но тот покончил жизнь самоубийством на почве ревности. В результате пятилетний Николай оказался на иждивении матери. По-видимому, эти годы сыграли большую роль в становлении характера будущего героя-подводника. Как могла жить одинокая женщина с маленьким ребенком в годы экономического кризиса, предшествовавшего революции, сейчас можно только догадываться. Каких только профес-

сий и работ она не перепробовала: работала прислугой, стирала белье, портняжничала. Только в 1924 г. мать повторно вышла замуж, когда ей было уже 36 лет. Нет сомнений, что образ скромной, но гордой матери, честно зарабатывавшей на хлеб и не бросившей сына, всегда стоял пред глазами Николая Константиновича».

По данным историка флота Василия Баданина, в июне 1936 г. Мохов был назначен командиром опытной подводной лодки Р-1 (С-92) с энергоустановкой РЕДО и командовал ей до своего назначения командиром дивизиона, так как М-74 во время Советско-финляндской войны командовал старший лейтенант Сазонов. С июля 1940 г. Мохов командовал дивизионом строящихся и ремонтирующихся кораблей. 30 ноября 1940 г. ему присвоено звание «капитан-лейтенант». В феврале 1941 г. Николай Константинович был назначен командиром 9-го учебного дивизиона подводных лодок, куда входили М-72, М-73, М-74, М-75, М-76. В этой должности и в звании капитан-лейтенант Мохов встретил начало Великой Отечественной войны.

Подводные лодки находились в ремонте, а в августе 1941 г. их поставили на консервацию. В январе 1942 г. Мохов получает в командование Щ-317. 9 июня 1942 г. лодка впервые под его командованием вышла в боевой поход, но обратно на базу не вернулась. Последний поход Щ-317 и его командира оказался самым успешным по итогам среди советских подводников — за 36 суток Мохов провел пять торпедных атак (выпущено 10 торпед), которые все (!) оказались результативными: потоплено четыре транспорта общим водоизмещением 5878 брутто-тонн (по разным данным суммарное водоизмещение потопленных судов колеблется от 6080 до 10 997 брт) и одно судно (2405 брт) повреждено. В 1942 году Николай Константинович Мохов был награжден высшей наградой СССР — орденом Ленина (посмертно).

Лучший результат за один поход

Николай Мохов не вернулся из боевого похода в июле 1942 г. Старшему сыну Игорю было четыре годика. Его брату Борису — два. О подвиге отца они узнали из газеты «Красная звезда», когда выросли: «В тяжком сорок втором году, когда смерч войны бушевал на волжских и невских рубежах, балтийские подводники прорывались на прусские и померанские меридианы и там топили врага. Это была удивительно дерзкая и необычайно сложная операция. А в первой паре первого эшелона пошли Щ-304 и Щ-317. Они должны были пройти по Финскому заливу. Пройти, хотя враг уже пере-

Хроника боевых действий Щ-317

6 июня 1942 г. лодка вышла в Кронштадт, откуда начала свой боевой поход. 16 июня Щ-317 первой из советских лодок, вышедших в море в кампании 1942 г., отработала о выходе на позицию. Радиограмма была перехвачена немцами, но так как выход советских субмарин в море считался невозможным, то в немецкой радиоразведке ее посчитали отправленной с немецкого тральщика. В тот же день Щ-317 потопила финский транспорт «Арго» (2513 брутто-тонн), 14 человек из команды были спасены шведским пароходом «Улла», который при этом был безуспешно атакован торпедами. 18 июня лодка торпедировала датский транспорт «Орион» (2405 брт). Команда покинула торпедированное судно, однако оно не затонуло и через четыре дня было отбуксировано шведами в порт Висбю. Днем 22 июня у восточного побережья острова Эланд Щ-317 потопила торпедами шведское судно «Ада Гортон» (2399 брт), шедшее в Германию с грузом железной руды. 25 июня потоплен транспорт «Рейн» (2600 брт). 1 июля Щ-317 безрезультатно атаковала шведский транспорт «Галеон» и была контратакована шведским эсминцем «Эреншельд». 4 июля был безрезультатно атакован шведский галеас «Фортуна». 8 июля потоплен немецкий транспорт «Отто Кордс» (966 брт).

крыл его плотным минным заграждением и установил дозоры в небе и на воде. Десять тысяч мин подстерегали подлодки, дерзнувшие форсировать пролив. Десять тысяч... А чтобы не пройти, достаточно было одной.

Это уже потом, спустя много лет, когда наши и чужие карты, отчеты и приказы перекочевали из секретных сейфов в архивные хранилища, стали вполне ясными масштабы опасности, подстерегавшей советских подводников, и весомость боевых успехов, которые, несмотря ни на что, они достигали. А тогда завеса неизвестности плотно скрывала все, что было за передним краем. Передний же край начинался для подводников едва ли не у пирса. 9 июня в 22.00 капитан-лейтенант Мохов приказал отдать швартовы, и Щ-317 неслышно под электромоторами оторвалась от кронштадтского пирса и взяла курс в море. Стояли

белые ночи. Белые ночи... Залив просматривается от края до края, простреливается вдоль и поперек. Из Стрельны и Петергофа вражеские батареи обрушивают на лодку град снарядов, а ей не погрузиться, не уклониться — идет по узкому и мелкому фарватеру — у всех, что называется, на виду. У маяка Шепелевского Мохов смог, наконец, скомандовать срочное погружение и идти до острова Лавенсари на глубине. Теперь штабу флота оставалось терпеливо ждать от Мохова донесения. Оно пришло на пятые сутки и было кратким: Щ-317 за 100 часов форсировала залив. Никто не знает, сколько раз за эти сто часов раздавался в отсеках ледящий душу скрежет минрепа о корпус лодки и ее экипаж, бессильный отвести смертельную угрозу, ступал на грань небытия... Но бессильный ли?

Николай Мохов управлял кораблем, и от его искусства во многом зависело, удастся ли отвести мину за корму. Попеременно он стопорил электромоторы и вместе со всеми считал страшные минуты, пока зловещий скрежет не уходил к кормовому отсеку и там пропадал. И так много-много раз. Теперь предстояло найти и атаковать врага. И враг был найден. — Боевая тревога! Пока транспорт медленно, но верно шел к перекрестию нитей перископа, капитан-лейтенант Мохов успел принять доклад из первого отсека о готовности торпедных аппаратов к выстрелу. А после того как раздался оглушительный взрыв и транспорт ушел под воду, оставалось лишь пожалеть, что донесение о форсировании залива уже отослано.

Так, 16 июня 1942 г. Щ-317 открыла свой боевой счет. А через два дня на стол флагмана легла перехваченная штабом флота радиограмма: советская подводная лодка потопила на Балтике два транспорта. Потом были двадцать два дня, когда радисты тщетно ждали сигналов Щ-317. И, наконец, 10 июля они записали ее последнее донесение: израсходованы все 10 торпед, потоплено 5 транспортов».

Этот боевой счет (пять кораблей за один поход) никто не улучшил за всю войну!

Династия

В одном из последних писем Николай Мохов писал: «Если погибну — пусть мое дело продолжат сыновья. Хочу, чтобы и они стали моряками, служили на подводных лодках. Моховы не должны исключаться из списков флота...» Сыновья выполнили отцовский наказ, его последнюю волю — стали моряками, подводниками, командирами подводных лодок. Старший — капитан 1-го ранга Игорь Мохов, не вылезавший из «автономок» — умер в 1985-м перед строем бригады — от разрыва сердца, в День Победы. Сохранились снимки: вот капитан 1-го ранга ведет в парадном марше свою бригаду по причалу, а вот грузовик-катафалк везет гроб, накрытый военно-морским флагом по тому же причалу к борту торпедолова. Разница между фотографиями всего в два дня. Игоря Николаевича Мохова похоронили в Ломоносове, городе, где прошло детство. Отец лежит неподалеку — на дне Финского залива в отсеке Щ-317. До сих пор неизвестно, как она погибла. Только в последнее время, когда шведские аквалангисты стали находить на грунте затонувшие субмарины, кое-что прояснилось.

Вот что пишет историк-исследователь Алексей Смирнов: «Единственной погибшей советской подлодкой, которая могла находиться в этом районе 12 июля 1942 г., была Щ-317. Торпедирован 8 июля у Блекинге немецкий пароход, „щука“ вышла на связь 10 июля и сообщила о движении домой. После этого связь с ней прервалась. Немцы и финны считали, что она погибла при прорыве минного заграждения „Насхорн“ 14 июля. Неизвестную подлодку обнаружили на входе в Финский залив 13 июля немецкие корабли охранения и закидали ее глубинными бомбами.

Подлодка спаслась от первой атаки и продолжила движение к Кронштадту, но ее экипаж не знал, что из поврежденной цистерны на поверхность поднимается дизельное топливо. По масляной полосе на воде можно было легко проследить перемещение субмарины. Пятна дизельного топлива выходили на поверхность два дня. Последовало еще несколько атак, и подлодка погибла. Так считали преследователи».

Версии гибели лодки Щ-317

1. 12 июня Щ-317 погибла от подрыва на mine (финской сейсмостанцией был зафиксирован мощный взрыв).
2. 13 или 14 июля Щ-317 потоплена атакой глубинными бомбами с самолетов.
3. Потоплена глубинными бомбами шведского эсминца «Стокгольм» севернее острова Эланд (найдена на грунте точки с координатами 57°52' с.ш./16°55' в.д. в 1999 г.).
4. Между 15 и 18 июля Щ-317 погибла от подрыва на mine.
5. 15 июля Щ-317, поврежденная в результате подрыва на mine, была обнаружена и атакована силами ПЛО и погибла в результате бомбардировки глубинными бомбами — финских минного заградителя «Руотсинсальми», сторожевого катера VMV-6 (по другим данным VMV-16) и финского самолета в районе Калбоденгунда.
6. 18 августа 1942 г. экипаж финского летчика капитана Эка (Ек) на самолете SB-9 атаковал советскую подводную лодку в районе между Гогландом и Тутусаари и рапортовал об ее уничтожении. (После «Зимней» войны финские ВВС включили в свой состав восемь трофейных бомбардировщиков СБ, еще 16 трофейных самолетов этого типа позже было закуплено в Германии летом 1941 г.)

Песню, которая начинается словами «Надоело говорить и спорить...», знают, наверное, все. Многим известно, что ее автор – Павел Коган, погибший на фронте в 1942-м.

А вот всем ли известно, что автор музыки Георгий Лепский – наш, барнаулец? И он, пройдя всю войну, вернулся живым и дожил до 82 лет.

«Бригантина» из Барнаула

Алексей Смельцов

Песня «Бригантина» написана ровно 80 лет назад — можно отметить юбилей! При этом слова ее менялись, меняются и будут меняться исполнителями, что совершенно нормально для фольклорного произведения. А «Бригантина» давно стала фольклором! Но музыка более или менее неизменна. Спасибо композитору родом из Барнаула!

Причем написал он свой шедевр (то, что помнят и поют столько лет, иначе как шедевром не назовешь, это для песни закон), еще будучи старшеклассником.

Был в предвоенной Москве такой гуманитарный вуз — Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ), созданный на базе факультета истории и философии МГУ. В этом институте учились такие известные впоследствии поэты, как Борис Слуцкий, Семён Гудзенко, Сергей Наровчатов, Юрий Левитанский, Давид Самойлов... И — Павел Коган.

Родился Павел Коган в Киеве в 1918 году. Когда ему было четыре года, семья переехала в Москву. Поселилась она в только что

построенном коттеджном поселке Народного комиссариата финансов, что располагался неподалеку от Белорусского вокзала. Тогда это была типичная московская окраина — район, где проживали извозчики и цыгане. Однажды в

соседнем с когановским домом поселилась еще одна семья, приехавшая из Барнаула. И был в этой семье мальчик по имени Жора Лепский, очень любивший рисовать, а также на слух, без знания нотной грамоты, играть на фортепиано.

Ребята быстро подружились, несмотря на то, что Павел был на год старше Георгия. Однажды, когда Коган уже был студентом-первокурсником, а Лепский только оканчивал среднюю школу, им вдруг пришла в голову идея сочинить песню — о дальних морях, путешествиях, о людях сильных духом. Тогда как раз прошли по стране экранизации «Детей капитана Гранта» и «Острова сокровищ». Ну и, надо полагать, в напряженной атмосфере 1937 года не хватало какой-то отдушины, какого-то окна на свободу...

Георгий Лепский (он родился 29 августа 1919 года в Барнауле) вспоминал спустя полвека: «Меня часто спрашивают: как создавалась «Бригантина»? Просто создавалась: два паренька, почти мальчишки, солнечная комната, старый рояль... Не думалось нам с Павлом Коганом, когда мы строили нашу «Бригантину», что ее плавание будет столь длинным. Да, она плывет — и паруса ее не поникли, хотя прошло 50 лет.

В тот солнечный осенний день 1937 года Павел зашел ко мне, как заходил частенько, ведь жили мы совсем близко и дружили уже три года. Безудержный фантазер и мечтатель, забияка и атаман! Его облик порастил меня, может быть, по контрасту, какой-то стремительной мужественностью, резкой решительностью. Но более всего он был поэтом и романтиком, видящим жизнь возвышенно и взволнованно.

Мы быстро подружились, виделись поч-

ти ежедневно. И вот этот осенний солнечный день в моей комнате. Читали стихи, курили (Павел трубку), я что-то наигрывал на рояле. Не помню, кому из нас пришло на ум песню сочинить, но мы сразу принялись за дело: Павел присел за стол и через несколько минут показал мне первое четверостишие: «Надоело говорить и спорить, и любить усталые глаза... в флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса».

Я никогда прежде не сочинял музыку да и ноты как следует записать не умел, играл по слуху. Тем не менее я храбро взял бумажку с текстом и сел за рояль, а Павел пошел в соседнюю комнату дописывать стихи.

Тем временем я импровизировал мелодию. Сначала пришла музыкальная фраза на последние две строчки, а потом придумалось и начало куплета. Кажется, не прошло и двух часов, как «Бригантина» была готова к «спуску на воду».

Откровенно говоря, авторы остались довольны своим произведением. Понравилось оно и нашим друзьям».

Менялся текст песни уже с самого начала. Студент Литинститута Евгений Агранович добавил как определение «флибустьерского моря» слово «в синем», сделав строку более песенной...

Кстати, Евгений Агранович, сам написавший впоследствии много известнейших песен, также вошедших в городской фольклор («Я в весеннем лесу пил березовый сок», «От героев былых времен не осталось порой имен» — из фильма «Офицеры»), так вспоминает атмосферу, в которой родилась «Бригантина»: «Увлекательные многочасовые споры школяров и первокурсников, глобальные, глубокие, важнейшие (как мне казалось), некую потребность души наркотически утоляли, но насытить не могли. Оставляли они после себя тревожную пустоту, мертвую надуманность. Догмы казенной философии не оставляли для вольного воздуха мнений и поисков правды. Все были стопроцентно ортодоксальны, уже знали: шаг вправо-влево — пуля. Всех ошеломили чудовищные процессы 1937—1938 годов, гибель многих кумиров молодежи. Говорить и спорить бесполезно и смертельно опасно.

А что это — «любить усталые глаза»? Любовь безрадостная, неразделенная... И неотпустимая — ни обнять, ни бросить. Нет поэту опоры ни в любви, ни в шумной ватаге спорщиков. Душа устремилась в дальнее и давнее море, под враные паруса флибустьерской бригантины.

Мы, цвет комсомола, «закаленная сталь» Павла Корчагина, нам ли пить за ярых, не похожих (на кого?) золотое терпкое вино?... Оказывается, в самой глубине души, куда и не заглядываешь на лекциях и диспутах, мы — флибустьеры и авантю-

ристы... Ужасное недоверие к нашей душевной казенной идеологии мы скрывали даже от себя. Величие, пафос... Но теплее была удаль, свобода «Бригантины» с капитаном, обветренным, как скалы».

Георгий Лепский вскоре написал еще несколько песен — на стихи того же Павла Когана и его друзей: Сергея Наровчатова, Давида Самойлова, Евгения Аграновича. Потом, в 1939 году, поступил в Московский институт прикладного искусства (был тогда и такой!). Но прямо с первого курса был мобилизован в армию. А еще через два года началась Великая Отечественная война, которую Лепский встретил солдатом срочной службы.

Павел Коган, хотя и имел «бронь» по состоянию здоровья, ушел добровольцем на фронт, стал военным переводчиком, дослужился до звания лейтенанта. В 1942 году вблизи сопки Сахарная Голова под Новороссийском разведотряд, возглавляемый Коганом, попал в окружение, а сам Павел погиб в перестрелке. Было ему 24 года...

Георгий Лепский вернулся с войны живым в звании младшего сержанта. Демобилизовавшись в 1946-м, он поступил в Московский государственный педагогический институт на художественно-графический факультет.

«Там еще не было ни Визбора, ни Якушевой, звание «Московский поющий» МГПИ получил несколько позже, — вспоминал Георгий Соломонович. — Однако первую свою

песню на собственные слова я написал, когда был студентом. И с тех пор я не прекращаю от случая к случаю сочинять песни».

Окончив МГПИ в 1950 году, Лепский работал учителем рисования и черчения в школе, преподавал изобразительное искусство в МГПИ на факультете начальных классов, позднее являлся научным сотрудником Института художественного воспитания.

А «Бригантину» широко запели в 1950-е, с началом бардовского движения, и поют до сих пор! У песни появляются новые строки, а иногда даже новые куплеты.

«Невозможно забыть, как впервые услышал свою песню от незнакомых людей в поезде, как московские туристы пригласили меня в 1987 году на огромный слет в Подмоскowie, посвященный 50-летию «Бригантины»... Трудно передать мои чувства, когда и ныне на любых концертах «Бригантине» подпевают весь зал», — вспоминал Лепский.

Георгий Лепский умер в 2002 году, прожив 82 года. До конца жизни он продолжал писать песни — всего их более двухсот. Был организатором и руководителем детских туристских походов и путешествий по стране. Мы можем гордиться своим земляком, фронтовиком, рядовым русской культуры!

Павел Коган

*Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса...
Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас...
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.
Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют.
Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.
Так прощаемся мы с серебристой,
Самую заветною мечтой,
Флибустьеры и авантюристы
По крови, упругой и густой.
И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза.
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса.
Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют,
И, звеня бокалами, мы тоже
Запеваем песенку свою.
Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса...
1937*

Все меньше остается с нами ветеранов Великой Отечественной, все меньше тех, кто помнит страну в годы лихолетья. Но мы по-прежнему испытываем гордость за наших отцов, дедов и прадедов, которые выстояли, не сломались, совершали ежедневный ратный и трудовой подвиг. Желание передать подрастающему поколению как можно больше информации о войне движет краеведами, представителями органов власти края различного уровня, неравнодушными людьми, которые делают все, чтобы появлялись новые издания о том, как это было, о героях и участниках Великой Отечественной — наших земляках.

Обзор подготовлен специалистами информационно-библиографического отдела Центральной городской библиотеки им. Н.М. Ядринцева.

Эти книги ждут вас в библиотеках МБУ «Централизованная библиотечная система г. Барнаула».

Чтобы помнили...

Гончаров, В. Д. Вклад Алтайского края в победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. [Текст] : [монография] / В. Д. Гончаров. - 2-е изд., доп. и испр. - Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2016. - 603 с. : цв. фот., ил., карты.

Профессор Алтайского технического университета В.Д. Гончаров изложил в монографии результаты своих исследований архивных и музейных материалов, личных воспоминаний. Как жил Алтайский край в те суровые годы, как проходила мобилизация в Красную Армию, как возрождались заводы, эвакуированные на Алтай, о судьбах людей, о вкладе тружеников села в общее дело Победы над фашизмом. Материалы книги сопровождаются большим количеством иллюстративного материала, есть здесь редкие фотографии, так, например, «красноречивый фотоснимок-документ» надписи «Барнаул» с колонны Рейхстага.

В предвоенном 1940 г. жителей Барнаула было 172 тыс., а в 1943 г. его население составляло уже 270 тыс. человек, из них 65 тыс. рабочих, то есть каждый четвертый барнаулец работал на заводах, предприятиях и фабриках легкой и местной промышленности... Трудоспособного населения сельского хозяйства края к середине 1943 г. уменьшилось на 55 процентов. В селах осталось 438 тыс. трудоспособных человек и только 94 тыс. из них были мужчины... За четыре года Великой Отечественной войны колхозы и совхозы, все труженики села Алтайского края дали

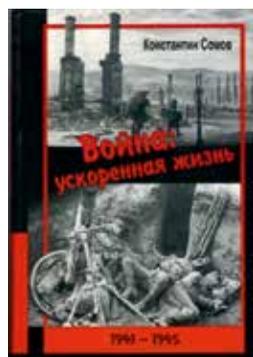

Родине около 2 млн тонн зерна, 510 тыс. тонн мяса, 550 тыс. тонн картофеля, более 50 тыс. тонн сахара, свыше 12 тыс. тонн сыра твердых сортов, 37 тыс. тонн животного масла, 2 млрд литров молока.

Сомов, К. К. Война: ускоренная жизнь [Текст] : [документальные очерки] / К. К. Сомов. - Барнаул : Алтай, 2010. - 616 с.

Книга эта начиналась тридцать лет назад, когда мальчишка Костя Сомов услышал на рыбалке от старика историю о том, как жили на войне. Не воевали — жили. Это в кино на войне всегда стреляют. На самом деле боевые действия занимают на войне не так уж много времени. Герой Советского Союза морской пехотинец бийчанин Сергей Баканов вспоминал: «После войны подсчитал: наступал, то есть по-настоящему воевал, 88 суток, в госпиталях валялся, то есть бездельничал — 315 суток, в обороне был 256 суток, учился на командира под Сталинградом 50 суток. И до того, как попал на фронт, околачивался во Владивостоке — 350». Хотя все

это тоже была война, но в каждом из этих состояний она была разная. В своей книге Константин Сомов рассказывает с помощью воспоминаний очевидцев и участников событий, архивных и личных документов о быте людей в военные годы. Выпавшие на долю людей по обе стороны фронта тяжкие лишения растянулись на несколько лет, превратившись из экстремальной ситуации в экстремальное время, в которое, несмотря

на ближнюю или дальнюю стрельбу, требуется чем-то питаться, как-то одеваться, где-то жить, а чуть отодвинулась смертельная опасность — вспоминать и о любви во всех ее направлениях.

Питание на передовой (если таковое имелось) было, как правило, два раза в сутки: утром до рассвета, когда темно и противник не видит, и вечером, когда наступает темнота.

Посмотрим на наименование и количество продуктов в нормах суточного довольствия для личного состава боевых частей действующей армии.

Хлеба из ржаной и обычной муки полагалось 800—900 граммов на день (в зависимости от времени года), мяса — 150, рыбы — 100, масла — 20, сала — 30, овощей разнообразных — 820, крупы — 140 г. Плюс к этому разная мелочь в виде перца, горчичного порошка или уксуса.

Гордись, Барнаул! : Герои Советского Союза — наши земляки. 1941—1945 [Электронный ресурс] : биобиблиографический справочник / [сост. В. А. Белозерова и др. ; прогр. Е. А. Шопин]. — Барнаул : [б. и.], 2015. — Электрон. Дан. — 1 эл. Опт. Диск (CD-ROM) ; 12 см. : цв. — Систем. Требования: WINDOWS XP; Процессор Pentium 550 МГц Оперативная память 256 МБ; видеоадаптер и монитор SVGA; устройство для чтения компакт-дисков; Adobe Flash Player. — Заглавие с контейнера.

Электронный биобиблиографический справочник «Гордись, Барнаул!» содержит материалы о Героях Советского Союза — участниках Великой Отечественной войны, чьи биографии связаны с Барнаулом. Структура электронного справочника проста и удобна, открывает его статья об истории звания «Герой Советского Союза», далее следует портретная галерея, из которой можно попасть на персональную страницу героя, где приведена его биография и библиографический список публикаций. Издание доступно на сайте МБУ «ЦБС г. Барнаула» (<http://www.citylib-barnaul.ru/naschi-ozdani/j/nashi-programmy04072013>).

Муравлев, А. С. Михаил Калашников [Текст] / Анатолий Муравлев ; [Упр. Алт. края по культуре и арх. делу]. - Воронеж : Макс-Принт, 2015. - 380, [42] с. : ил. - (Алтай. Судьба. Эпоха).

Вклад Михаила Калашникова в Победу трудно переоценить. Он сам участвовал в боях Великой Отечественной, но главная

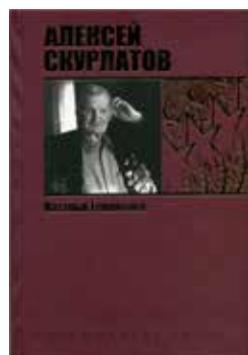
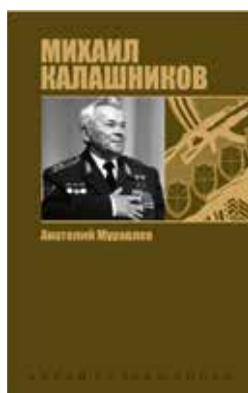
его работа — изобретательская, началась после тяжелого ранения. В военном госпитале в городе Ельце Калашников задумал первый вариант своего автомата. Американский журналист Ларри Каганер писал в газете «Вашингтон пост»: «Именно там безвестный командир танка по имени Михаил Калашников принял решение: он сделает так, чтобы его товарищей-красноармейцев никто и никогда больше не смог победить». Ему обязаны жизнью тысячи и тысячи советских солдат. Автоматы Калашникова известны и популярны во всем мире. Каков он, наш знаменитый земляк? О нем расскажет книга Анатолия Степановича Муравлева. Автор книги — известный в крае писатель и журналист. Прорывав большую, серьезную многолетнюю работу, он собрал в своей книге интересные документальные свидетельства, воспоминания современников и самого Михаила Тимофеевича.

В госпиталь меня привезли полуживого, в бинтах, гипсе. Вокруг такие же бедолаги, некоторым и похуже — слепые, без рук, без ног. Столько страданий... А потом, когда уже лежал, времени было много, мысли начали лезть... Начал думать, анализировать. Практически у каждого немца — автомат. Легкий, удобный. Но это оружие ближнего боя. Мне думалось, что нашим солдатам нужен автомат, или как его вначале называли, пистолет-пулемет, в котором соединились бы мощь винтовки Мосина, калибр пули 7,62 миллиметра и скорострельность знаменитого ПППШ — автомата с круглым диском.

Теплякова, Н. В. Алексей Скурлатов [Текст] / Наталья Теплякова. — Барнаул : Алтайский дом печати, 2014. — 352 с. : ил. — (Алтай. Судьба. Эпоха).

Алексей Иванович Скурлатов. Кому сегодня не известно имя нашего знаменитого земляка? Судьба была благосклонна к простому солдату. Алексей прошел все четыре года войны. И хотя за это время на него дважды присылали похоронку — вернулся в 1946 г. домой — один из трех братьев. Большой труженик, герой войны, уважаемый человек, он прожил достойную жизнь. Стал знаменит, когда его именем люди в далекой Болгарии назвали памятник советскому солдату-освободителю — тот самый, о котором сложена пронзительная песня «Стоит над горою Алёша, в Болгарии русский солдат...».

Есть такое высказывание: человек, прошедший ад и не потерявший чувства юмора, — практически святой... Скурлатов всегда шутил по-доброму, он смеялся над своими болячками, своим возрастом,

недугами. Он не кичился своей славой, а подшучивал над ней. На мой вопрос, что происходит в душе, когда в честь тебя называют памятник в Болгарии, про тебя поют песню, он весело ответил: «Памятник пусть стоит, а вот я еще погуляю».

Федяев, А. Е. Зарево над юностью [Текст] : [литературно-художественный сборник] / А. Е. Федяев ; МВД РФ, БЮИ. - Барнаул : БЮИ МВД России, 2015. - 260 с.

Основой для повестей, вошедших в сборник, стали воспоминания из фронтовых биографий ветеранов Барнаульского юридического института. О судьбе военврача Александры Колычевой, об Иване Кудрявкине, встретившем войну на погранзащите, о летчике-штурмане Николае Михайлове, окончившем войну в небе Берлина и других, написал полковник внутренней службы, долгие годы проработавший заместителем начальника по кадрам и воспитательной работе БЮИ.

Николай невольно думал о том, какая силища летит сейчас к Берлину, чтобы обрушиться на врага свой смертоносный груз, приближая тем самым долгожданный день Великой Победы. И сейчас все мысли его были сосредоточены на одном — как можно точнее сбросить бомбы на позиции врага, сделать еще одну брешь в его обороне, облегчить нашим наземным войскам путь к Берлину... А на земле в сторону противника огненными стрелами летели залты «катюш». Это была картина огромной, впечатляющей силы. Гитлеровские войска буквально утонули в море огня и металла. Сплошная стена пыли и дыма поднялась в воздухе, и местами даже мощные лучи прожекторов не могли ее пробить. Ночью несколько сот бомбардировщиков ударили по дальним целям, куда не доставала артиллерия. И в этот слаженный удар нашей авиации внес лепту и весь 18-й Краснознаменный Севастопольский полк авиации дальнего действия. За эти вылеты чуть позже полку было присвоено наименование «Берлинский»...

Наша взяла [Текст] : сборник прозы (о Великой Отечественной войне) / сост. А. В. Кирилин. - Барнаул : Алтайский дом печати, 2015. - 556 с.

В сборник вошли рассказы, повести, отрывки из романов алтайских авторов, большинство из которых были фронтовиками. Произведения их — и генералов, и рядовых — неповторимые документы о буднях войны, происходят ли действия на фронте, в тылу врага или в далеком алтайском селе. О личном отношении авторов к событиям тех лет поведают нам страницы этой книги.

Наш батальон подбил десять танков, но не остановил их — они раздали нас. Уцелел ли кто, кроме меня? Ведь я не высовывался из окопа, я перевязывал раненых. И только под конец, когда все смешалось, я выхватил из рук убитого винтовку и начал стрелять в зеленую фигурку, которая бежала с автоматом к нашей траншее. Не знаю, попал ли я в нее, но исчезла за бугром и больше не появлялась. Совсем близко кричал раненый, я метнулся к нему. На этом мой военный подвиг и окончился...

Александр Гусев. «Окруженцы».

Три этих уникальных издания подготовлены по инициативе и при поддержке Администрации Алтайского края. В первые два сборника вошли стихотворения ветеранов Великой Отечественной войны, жителей Алтайского края. В большинстве своем авторы стихов — непрофессиональные поэты, но отношение к войне, жестокой правде тех лет, выраженное поэтическими строками, трогает читателей разных поколений.

Это память листает страницы... [Текст] : сборник стихов поэтов-фронтовиков Алтайского края / Администрация Алтайского края ; [сост. А. Н. Коган, А. Е. Россинская]. - Барнаул : АЗБУКА, 2014. - 435 с. : цв. фот., портр.

Многие произведения были написаны в то страшное время. В передышках между сражениями рождались строки пронзительной искренности о жестокой фронтовой правде.

Мы снова вернули планете весну... [Текст] : сборник стихов поэтов-фронтовиков Алтайского края / Администрация Алтайского края ; [сост. А. Н. Коган, А. Е. Россинская]. - Барнаул : АЗБУКА, 2015. - 434 с. : цв. фот., портр.

Это сборник лирических стихов фронтовиков. Их не ожесточила война и не стала единственной темой, они писали о родных местах, об отчем доме, любимых людях.

Я хочу написать о солдате стихи... [Текст] : сборник стихов о Великой Отечественной войне учащихся и студентов Алтайского края / Администрация Алтайского края ; [сост. А. Н. Коган, А. Е. Россинская]. - Барнаул : АЗБУКА, 2016. - 415 с. : цв. фот..

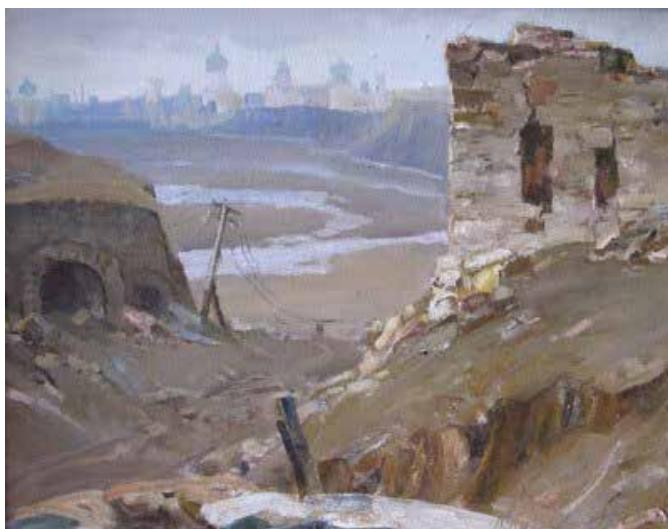

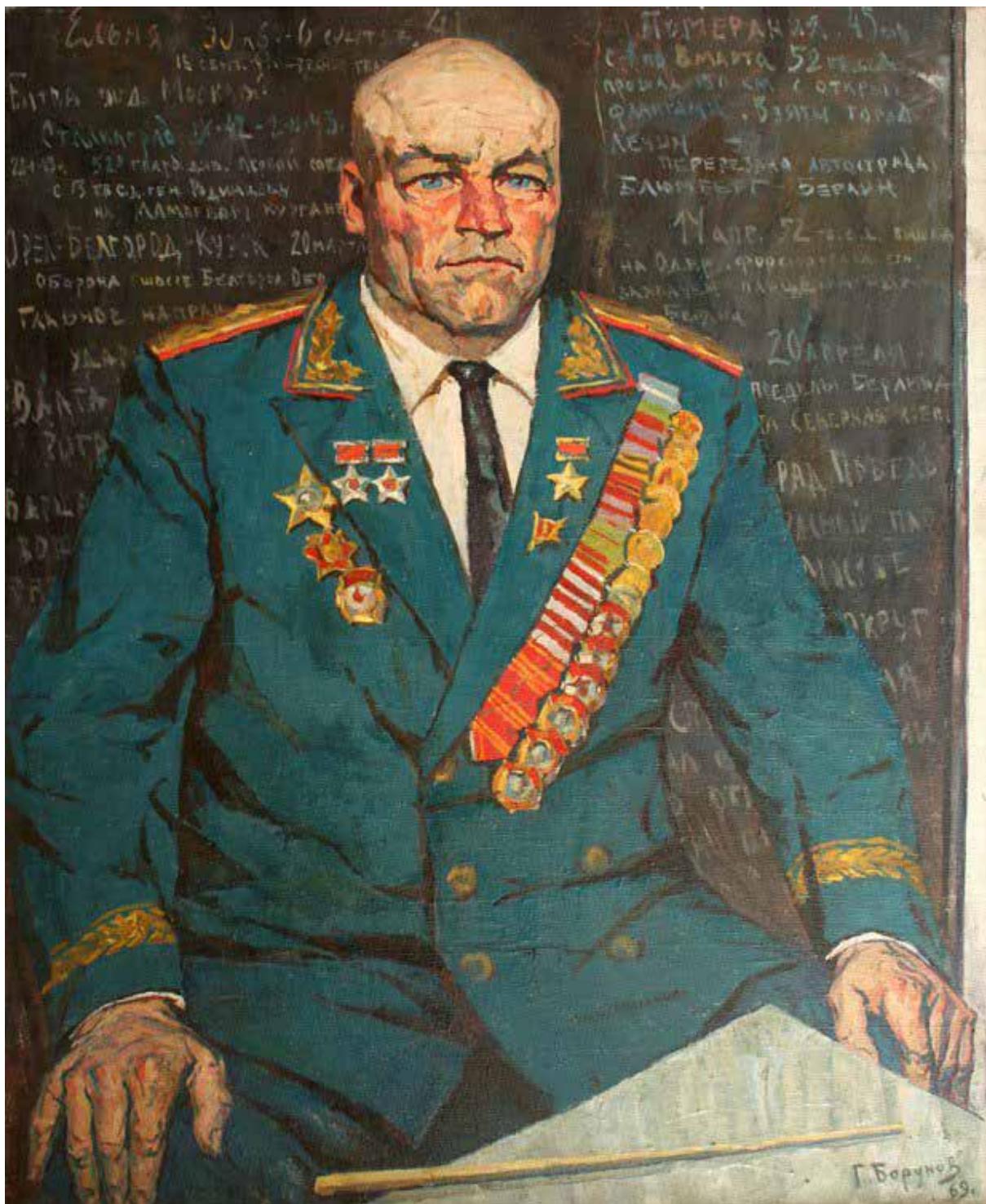
Виктор Зотеев. «Ночь перед боем». 1985-1995

Владимир Шкиль.
«У вечного огня». 2005

Михаил Будкеев. «На окраине Пскова». 1961

Геннадий Борунов. «Портрет сибирского богатыря Нестора Козина». 1969

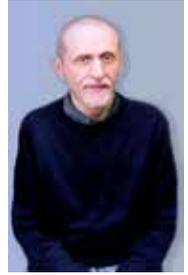

Федор Торхов. «Ветеран 5-й гвардейской дивизии
Семён Торхов». 2005

Виктор Калинин. «Возвращение». 1979-1980

Валерий Котеленец

Лучшее на земле

***

Место, где я живу, —
лучшее на земле.
В самую злую жару —
лучшее на земле.

В лютые холода —
лучшее на земле.
Ныне и навсегда —
лучшее на земле.

В счастье или в беду —
лучшее на земле.
В смертном моем бреду —
лучшее на земле.

Не потому, что оно
лучшее на земле.
А потому, что оно
лучшее на земле.

***

Я закрываю глаза... И свет
вспыхивает, слепя...
Я не люблю тебя. Столько лет
я не люблю тебя.

Пусть нелюбовь — это тяжкий грех, —
спасенья не надо мне.
Я не люблю тебя меньше всех
на этой большой земле.

***

Т. К.

Не уходи прочь.
Не исчезай в тень.
Время мое — ночь.
Время твоё — день.
Я не сойду с ума —
просто скажи: «Нет!»...
В сердце моем — тьма.
В сердце твоём — свет.

Только не откажись.
Только позволь смечь.
И возвести жизнь.
И прокляни смерть.

***

Какие люди были!.. Глыбы!..
Без них сей мир зело убог...
Вот вы ноктюрн сыграть смогли бы?
...И я не смог.

Мы пали жертвами искусства
в своей придуманной стране...
Вот вам строку диктует чувство?
...И мне.

***

...И не меда вкусил я, но яда
от щедрот бытия.
Ничего мне от жизни не надо.
Да и ей от меня.

Слишком поздно махать кулаками,
город-лгун!
Ты не прав — мое сердце не камень.
Мое сердце — чугун.

***

На земле, почерневшей от крови,
мы замрем у предельной черты,
ничего за которую, кроме
абсолютной, как смерть, пустоты.
И свершится последняя треба.
И закончатся списки живых...
Эти трубы откуда-то с неба...
Почему вы не слышите их?..

Из детской тетради

***

Снег идет! Вот это да!
Снег идет на красный свет!
Почему ему тогда
ничего за это нет?

***

Что случилось вдруг со мной?
Я, наверное, больной?
Над самим собой вися,
раздвоился, расстроился,
расчетыринадцатился...

Никакой я не больной.
Это просто надо мной
пролетела стрекоза —
многогранные глаза...

***

Скорпион имеет жало
на конечности хвоста,
чтобы жертва не сбежала
в неизвестные места.

А еще, что очень важно,
у него есть две клешни.
Мне представить даже страшно,
для чего ему они...

***

Это — снег.
А это — мы
на снегу среди зимы.
А вот это всё — зима —
посреди себя сама.

***

Мы с моим соседом Ромой
настоящие друзья.
Вместе в школе, вместе дома.
Друг без друга нам нельзя.

Вот вчера играли в шашки.
В поддавки, а не всерьез...
У него — синяк и шишка.
У меня — разбитый нос.

***

Мышь увидела кота
и сказала: «Срамота!
Почему при даме
ходите в пижаме?!».

***

Зима уже кончается,
но лето далеко.
Так можно и отчаяться,
наверное, легко.

И даже не отчаяться
(и это ясно всем) —
скефириться, скакавиться,
скоктейлиться совсем!

***

Заяц был зимою белым,
будто вымазанный мелом.
Но едва настало лето,
стал совсем другого цвета.

Скоро осень на дворе.
Что с ним станет в сентябре?..

***

Стрекоза обьялась мух —
наобедалась за двух
или даже трех стрекоз.
В результате — токсикоз.

Мой совет таким стрекозам:
не шутите с токсикозом.
Уменьшает токсикоз
популяцию стрекоз.

***

Приспособиться смогли же,
несмотря на мелкий рост!

Мы отбрасываем ложки,
а вот ящерицы — хвост!

***

Почему большой и строгий
полицейский не свистит?
Зебра прямо на дороге
растянулась и лежит.

Давят, топчут, кто как может,
бедолагу млад и стар.
И никто ей не поможет
отползти на тротуар.

***

Я кричу: «Медведь! Медведь!..
Почему молчишь? Ответь!».

Но медведь не знает ведь,
что его зовут медведь.

***

Река впадает в море.
А море — в никуда,
поскольку сушией море
окружено всегда.

А мой ботинок лужей
повсюду окружен.
Ну а уж лужа — сушией —
со всех пяти сторон.

***

Гляжу на муравья
и удивляюсь я.

Заморыш и рахит.
Подуй — и улетит.

А как здоровый слон
таскает грузы он!

***

Весь день ужасные качели
скрипят, скрипят, скрипят с утра.
Как эти звуки надоели
всем обитателям двора!

Из окон сыплются угрозы:
— Поймай их!
— Высыпай им ремня!..

Но никому еще ни разу
не удалось догнать меня!

В феврале исполнилось 85 лет Ивану Павловичу Кудинову, известному барнаульскому прозаику. Он работал на заводе, служил срочную на Тихоокеанском флоте (где и опубликовал во флотской газете «Боевая вахта» первые заметки и очерки). Затем – журналистика и писательство. Несколько лет Кудинов возглавлял краевую писательскую организацию. Около 20 лет был главным редактором альманаха (ныне – журнал) «Алтай», 15 лет вел отдел прозы журнала «Барнаул». Первый роман Ивана Кудинова «Стихия» (о тяжелых последствиях безоглядной распашки целинных земель) был издан в Москве, затем на Алтае и в Новосибирске. За ним последовали исторические романы «Окраина», «Переворот» и «Каракорум», которые составили трилогию, охватывающую столетний период — от зарождения сибирской интеллигенции до ее тотального уничтожения в 1937 году. А еще Иван Павлович – автор многих повестей, рассказов, публицистических произведений, мемуаров... Мы предлагаем вашему вниманию фрагмент из романа Кудинова, над которым он работает

Иван Кудинов
Иллюстрации из архива автора и редакции

Последний шаг

Фрагмент романа «Русский остров»

Лето 1954 года достигло вершины и покатило вниз. 16 июля день был спокойный, безоблачный, не предвещавший каких-либо перемен — обычный рабочий день, расписанный по часам и минутам. Впрочем, и типография не выпадала из общего корабельного ряда, хотя жила и работала строго по своему внутреннему распорядку. А иначе газету не сделаешь... Сразу после завтрака старшина первой статьи Кужельников запустил печатную машину и мигом отшлепал, тиснув три экземпляра корректурных полос. Один экземпляр тут же, из рук в руки, вручил Сергею, другой для пущей важности оставил при себе, а третий, свернув аккуратным рулончиком, отнес в каюту редактора...

Все шло своим чередом. Наборщики заняли свои места, вооружившись верстатками. Сергей примостился за этим же столом, в «редакционном углу», положил перед собой еще тепленькую, влажноватую корректурную полосу и, вдыхая привычный запах типографской краски, углубился в читку, точнее, вычитку очередного номера (самой лучшей в мире) газеты «Вперед», потратив на это часа полтора... Потом, чуть погодя, явился редактор с готовой своей корректурой — и они, встав рядышком, сверили и свели воедино обе правки. Полный лад! Редактор был в хорошем настроении и не скрывал этого:

— Итак, с рутинной покончено! Теперь слово за вами, — сказал он, передавая Кужельникову «общую» правку. — Ждем сигнальные к шестнадцати ноль-ноль. Успеете?

— Постарайтесь, товарищ лейтенант.

— Постарайтесь, — кивнул редактор и, как всегда, оборвав на полуслове, неожиданно вышел. Что ж, все остальное и без слов понятно.

— Правку внести до обеда, — распорядился Кужельников.

— Сказано — сделано, — ответил за всех старший матрос Кусков. И работа пошла! А перед обедом, радуя слух, корабельное радио объявило: «Команде приготовиться к купанию».

Все в этот день ладилось, как никогда. И купание было великолепным. Вода в заливе Петра Великого отменно хороша, где-то ближе к 30 градусам Цельсия, плавать в такой воде одно удовольствие — не хочется из нее выходить. Да к тому же полный штиль, вода неподвижна, прозрачна, с оттенком ультрамарина... Кажется, не ты держишься на воде, а вода тебя держит. После такого купания и будничной обед показался невероятной роскошью. Борщ — чудо, на второе картофельное пюре с добрым куском красно-рассыпчатой ароматной горбуши — объедаешь! Не говоря уже о компоте...

А потом — тихий час. Но тут и сказать нечего! Коснулся головой подушки — и нет тебя, провалился в тартарары, ушлыл куда-то за пределы вселенной и, наверное, не вернулся бы никогда, если бы не свисток дневального: «Подъем!» — заблажил он весело, словно вознамерился поднять не кубрик комендорский, а саму вселенную.

Славным выдался этот безоблачный день, 16 июля, все шло как по маслу. В половине шестнадцатого Сергей прибежал в типографию, а там, на столе наборном, лежат еще тепленькие, только что отпечатанные сигнальные экземпляры, в сущности, готовой уже к выходу газеты «Вперед». Осталось внимательно просмотреть ее, сверить правку — и ждать, когда редактор подпишет свое короткое резюме: «В печать». Но за этим дело не станет. Редактор вскоре зайдет, поставит свою витиевато-размашистую подпись и как бы походя скажет: «Тираж отпечатать завтра утром». Впрочем, это не приказ, а скорее констатация, поскольку выход очередного номера газеты «Вперед» предусмотрен графиком именно завтра, 17 июля. А график ни при каких обстоятельствах срывать нельзя. Даже если с неба посыплются камни...

Вот в этот момент и объявился Василь Зеленцов (только что с полубака), весь пропахший табачным дымом, и с ходу выложил:

— Ребята, похоже, завтра выходим в море.

— Это откуда у тебя такие сведения? — поинтересовался Кусков.

— Весь корабль об этом говорит.

— А «кораблю» откуда знать?

— Только что прибыл на крейсер Клевенский.

— Ну и что? Он часто у нас бывает. Контр-адмирал держит на крейсере свой флаг, чему же тут удивляться...

— Есть чему, — загадочно произнес Зеленцов, прошел и сел на свое место спиной к столу. — Антоша, подсажи, сколько там на твоих серебряных? — спросил Шмыгу, хотя у самого на руке часы. Тот быстро глянул и ответил:

— Через двадцать минут ужин.

— Во! Точнее не скажешь, — засмеялся Кусков. — И что дальше?

— А дальше ты мне скажи: можешь ли ты припомнить, когда адмирал являлся на крейсер так поздно, чуть ли не глядя на ночь? — спросил его Зеленцов.

— Нет, не могу припомнить. И что это значит?

— Так это ж понятно: коли адмирал так поздно прибыл на крейсер, значит, завтра утром или, в крайнем случае, в первой половине дня поднимем якоря — и айда в море.

— Ну, дорогой мой, это всего лишь твои домыслы, — отмахнулся Кусков. Но Зеленцов не сдавался:

— Спорим, что ты ошибаешься.

— Отставить споры, — подал голос Кужельников. — И прекратить болтовню! Правильно вон Шмыга подсказывает — через двадцать минут ужин...

— Теперь уже через пятнадцать, — уточнил Кусков, глянув на свои часы.

— Тем более! — еще строже сказал Кужельников. — Кто сегодня бачкует? Отправляйтесь в кубрик и готовьтесь к ужину. Остальное без вас решится, — бросил вдогонку.

И как будто в воду глядел.

Остальное, непредвиденное и самое страшное, решилось без них, глубокой ночью, когда весь — почти тысячный! — экипаж флагманского крейсера «Каганович» крепко спал и не ведал еще никакой беды, не видел ее и во сне; и даже тогда, когда горнисты сыграли звонкую утреннюю «зорю»,

никто ничего еще не знал и помыслить не мог о случившемся...

Сергей помнит, что в первый момент после пробудки, прибирая постель, он подумал: а вот сейчас, вслед за этим, сыграют другую музыку и объявят, как всегда, громко и весело: «Всем стоять по местам, с якоря сниматься!». И крейсер, запустив обе турбинные установки, двинется в море. Наверное, многие в то утро так думали и ожидали такого поворота... Но вместо этого по трапу четко простучали чьи-то ботинки, кто-то сбежал с палубы в кубрик и с ходу, не переводя духа, выпалил эти два жутких слова, будто в упор ударил дуплетом:

— Клевенский застрелился.

Никто этому не поверил. Никто! Это было невысказано. Как застрелился? Кто это видел?

— Вестовые видели, — сказано было твердо. — Они первыми и в каюту флагмана вошли.

— А где он сейчас?

— Кто?

— Адмирал.

— Его еще ночью на катере переправили в город.

— Он жив? — с робкой надеждой кто-то спросил.

— Нет. Он умер сразу... в своей каюте.

И всё! Большого добиться не удалось. Вдруг все замкнулось, никто ничего не знал — глухая стена. Сергей попытался хоть что-то выведать у редактора, но для лейтенанта разговор этот был в тягость.

— Товарищ лейтенант, что случилось с Клевенским? И как это произошло? — спросил Сергей, выбрав момент.

— Сегодня ночью контр-адмирал Клевенский умер в своей каюте, — с большим промедлением и с явною неохотой ответил редактор. — Вот все, что я знаю. А как произошло, это мне неизвестно.

— Извините, товарищ лейтенант, но я спрашиваю потому, что утром, сразу после пробудки, кто-то спустился в наш кубрик и с ходу, не переводя духа, объявил: «Клевенский застрелился». И никаких колебаний, никаких сомнений в его голосе я не услышал. Застрелился — и все.

— А что же ты хочешь от меня услышать? Чтобы я подтвердил это? — довольно жестко и холодно спросил лейтенант, стараясь замять неприятный и ненужный разговор. — Но я не могу подтвердить. Потому что никаких выстрелов не слышал. — И, помедлив, добавил: — Ты же знаешь, моя каюта от флагманской далеко... Вот здесь и поставим точку! — говорил, не глядя Сергею в глаза. И стало понятно: истинную причину смерти контр-адмирала Клевенского зачем-то решили (кто решил?) скрыть от матросов, от всего личного состава крейсера «Каганович», а может, и всего флота...

Хотя как это сделать, если ранним утром, 17 июля 1954 года, сразу после пробудки, когда почти тысячный экипаж флагманского крейсера был на ногах, все уже знали: «Клевенский застрелился!». И ничто более, никакие особые доводы не могли опровергнуть этого факта, убедить в чем-то другом и тем более утаить или даже «подменить» непоправимо трагический этот шаг. «Вестовые не будут врать, — говорили между собой матросы и были правы. — А зачем вестовые стали бы врать!» — вот это и была, что называется, голая правда.

И тогда как бы сам по себе возник самотек, сильно похожий на игру в прятки: матросы знали одно, командование знало то и другое, но вело себя так, будто ничего не знало, не ведало, потому и хранило молчанье. Никаких объявлений, разъяснений, никакой мало-мальски толковой информации (даже крейсерская газета «Вперед» ни единой строчкой не отозвалась на это печальное событие — кто бы ей разрешил?!) — глухая стена.

А сказать было что! Но как об этом скажешь? И где тут граница между правдой и умолчанием? Да и надо ли «голую» правду обнажать до конца?

Мало кто знал, что буквально в канун этих жутких событий контр-адмирал

Клевенский слетал в Москву. Пробыл там недолго, решая какие-то вопросы (на что уполномочен) в Главном морском штабе, где у него было немало друзей и близко знакомых. Чем его там обогатили, обнадежили или, наоборот, повергли в уныние предвещением новой грозы, нависшей над флотом российским? И, как бы между прочим, остороженько поведали о том, что Никита Сергеевич вдруг, закусив удила, вознамерился сам лично заняться флотом и навести там порядок... И наведет... тень на плетень! Готовый же проект «Обновления и строительства сбалансированного современного флота», выношенный годами и представленный морским главкомом адмиралом флота Советского Союза Кузнецовым, и в расчет не примет! Вот что обидно...

А может, и не было таких разговоров, держалось все в уме? Одно теперь известно: вскоре по приезде из Москвы, 16 июля, вечером, контр-адмирал Михаил Сергеевич Клевенский прибыл на флагманский крейсер «Каганович», стоявший на внешнем рейде залива Петра Великого, и в сопровождении командира корабля проследовал в свою каюту... И все! Остальное покрыто мраком. Зато понятно стало, почему именно вечером Клевенский поднялся на борт крейсера... Адмирал хотел быть и остался до конца на своем боевом корабле. Стояла глубокая ночь, 17 июля 1954 года...

Три дня спустя после этого невыносимо тяжелого трагического исхода кто-то из наборщиков, кажется, Виктор Кусков, спросил зашедшего в типографию редактора:

— Ну что, товарищ лейтенант, похоронили Клевенского?

— Похоронили.

— На Морском кладбище? — но это уже встрял Зеленцов.

— Для адмирала теперь любое кладбище — «морское», — помедлив, сухо и загадочно ответил лейтенант, явно чего-то не договаривая. Но Сергею крепко запало в голову: контр-адмирал Клевенский похоронен на Морском кладбище Владивостока. Так считал он многие годы. А было не так...

И лишь тринадцать лет спустя «недоговоренность» редактора внезапно раскрылась — и стала понятной странная ее подоплека. Однажды ясным и теплым сентябрьским днем 1967 года Сергей Лепихин, учившийся в то время на Высших литературных курсах в Москве, с группой своих сотоварищей (слушателей по тем временам, безусловно, элитарного ВЛК), загодя сговорившись, отправились на Ваганьковское кладбище, чтобы поклониться могиле великого русского поэта.

Добрались без всяких помех.

Солнце к полудню рассиялось вовсю. Червленым золотом горели столетние тополя, и редкие высокие облака, будто цветные аппликации, недвижно висели в небе. Горьковатый запах, растворенный в воздухе, слегка кружил головы... И на всем тут лежала печать незыблемой вечности, необратимости и умиротворения. Разговаривая вполголоса, группа приблизилась к могиле поэта и тотчас увидела подле нее маленькую женщину, скромно одетую, в легком сером плащике и с какой-то светлой печалью не только в глазах, но и в каждом своем движении. Появление группы довольно молодых и достаточно представительных людей, кажется, ничуть ее не смутило и не удивило, она посмотрела на них внимательно-благодарно и мягко улыбнулась. Они объяснили, кто и откуда, уже догадавшись, что перед ними одна из сестер Есенина... Думали, Сашенька, Александра Александровна, но оказалось — Катенька, Екатерина Александровна. Обе сестры жили тогда в Москве. Она доверчиво посмотрела на них, словно догадываясь о чем-то сокровенном, и вдруг попросила: «Почитайте Серёжины стихи. Он очень любил слушать...».

И они, поддавись обаянию этой милой и скромной женщины, охотно отозвались на ее просьбу. Голос (уже тогда считавшегося основоположником и тончайшим лириком мансийской литературы) тридцатилетнего Ювана Шесталова распевно и мягко прозвучал над могилой Есенина:

Отвори мне, страж заоблачный,

Голубые двери дня...

И хабаровский поэт Михаил Асламов, опережая Ювана (съехались поэты и прозаики на ВЛК со всего Союза), мигом подхватил есенинские слова:

Белый ангел этой полночью

Моего увел коня...

Читали много и с упоением. Души оттаяли и распахнулись навстречу добру. Потом, когда направились к выходу, Юван вдруг притормозил и сказал:

«А давайте пройдем к могиле Вероники Тушновой. Здесь совсем недалеко, по этому же порядку... Похоронили ее два года назад. Прекрасная поэтесса! И красивейшая женщина...» — говорил он о ней, как о живой, двигаясь мимо чьих-то могил и памятников. Остальные держались за ним — и вскоре остановились, увидев простенький обелиск на довольно прибранной и ухоженной могиле Вероники Тушновой.

Постояли молча. Потом кто-то вздохнул и тихонечко, нараспев повторил: «Белый ангел этой полночью моего увел коня... — и еще глубже вздохнул: — Она была совсем еще нестарой, Вероника Тушнова, жить бы да жить...» — и опять молчанье, глубокое и печальное. «А сосед у нее надежный, он в обиду ее не даст», — вдруг сказал Михаил Асламов, все оживились, задвигались. И Сергей Лепихин, обернувшись, прямо перед собой, справа от могилы Вероники Тушновой, увидел массивный гранитный постамент с бюстом военного (их памятники стояли рядышком, бок о бок), и первое, что бросалось в глаза, фамилия, крупно и рельефно высеченная на темно-серой плоскости тяжелого гранита: КЛЕВЕНСКИЙ. Сергей оторопело замер, не веря своим глазам. Неужто однофамилец? Взглянул снова на бюст — точная копия контр-адмирала Клевенского! И не только фамилия, но имя, отчество, звание, даты рождения и смерти — все совпадало, не говоря уже о портретном сходстве. «Ребята, — сказал Сергей, изрядно волнуясь и не отводя глаз от бюста Клевенского, — это же наш адмирал, он держал свой флаг на крейсере...» — и очень коротко, сбивчиво поведал о том, кто он такой, Михаил Сергеевич Клевенский, почему «держал флаг» на крейсере и как внезапно оборвалась жизнь адмирала...

А вот как оказался он здесь, на Ваганьковском, это долго еще оставалось для Сергея загадкой. И только позже он понял, что никакой тут загадки нет — Клевенский был коренной москвич, любил Москву, потому и похоронен здесь...

Но почему тогда, в те дни, сотворили из этого столь немыслимую тайну? Сергей помнил, какой плотной, почти непроглядной завесой умолчания был окружен крейсер «Каганович», где помощник командующего Тихоокеанским флотом по строевой части контр-адмирал Клевенский чувствовал себя как дома, держал на крейсере свой флаг и провел последние часы жизни...

Потом, уже много лет спустя, как бы вплотную приблизившись к истине, но полностью так и не открыв ее, будет сказано о Клевенском: «Единственный советский адмирал, принявший смерть на борту боевого корабля». Единственный! Вот и все...

Адмиралу было сорок девять лет. Приближался первый его юбилей — пятидесятилетие (8 ноября 1954 года), дата круглая, пройти до которой оставалось всего лишь три с половиной месяца... И вдруг разом все обрывается. Необъяснимо!

Возможно, Клевенский, только что вернувшийся из Москвы, знал и предвидел нечто такое, чего не знали другие, какую-то непомерную тяжесть тащил в себе и даже, вполне вероятно, к чему-то внутренне был готов...

Однако последний шаг контр-адмирала Клевенского так и остался загадкой.

Жанна Алимова

Клавдеин дед

Моя детская, цепкая до любопытного память сохранила портрет высокого, худого старика. Примечательного в нем для меня было много: его лицо было сделано из мелких красных кирпичиков, вот так жизнь его избороздила к старости. У всех морщинки как морщинки, вдоль и поперек, а у этого — кирпичики. Я рассматривала его, не стесняясь, по-деревенски вытупив глаза и раскрыв рот. Старик этот был сожителем старшей сестры моей бабушки. Клавдеин дед, так его звали в нашей деревне, куда они приезжали с Клавдеей редко. Моя бабушка всегда ужасно нервничала в их присутствии, начинала говорить не своим, высоким, ласковым голосом. Стыдилась своего мужа-вахлака, деревенской избы, ситцевых платьев... и меня — дикую и откровенную. Я могла открыто заявить гостям в свои шесть лет, что не надо привозить нам старые вещи из города, что у бабушки их уже целый сундук и мы их не носим. Я помню, как застыли дед с бабушкой, боясь продолжения. А продолжение могло быть интересным: о том, что Клавдеин дед с этой самой Клавдеей не женаты, уже такие старые, а живут вместе — это раз, и бабушка сама говорила, что нечего хлам к нам в деревню тащить, своего девать некуда — это два. И еще слышала я, как бабушка тихо говорила моему дедушке, будто бы Клавдеин дед в молодости на каторге был, за убийство. Да и вообще, не нравилось мне, что мои дедушка с бабушкой не очень-то любили этих, с большими сумками, приезжающих по осени за урожаем, но скакали перед ними на дырлах — это было непонятно и обидно до слез.

Взрослые смотрели на меня недовольно.

— Что, разбогатела, что ли? — спросила меня тетя Клава.

— Да ты что, совсем сдурела, так со взрослыми разговаривать-то? Ну, совсем без матери от рук отбилась! — бабушка посмотрела на меня с обидой.

Зачем она про маму-то, мама уже год не приезжала...

— Лупить надо чаще, ума будет больше, — зло сказал городской дед.

Конечно, одет он был чистенько, по-городскому, ходил с тросточкой, но что-то в его внешности было неуловимо опасное, что внушало бабушке моей трепет и страх. И я смотрела на его большие с узловатыми пальцами ручищи, сжимающие клюку, и сердце мое сжималось. Неуютно становилось у нас, не только в доме, но и в деревне, когда приезжала эта старая неженатая пара. Для меня особенным безобразием казалось быть в этом возрасте неженатыми. У детей чувства обострены и природное целомудрие служит правильным ориентиром в жизни взрослых, где мало что понятно.

Странной казалась любовь этой бездетной пары к сыну другой сестры, также живущей в городе с мужем, начальником цеха овчинно-меховой фабрики. У бабушки моей была корысть до городских родственников, мечталось ей иметь валенки фабричного производства, а не вручную катанные из шерсти собственных овец. Дед ей говорил: «Мария, ты набитая дура! Разве ж можно фабричные валенки, твердые как камень, сравнивать с самокатанными?». В валенках я тоже разбиралась и была за деда. Так бабушкиной мечте и не привелось сбыться, никто ей валенок с фабрики, где работал зять начальником цеха, не предложил.

Так вот сын другой бабушкиной сестры был поздним ребенком, воспитываемым двумя семьями сразу. Иногда и Сашуля появлялся в нашей деревне. И, было дело, мы загоняли его на высокие ворота и обзывали, если его покровителей не было поблизости. Ну а если мне случалось оставаться наедине с городским дедом и Сашулей, тогда моя голова трещала от кулаков.

Клавдеин дед устраивал «петушиные бои». Говорил Сашуле: «Ты Жанку бей, у нее отца-то нет». И Сашуля, старше меня на год и выше на голову, бросался с кулаками. Под одобрительные восклицания Сашуля дубасил меня почем зря. Я не понимала: почему Сашуля должен меня бить только потому, что у меня нет отца? Да и потом, отец-то у меня был, правда, не все понятно с историей о нем. Что-то с ним было не так, но он был, хотя дед с бабушкой

говорили: лучше б не был. А еще лучше бы Люба (моя мама) не выходила замуж за черного.

Как же так?.. Ведь тогда и меня бы не было! Как они могут так говорить? Им что, меня не жалко?

Пока я недоумевала, Сашуля заваливал меня на пол и садился верхом.

— А-а-а-а, убью! — Я дикой кошкой, царапаясь и кусаясь, выворачивалась из-под него и колотила ненавистного мальчишку по всему, что попадалось под руку... Но тут меня поднимали за шиворот и встряхивали — Клавдеин дед решал исход поединка. Он также был взволнован нашей дракой и, еле сдерживая себя от злости, отшвыривал меня в сторону.

— Не связывайся, Сашуля, ты с этой дикошарой! — пригладивая волосы своего воспитанника, говорил Клавдеин дед.

А еще он называл меня странным именем, сидит, бывало, на крыльчке, смотрит на меня, а потом и скажет: «Не Жанка ты, а сто рублей убытку!». Я не решалась спросить у него, что бы это значило, но голову себе ломала долго.

— Сто рублей — это много денег, — размышляла я. — Неужели он думает, что я такая ценная? А «убытку», что значит это слово? Может, «убытка» — это как шкатулка? Шкатулка со ста рублями! Смотрел недобро, а сказал, что я как коробочка с деньгами. Он, может, и не злой, этот дед Клавдеин, он просто строгий, — решала я.

— Деда, а что такое, когда тебя называют не Жанна, а сто рублей убытку?

— Кто ж тебя так назвал? — улыбнулся мой дед.

— Теть Клавин дед.

— Да ты его не слушай, шулера этого городского.

— А что такое шулер, деда?

— Беги, играй, вырастешь, узнаешь.

Вот и еще непонятных слов прибавилось, расспросила, называется. Но больше желания приставать к взрослым не было, странные они какие-то.

А самый примечательный случай был, когда приехала моя мама! И тетя Клава, и дед ее, и Сашуля были в то время у нас. Моя мама приехала, да не из города, а из самой Алма-Аты. Моя мама, моя мама, моя мама!

Я не отходила от нее ни на шаг. Дед с бабушкой и увещевали меня, и стыдили, и просили дать матери хоть поесть спокойно. А я смотрела на них и не слышала, что они говорят. Я навалилась на мамины колени, уткнулась ей головой в живот и замерла. Она ела, боясь пролить на меня окрошку, прикрывала мне голову рукой и тянулась к столу, поза была неудобной, но оттащить меня ни у кого не находилось смелости. Я обхватила маму за талию и дышала ею. Это вам не какие-то деревенские или даже Сашулины мамы, это мама из далекого города, пахнувшая чем-то заморским, вкусным, губы у нее накрашенные. В сенках стоят большие сумки, наверное, с подарками, в доме пахнет праздником.

Я — центр вселенной, мама гладит меня по голове, и я боюсь, что кто-нибудь все испортит, скажет, к примеру, что это не моя настоящая мама, у такой плохой, непослушной девочки вообще не может быть мамы, тем более такой восхитительной. Мамы-волшебницы, которая появляется неожиданно и исчезает неожиданно, и я не могу даже просить ее остаться со мной, потому что она неземная мама. Хорошо одно то, что она приезжает и все видят, что это моя, МОЯ мама. И что у меня тоже есть своя, настоящая мама, как у всех. А то, что она потом опять надолго уезжает, так это так надо. Но все равно, все-все знают, что ко мне приезжала мама.

— Мы будем вместе спать, значит, сегодня ночью? — заглядывая в глаза маме, спрашивала я.

— Не выдумывай давай! Мать с дороги, ей отдохнуть надо, а ты крутишься, как волчок, всю ночь.

Опять бабушка... Она прямо маму мою вырывает у меня, я посмотрела на маму с грустью. Но она подмигнула мне! Значит, мы не будем слушаться бабушку. Пришло время подарков, я уже прохаживалась возле сумок, важно поглядывая на Сашулю. Тот, делая безразличный вид, вился здесь же. И что тут началось....

— Да Люба, да зачем, да не надо было тратиться так! — щебетала бабушка, трогая шелк на платье. Я заходила от восторга: красные хлопковые колготки, лакированные туфли, еще колготки... Одни я натянула тут же на ноги, другие на голову, изображая косы. Не забывая поглядывать на гостей из города,

которым ничего не причиталось и им оставалось только кисло улыбаться и ахать. Мой праздник, мой день, мои подарки, моя мама и... Ах!

— Мама, что это? — Я боялась, что «это» в дороге поломалось.

— Надувной мячик.

— Надувной мячик! — вздохнула я.

— Мячик... — зачарованно повторил Сашуля.

Я обернулась. Ни слова не сказав, лишь упиваясь минутой, смотрела на Сашулю. Смотрела во все глаза: «У меня нет отца — вот тебе! У меня нет мамы — вот тебе! Вшивые гостинцы, которые вы мне привозите, твои старые кофты и штаны — вот тебе! Одну печенюшку мне, а для тебя две с конфетой — вот тебе!».

Мячик надувной был глобусом: желто-зеленая Африка со слонами и жирафами, Австралия с кенгуру...

— Мама, а это кто такой, мишка — не мишка смешной?

— Коала.

Радости моей предела не было.

— А можно мне плавать с ним?

— Ты плавать научилась? — обрадовалась мама.

— Не умеет она плавать. А я хорошо умею плавать уже, — встрял Сашуля.

— Научится, — мама моя погладила этого бледного, большоголового мальчика.

Меня ужалила ревность, я подошла, взяла мамины руки и прижала к своему лицу. И, стесняясь таких порывов, и не находя силы оторваться от мамы, и не сводя глаз с подарков, я была сама не своя.

Через день мама уехала в город, не в Алма-Ату, а просто в город. Это недалеко от нашей деревни, полчаса до райцентра на рейсовом газике-пазике, потом два часа на электричке. Скоро мама вернется.

А мы пошли на Чумыш купаться. Городские гости и я с мячиком. Клавдеин дед строго говорил, чтобы мы играли мячом вместе, но я боялась, что Сашуля проколет мой ненаглядный мячик. Такой яркий, такой разноцветный, такой блестящий и такой ароматный. У него был какой-то «заграничный» запах.

Когда мы с Сашулей кидали мяч друг другу, я была прямо в истерике, влятя мяч упадет на острый сучок, веточку, камешек. А Сашуля, казалось, специально издевался надо мной. То делал вид, что надевает мячик на острый конец сломанной ветки, то не давал мне играть, убегая с мячом. Терпение мое кончилось, и я заревела в голос.

— Да отдай ты этой жадине сопливой ее мяч, у тебя дома этих мячей... — злятся городские старики.

— У меня нет надувного мяча, как этот! — кричит Сашуля и тоже в слезы.

— Ну, мальчик наш, купим мы тебе сто таких мячей, еще красивее этого, — уговаривают старики.

— Ага, где купите-то? Мама в другом, большом городе мне купила!

— Замолчи сейчас же, дрянь такая! Довела мальчика до слез. Не слушай ее, Сашуля. Завтра поедем домой. В луна-парк пойдем, мороженое тебе купим...

Я не слушаю сладких речей о прелестях городской жизни, они больше говорят для меня, чем для мальчика, которого не удивишь качелями и пломбиром. Мне нет дела до их жизни, до их тесных квартир, которые мой дед называет скворечниками. Мне не нравится город.

Плещусь у берега, держу мяч перед собой и плыву, бухая ногами в воде. Переворачиваюсь на спину и не тону, прилепляясь к большому глобусу, как пиявка. Голова уходит под воду, я всплываю трусиками вверх. Рывок. Мяча в руках нет, я теряю ориентацию под водой, барахтаюсь какое-то время, выпрыгиваю из-под воды. Мяч качается в нескольких метрах от меня, на глубине. Течением его относит все дальше. Я беспомощно оглядываюсь на взрослых. Они спокойно смотрят на меня и на уплывающий мяч.

— Вот и нет мячика, — говорит Клавдеин дед.

Сашуле жаль мячик, но так, он считает, будет справедливее. Я тоже так считаю, беру одежду и иду домой. Не может быть у такой девочки, как я, так много хорошего, достаточно, что мама завтра вернется. И все же...

Какой красивый мячик у меня был, все страны были подписаны, все реки, горы, сколько животных было нарисовано, деревьев, цветов... Можно было рассматривать весь день напролет, а когда надоест, можно было подбрасывать мяч и ловить. Это была самая первая, тяжелая потеря. Я не могла плакать, меня тошнило, и кружилась голова.

Теперь у меня часто кружится голова... От счастья. Я путешествую по мячику из моего детства: заморские страны, красивые города, прекраснейшие места земли, интересные встречи...

Мама, спасибо за чудесный мяч!

Александра Вайс

Неизбежность полета

* * *

Нас накроет большой волной,
если вовремя не сорваться,
И затопит картонный мир
наших стареньких декораций.
Собирайся, скорей, бежим!
Можно что-то спасти по ходу...

Только как перестать смотреть
в подступившую воду?

* * *

фонарь,
нарисованный на стене,
хорош лишь днем

у этих - разводят мосты,
у тех - заматает дороги.
никто никуда не едет,
никто ничего не ждет
от ночи,
от боли до Бога.

* * *

печальные встречи,
несказанные слова,
забытые вещи
пылятся вроде трофеев

на время отложен быт,
и время одолжено

без слез, без истерик -
этот прошел этап
на новом этапе сложно
сказать и выплакать

и только
перроны,
взлетные полосы,
далекие города

нечастые встречи -
предсказанная разлука

* * *

не сплю
тороплю
ожиданье встречи
сдавливает виски

сгораю
и знаю
не будет легче
не вылечить от тоски
чай наворачиваю
скучаю
вслух говорю с собой
мне обещали
таких не прощают
и не даруют покой
наголо бреюсь и чувства голы
взгляды с опаской ловлю

уже 10 лет рифмую глаголы
и все 10 лет не сплю

* * *

Все еще ждешь чего-то...
С детства внутри живет
Неизбежность полета -
Или наоборот.

Чувства внутри заблудшие
Гонят своих коней -
Вдохи становятся глубже
Выдохи все шумней...

Вычисли логарифмы -
Степень давно ясна.
Ты отдана за рифму -
Это твоя цена.

Было бы что обещано!
Не обереешься бед -
К прежним грехам беспечным
Мольбы о другой судьбе...

Буквочки среди прочего
Прыгают на кровать.
Черточки, многоточия -
Я продолжаю ждать.

* * *

Если заболело, не стоит бежать к врачу -
Заточи эту боль, амбарный замок повесь,
Спрячь получше между алтайских гор,
Чтоб никто не узнал и сочувствовать
не посмел.

А потом уезжай подальше от этих мест,
Измени лицо, повадки и имена,
Чтобы больше бренчащего, равнодушного:
«Как дела?»,
И ответ без надрыва в голосе чтобы был.

* * *

Не цепляйся за нитку – порежешь пальцы,
Отпусти и падай в небытие.
Отсырела ткань, ненадежны пальцы-
Кольца-объятия.
«Дальше будет проще» - обман известный.
Все останутся в дураках.
Одноместный номер – вот это честно.
Но мешают привычки, мешает страх.
Содрогаются от приговора грязи
Перепонки, легкие, позвонки.
Остальное – ложь, отговорки, связи,
Ожидания в пробках, звонки, звонки

* * *

Трудно согреться под северным ветром,
Снегом укрыться – легко,
Друзья за тысячи километров,
А зима не так далеко.
А зима близко – она кусает,
Опрометчивых – бьёт в висок.
Всё ничего – по весне оттают
Возле чьих-нибудь ног.
Я всё гадаю – стоит ли, надо ли
Прятаться этой зимой.
Снежинки на камни без крика падают –
Им не впервой

Не спится

давай поспорим: не стану старше –
разрушу желтеющий потолок.
я буду любить тебя больно даже –
так, как никто до меня не мог.
давай – отстукивай в темпе вальса,
в ритме сердца – гони тишину.
на стёртых кнопках танцуют сальсу
тонкие пальчики поутру.
я буду к тебе приходиться ночами,
прогнав усталость, разрушив сон,
буду цеплять тебя мелочами,
гнать в аэропорт или на перрон.
я стану оброненной в спешке фразой
и то, что дальше... и раз за разом
я буду обычным набором слов,
ещё кого-то лишать снов.

* * *

Давай поиграем в прятки –
я ночью сорвусь с карниза,
А может быть, выйду замуж,
но ты продолжай искать.
Имя мое – рефреном, слезы мои – репризой
Отстукивай от изголовья,
укладываясь в кровать.

А надо бы быть спокойней,
а надо бы не кривляться –
Мужчины таких не любят,
мужчины таких боятся.
Мужчины цветов не носят
на всякий удобный случай.
И жаль, что цветов не носят
на всякий случай мужчины!
Давай, начинай, я знаю –
сейчас неудачное время,
И люди – такое племя
И прочее бух-бабах...
Но ты продолжай,
я помню слёзы в твоих глазах.

* * *

Я знаю, какими должны быть стихи,
чтобы они нравились маме:
такие не стыдно слушать,
но очень стыдно читать.
Я знаю, какими должны быть стихи,
чтобы они нравились моим друзьям:
их нужно кричать, наливаясь желчью.
Я знаю, какими должны быть стихи,
чтобы иметь девочек-фанаток:
такие нужно публиковать в тоненьких
книжках
или попросту писать на листочках.
Я знаю, какими должны быть стихи,
чтобы заслужить твою похвалу –
я пишу такие стихи.
Я знаю, какими ДОЛЖНЫ быть мои стихи,
но я не смогу их написать.

* * *

Мне теперь тоже знакомо
Жгучее чувство,
Когда не хватает рифм.
Что, опять о тяжелой доле,
Опять о женской судьбе?
Нет, давай лучше про птиц!
Вот так полюбишь птицу,
Но вопреки всем сказкам, и басням,
И даже молитвам
Не взлетишь.
А она, обвиняя тебя во всех
Законах природы, сама
Соберет себе стаю.
Не улетит, нет -
Возвратится
К практике перелетов.
И тебя будет грызть
То, что ей от тебя
И за пять километров, и за пятьсот
Одинаково хорошо.

* * *

доченька не отходи возьми за ручку
я боюсь тебя потерять
не върываешься не убегай
посмотри в глаза
ну же покажи маме глазки
вот так спасибо
доченька возьми маму за ручку
я без тебя всегда теряюсь
боюсь

Евгения Скаредова

Все, что за кадром

Голос у него был великолепный. Завораживающий. Проникновенный.

Когда он звонил, у Анны замирало сердце. Услышав первое «алло, привет», сердце с разбегу ударилось о ребра, и начиналась бешеная скачка. Суций ад для маленького комочка пульсирующей плоти. Суций ад для нее самой, ведь это был ее Принц. Материальный, взаправдашний, осязаемый, долгожданный и недосягаемый. Он часто спрашивал, слышит ли она его. Она, еле сдерживая всхлип восхищения, тихо и невнятно что-то отвечала. Так шли их разговоры.

Анна влюбилась. Пожалуй, первый раз за неполные тридцать. Ей было так хорошо, что остальное навсегда осталось за кадром — родные, друзья, работа, «культурные» тусовки. Она не могла ни с кем разговаривать по телефону. Ей казалось, что все голоса, которые она вынуждена была выслушивать через динамик сенсорного аппарата, были безликими, неполноценными, кастрированными. Она не могла ничего с собой поделать. Просто молчала либо пыталась свести любой разговор на «нет», ссылаясь на недоумение, сорванный голос или просто отсутствие времени.

Время шло. Оно ее завораживало. Каждый день был битвой. Битвой за возможность прикоснуться к вселенской гармонии. Из-за этого блекли даже самые гениальные музыкальные произведения из коллекции мировых шедевров, а музыка утрачивала для Анны первоначальный смысл. Музыка просто переставала существовать. За ненадобностью. Слух Анны мог удовлетворить только голос ее прекрасного Принца. Она была ненасытна. Ей хотелось слушать его бесконечно. Это был мужчина ее мечты, который наверняка должен был знать, как сделать ее счастливой. С обладателем такого голоса не могло быть иначе.

Он цитировал ей Шекспира, Бодлера, Омара Хайяма, не гнушаясь Высоцким и Егором Летовым. Он был порывист и непредсказуем. Он мог придумать ей прекрасную сказку на ночь, а утром будил воспоминаниями молодого Индианы Джонса. Днем он цитировал ей себя. Поэзия и проза лились с другого края света. И Анна начала его ревновать. Она ревновала его к вышкам, передающим невидимый сигнал, к операторам, которые могли их подслушать, к тем, кто был рядом...

Да, это была мука. Он был так далеко от нее. Он жил совсем в другом городе и никак не мог вырваться из липкой рутины — работа, работа... Работа встала между ними. Он не мог ее бросить. Не мог... А Анна страдала. Она страдала по-настоящему, не виртуально, взаправду, томительно и обреченно. Почему он не желает поговорить с ней по скайпу, почему не использует видеозвонки ватсапа? К чему эта мука? Она мечтала его увидеть. Анна стала одержима своей идеей.

Обида длилась ровно до следующего сеанса связи. А потом звучала мелодия звонка. Ее подбрасывало как от удара током. Она просто выключалась из реального мира, превращаясь в слух. Уходила в Матрицу. Ненадолго, но как будто навсегда. Она готова была просто втянуться в трубку телефона, в его динамик, превратившись в горстку электронов, бегущих по синапсам, спайкам платы, чтобы переродиться в высокочастотный сигнал, устремившийся туда, к нему. Лишь бы звучал голос...

Голос... Низкий, глубокий, чуть с хрипотцой. Он играл на ее нервах, от чего нервы начинали играть сами, в такт гармоничным вибрациям. Вздох. Даже динамик не мог исказить звук его вздоха. Покашливание. Он даже покашливал массажем для женских ушей. Что уж тут говорить о влюбленном мозге. Мозг просто млеет под звуки голоса ее Принца.

Однажды он спел. Это была незатейливая мелодия какой-то махровой попсы беззвучных 1990-х. Лучше бы он этого не делал. Анна тут же нашла ее в Сети и поставила в качестве рингтона. А еще она купила наушники. Хорошие, дорогие наушники, способные передать тончайшие вибрации самого сложного музыкального инструмента — горла и связок ее возлюбленного.

Анна уже и не скрывала своих чувств. Он тоже. Их взаимности могли бы позавидовать отпрыски Монтекки и Капулетти. Но и они не обладали такой невероятной гаммой тонких чувств, способных в ключья разорвать сознание людей, ждущих, жаждущих друг друга на невыносимо большом расстоянии. Сжигая друг друга пламенными речами, они не могли наговориться. Он не обещал, он поклялся приехать в скором времени. А Анна не могла поверить своему счастью. Но испугалась. Она смертельно боялась, что будет просто недостойна его.

Недостойна. Как с этим жить? Спросить его? Спрашивала. Он лишь рассмеялся. Рассмеялся своим выразительным, глубоким и сдержанным смехом. Ее воображение просто перегорело после того, как она его первый раз рассмешила. Самые смелые фантазии просто меркли, а со стен исчезли posters знаменитостей. Свет померк.

Свет померк в тот момент, когда он назвал дату и время своего приезда. Это был конец. У Януша Вишневого завершение виртуальной любви героев романа переросло в интригующее продолжение, а у нее... Что ждет ее? Он ее отвергнет? И что тогда? Даже в таком состоянии она понимала, что смерть — это всегда безобразно. Обычно это остается за кадром. Люди всегда любили излишне приукрасить смерть. Сейчас не об этом...

Анна понимала, что это, пожалуй, ее последний шанс. Его нельзя упустить. И... Будь что будет! Проблемы надо решать по мере их поступления. А сейчас нужно выбрать образ. Красивый образ, в котором ей будет комфортно. Она будет довольна собой, а Он ею. Вот и все. Все у них будет хорошо, как в лучших мыльных операх. Поэтому — синее платье. Туфли на высоком, но удобном каблучке. Не лабутены, конечно, но сойдет. А еще макияж. Побольше натуральных тонов, никаких ярких вызывающих пятен. И парфюм. Нежный, летящий аромат самой невинности, пожалуй, будет как нельзя кстати. Прическа — аккуратно уложенные локоны, чтобы лицо утонуло в их ореоле. Вот так. И пусть будет, что будет.

...Катастрофа! Все произошло с неумолимостью пришедшего поезда. Он ей написал, что купил билет в девятый вагон. Когда со ступенек этого вагона спустился последний пассажир, Анна получила первый укол острого беспокойства. Не приехал? Обманул? С ним что-то случилось? Но тут зазвонил телефон. Он...

Анна по привычке отвернулась от окружающих, чтобы они ее не отвлекали. В трубке прозвучал родной глубокий баритон. Он недоумевал, где она. Ведь он стоит прямо на перроне. «Ах да, кажется, я тебя вижу» — говорит ее Принц, она оборачивается и...

...Нос к носу сталкивается с невысоким коренастым мужчиной, глубоко за сорок, который бархатным голосом произносит заветное: «Здравствуй, любимая!» — и замирает. Его толстые губы, залысины, изношенные штаны, растянутая кофта и большие руки с коричневыми ногтями вернули ее в реальность одной звонкой ментальной пощечиной. Вот он, когнитивный диссонанс в чистом виде. Термин, который она с университетской скамьи не до конца понимала, на сей раз был понят ею четко и навсегда. Это был провал. Провал глубину в женское разочарование. Вся гамма чувств тут

же отразилась на натурально накрашенном личике. На его некрасивом, сероватом лице отразилась вся тяжесть понимания. И они разошлись...

Они молча разошлись в разные стороны. Каждый должен был пережить случившееся. На его беду остатки пассажиров, ждущих на перроне своих родственников, тоже все поняли. Их сочувствие резало страшнее катаны Молчаливого мастера. Оно резало неумолимо и смертельно. До дома сотни километров. До гостиницы несколько сот метров. Их нужно еще умудриться пройти.

Что я сделал не так? Что? Мы познакомились на сайте знакомств. На страничке были выложены наши фотографии. Я никогда ничего от нее не скрывал. Просто мне не повезло. Дорога оказалась тяжелой — меня обокрали, забрали все вещи. Все. Сердобольные жены попутчиков выбрали самое ненужное тряпье мужей. Но ведь это все поправимо. Деньги есть. Их не украли.

Хотя... не в этом дело... Весь этот год я работал как проклятый, чтобы устроить наше совместное счастье — бесконечные вахты, ночные смены без обеда и выходных. Я, конечно, немного сдал, но... Что теперь?

Что теперь?! — рыдала Анна на плече у подруги. К черту все! Нужно забыть! Звонит! Пусть звонит! Хотя нет, дай напишу, чтобы оставил меня в покое. Я не какая-то периферийная дурнушка, чтобы встретиться с таким! Он вообще себя в зеркало видел, урод?!

Урод... Подружка случайно задела кнопку вызова. Он все услышал. Урод... Периферийная дурнушка... Красавица и чудовище, банальнее не придумаешь...

У Анны не было ни капли жалости. Спустя месяц она встретила своего Принца. Голос у него был вполне обычный, да и стихов он не писал, а чужих не знал, но был ей невероятно мил. Козел, конечно, как потом выяснилось, но хотя бы месяц Анна была счастлива в моральном и вполне себе физическом плане. Она больше не зависит на злополучном сайте знакомств, а голоса воспринимает адекватно. Ей хорошо. Жизнь удалась. Остальное приложится.

Что осталось за кадром?..

Он вообще двое суток прожил в стыде и вдруг понял свою оплеванную наготу. Он не смог с этим справиться.

Его глаза были открыты. В них отражался потолок. А лицо, расправленное рукой смерти, ничего не выражало. Его тело было нелепо, но еще нелепее была его смерть...

О которой Анна никогда не узнает, ведь она не смотрит новостей. Они вредят позитивному мышлению...

Я ехал в пустынном вагоне...

Этюд о поэте

Александр Зуев

Он был немножко (или множко?) не от мира сего. Но где проходила граница между мирами? «Если мир даст трещину, она пройдет через сердце поэта» (Генрих Гейне). «Трещина» в данном случае — разлад между тем, что «внутри», и тем, что «снаружи». Между младенческим ладом души и грубой, «локтевой» материей мира, неблагозвучием...

«Где цветы, где подсолнухи, богородская травка... Есть шалаш из заброшенных тополиных ветвей. Там живет моя старая слепая утрата... В окруженьи подсолнухов, щенков и детей...» (Б. Капустин). Это город Ростов, где он родился. Послевоенное детство Бориса. Такая даль во времени, но светит! И душа-проньра греется у памятных костров...

Деревянное (давно сгоревшее) здание редакции старой «Молодежки». Очередное заседание литературного объединения. Читаем по кругу стихи, как всегда. (Под «Портвейн розовый» воспринимается острее!) Что-то рассказывает заезжий пародист из Ленинграда со сдвоенной фамилией Матюшкин-Герке. Под занавес прорезается изрядно порозовевший Капустин. Больше всего западает в душу то, что читает он.

Под светлым впечатлением сбегает по деревянной лестнице, переговариваемся, расстаемся... А голос со строчками стихов еще вибрирует в тебе, дразнит, завораживая... Вот она, поэзия!

Нам с Ирой Кириловой (тоже безвременно ушедшей в мир иной!) ровно по пятнадцать лет. Капустин — из старших. Разница в семь лет, в те годы — дистанция огромного размера. На дворе — шестидесятые. Мы вместе бегаем на литобъединение, прислу-

шиваемся к мудрому слову, приглядываемся к «маститым» стихотворцам с публикациями — Стасу Яненко, Борису Капустину, Николаю Байбузе...

Благодатное прорывное время для поэзии! Но где? Откуда? Почему так знакомо?

Где-то я уже слышал голос этот. И глаза эти цвета отстоянной голубизны... Всплывает двадцать седьмая школа. Родные пенаты. Тихие осенние вечера. То концерт классической музыки, то поэтическая композиция, а то и спектакль, устроенный старшеклассниками...

Осталось от тех времен — Капустин читает Вознесенского со школьной сцены: «Конечно, вы свежесбривлены, и вкус вам не изменял, но были ли вы убиты за Родину наповал?!».

Промелькнувший кадр киноленты... Коридоры. Классы. Библиотека. Где еще могли бы мы столкнуться — чуть ли не лбами? На широкой школьной лестнице или на окультуренном плодовыми деревьями дворе? Да где угодно...

Через годы — уже другие — в другом круговороте, перебивая взхлеб друг друга, мы вспомним о ней, о двадцать седьмой... В тот неожиданно светлый и солнечный майский вечер с теплым вечерним дождем...

...Мокли у куста сирени. И эти острые запахи весны, и вспомнятая школа, и хороший портвейн того вечера... Это уже конец семидесятых...

Но школу еще не снесли. Еще ни одной книжки Бориса Капустина не издано. Стихи бродят на воле. Полеживают, отпечатанные на чистовик, в старых канцелярских папках. Но их уже цитируют на память прислушанные ценители поэзии, да и стихотворцы.

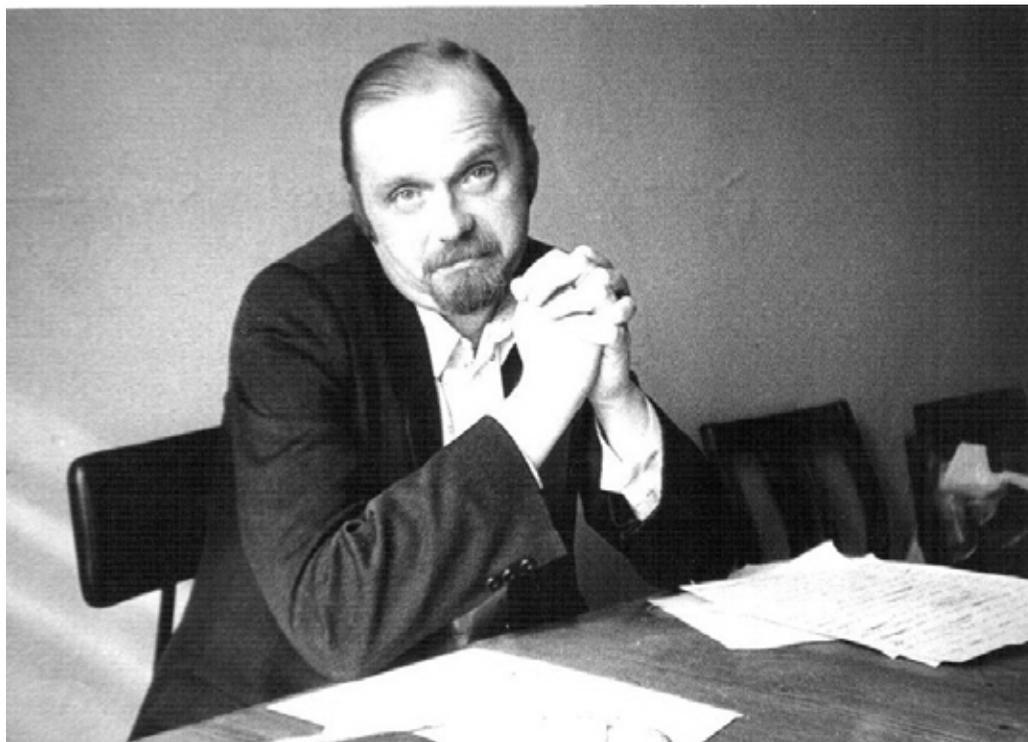

Фото из архива автора. Борис Капустин (1948—1996).

Все годы, от конца семидесятых и до окончания восьмидесятых, нас связывает неизбывное — слово и музыка. Сколько стихов и песен отзвучало в стенах капустинской комнаты на 80-й Гвардейской! Сколько раздарено по пути близлежащей округе — «переулкам Полярным — самым непопулярным» (Б. Капустин). В трех его небольших сборниках (как занырнешь) оживает промелькнувшее, бормочет на все голоса...

Вижу, как безмятежно и легко выкатывается он из подъезда на 80-й Гвардейской. В своей неизменной болоньевой куртке, с сигаретой. Пухлая книжка (период светлый, книгочийный) зажата под мышкой (за ночь проглотил). Утро гулкое, сентябрьское. Золотые шары полыхают в палисадниках. Копотим переулками, переговариваемся, не строя никаких планов (подобный строй бытия ныне трудно представить!), перебираемся свежеспеченными строчками... Колобродим.

Уходит в грузчики, в народ... «Записывай каждый день...» — наставлял Б.В. Не записывал. На реке само выпевалось. После вахты — в каюту. Чай. Тетрадь. Разговоры с отдыхающими мотористами. Перед провалом в сон слышно, как бьют по трубе, переговариваясь, камешки со дна реки... Под эту музыку засыпал и просыпался в рань речного утра. Из трюма — на чистую палубу, в крики чаек над водой...

«Пойдешь в плавание... Буду тебе письма писать...» — как всегда выдавал мечтаемое за действительное Б.В. «Представляешь, ты там далеко, а я здесь...». Я вообще не помню, чтоб он кому-либо что-либо писал, а потом

заклеивал в конверт. Он и стихи-то крайне редко записывал «на людях». Все таинство оставалось за кадром...

Начало восьмидесятых... Мы еще созваниваемся. Вырываемся на хорошие фильмы. Так, в июльскую жару мы попали на «Сталкера» в густо набитый зал «России»...

После напряженного трехчасового просмотра — считывания (глазами и душой) — замедленного, волшебного кинодействия, как после концерта классической музыки, — шок, перегрузка и одновременно очищение. И все же молчим. Не тревожим душный июльский воздух словесами. В молчании едем на Булыгино, на Барнаулку — к песочку, к тишине...

Ходим по мокрому песку босыми ногами. Успокаиваемся. Плакучая ива разбросила ветки. Подобралась к воде. Меж ив густых пьем дешевенький, охлажденный в Барнаулке сухой молдавский «Жок»...

«Утром на небо смотри. Вечером — на воду», — говорили древние китайцы. Посмотрели, побродили у намоленных мест и ушли...

Барнаулка. Детство. Булыгино. Перешедший в мир иной друг. «Сталкер». Двадцать седьмая. Стас Яненко, годок и друг Борьки Капустина, живет неподалеку — за Барнаулкой, на Загородной. Теперь они вместе там, «на Черницком, как дома» (Б.К.)... Царствие им небесное! Высокие струнные тополя на месте старого ипподрома светят листвою... «Я пешеход, но я люблю коней» (С. Яненко).

...К деревянному дому на Загородной в те

годы тропа народная не зарастала. И когда, недопив и недопев, летели мы с Б.В. через полынные запахи окраин до Стаса — разжиться десяткой, не всегда промахивались.

Иной раз, не застав, просто проветривались — долгим пешим ходом, разговорам. Эти бродяжки поиски были роскошью. («Роскошный» — один из любимых эпитетов Капустина.)

...А еще — на Советской, 6, где бывшая коммуналка и комната «чулком», мы слушаем четвертую симфонию Брамса. Пластинка еще не заиграет. Солнечное преддверье — за распахнутым окном. На дворе — лето. Благодать. Не стучат соседи за тонкой стенкой. Вообще никого нет в «миру». Только эти звуки, откуда-то возникающие, слетающие ли на распах души. Покровский собор. Май. Вечерня. Мы с Капустиным по дороге на Загородную завернули в храм. Думали, ненадолго... Всю службу простояли, как истинно верующие.

Благостное сошло на душу. Мы вышли другие к другой весне, к другому солнцу... Остро пахли окологерманские сирени. Легко ступали мы по родным пескам — после дождичка... Окошки, умытые майским дождем, глядели весело, сверкая геранями на подоконниках. Зеленая слепила. Чисто вымытый Божий мир радовал глаз, бередил забытыми запахами весны...

До чего был выдумщик «этот Капустин»! Так называла его в минуты праведного гнева родная тетка — Ольга Францевна. (Царствие ей небесное!) «Вот... этот... Капу-

стин!» — это у нее приговорка была такая (все для нее были «эти»).

Порой трудно было отличить — где выдумка, где ложь. Все шло у него в едином неразрывном потоке, как у Пруста, — накатом. Вчера прочитанная книга, давний какой-нибудь разговор, зацепившаяся за память встреча... Все волшебным выплескивалось в расцветающее весеннее (мне сейчас почему-то мерещится апрельское) утро предстоящего дня...

Удивительная способность переживания за чужое, но уже ставшее твоим, — со-переживание. Со-творчество. А дальше (по Пастернаку) идет чудотворство — отчет и выкрик души за содеянное. И нет никаких судей! А только судьба (суть — Бах!) Токката и fuga ре-минор. (Сашка, почему у тебя нет «Грегорианских месс»? «Пассакалья...» — как звучит-то на русском!.. Сань, достань «Страсти по Матфею!».)

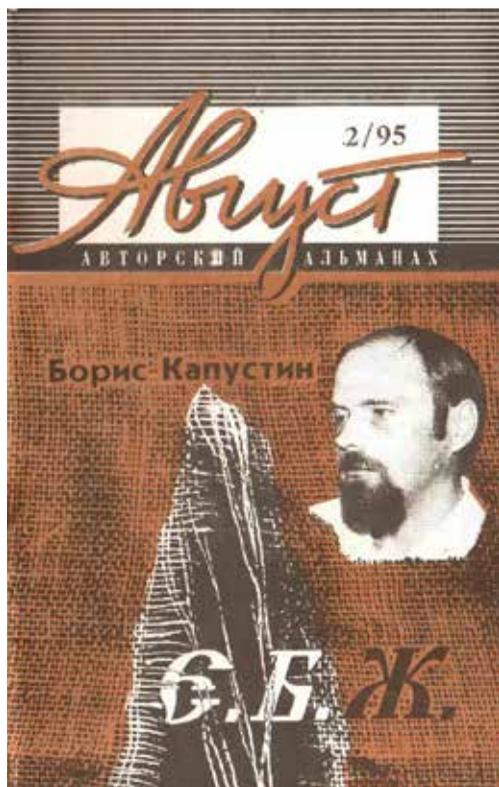
Хороши были его подсказки-припевки! Он музыкально растягивал фразу (в душе-то оно пело и выпевалось!) по-своему как-то, на петербургский манер, что ли... Я бы это озвучивание назвал «музословотерапией». Каждую жизненную реальность, всякую вроде бы мелочь он дивно преобразовывал в крупички поэзии... К примеру, как жарить шампиньоны по графу Игнатьеву (мемуары «Пятьдесят лет в строю»). В шестидесятые годы мы, школьники, собирали и жарили их куда с добром! Бензиновых выхлопов и прочего не боялись. Ибо машины в наших кварталах тогда — такая редкость. Разве что старьевщик на лошадке протряхает — со свистульками и разноцветными надувными шарами.

Легко бежалось ему по Певческому мостику там, в юности, в музее под открытым небом — в Северной столице. В «шинельке», «удрав в самоволку опять», летел он через снегопад «на Волково кладбище, к Блоку...».

*Я ехал в пустынном вагоне,
Повязанный близкой «губой»,
и как он меня проворонил —
патрульный наряд ретивой!*

Строфа из стихотворения «Февраль — март». Я его запомнил легко — с листа, на одном дыхании, как будто сам написал. Читал наизусть по просьбе автора друзьям, знакомым и всем пришлым в капустинскую странноприимную «келью» на 80-й Гвардейской. И кого туда только не заносило «на ветерке хмельном и встречном» (авторцитата), какие разговоры затевались! Сие повторить невозможно. Ибо «иных уж нет, а те далече». И поэт, уходя из земного бытия на ветер вечности, уносит главную тайну с собой — в надмирный свет...

Недолгое пребывание его на земле, на страже пленительного Слова (караул устал!) — не есть ли путешествие «в пустынном вагоне»?!

Сиял огонь. И нет огня...

***

Стендаль в Чивитавеккиа страдал,
и, консульство забросив, мчался в Рим,
чтоб навестить любезных сердцу дам,
чтоб улажить их гением своим.

Он знал, страстей сердечных Меттерних,
что не предмет для их любовных битв,
но ветреных приятельниц своих
не уставал трагически любить.

Так я, пока живем и говорим,
бросая всё, что можно бросить здесь,
живу единым именем твоим,
навеки прокляв молодость и спесь.

***

...Помнишь пылкие признания
в дебрях вербы и ольхи?
Вот оно, твое послацье –
чьи-то странные стихи:

«Любовь – амор по-латыни,
от любви бывает мор,
море слез, тоски пустыня,
мрак, морока и позор».

В эту заумь я не верил.
Жизнь распахивала дверь.
Золотые птицы пели.
Кружат вороны теперь.

Как случилось, как совпала
та записочка с судьбой,
как же ты предугадала
несуразный жребий мой?

Было всё. Всего хватало.
Счастья, горечи, вранья.
Что ж, почти что правдой стала
та записочка твоя.

Класс. Урок. Биология.
Милый профиль. Светлый вздор.
...«Море слез. Тоски пустыня.
Мрак. Морока и позор».

***

Вылез вьюнок из расщелины,
вырос вьюнок да не вывился.
Стал своей маме покойником,
стал своим братьям нахлебником.

Рос он и рос потихонечку.
Что ему выдумать, глупому?
Мама сказала: «Устала я...»
Братья сказали: «Проваливай...»

Липа моя вековечная,
хоть бы листочек оставила.
Но далеко ваши гордости.
Но высоко ваши зависти.

Мимо меня

Мимо меня гудят деревья.
Мимо меня течет река.
Мимо меня прошла царевна.
А царь валяет дурака.

Жизнь пронеслась на легких крыльях.
Сиял огонь. И нет огня.
Мать навсегда глаза закрыла.
Мимо меня. Мимо меня.

И если есть шальное счастье
другого, нового огня,
то суждено ему промчатся
мимо меня.
Мимо меня.

***

Ни Бог не спасет, ни рябина.
Любовь и стихи не спасут.
Теперь мне понятен, Марина,
стремительный Ваш самосуд.

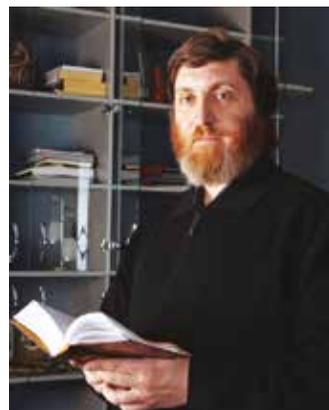
Я жизни купить не сумею
ценою похмельной строки.
Дыханье мешало Сергею
расхожей брехне вопреки.

Иные остались живыми,
глухую молвой клеймены,
быть может, затем, что Владимир
взял общию тяжесть вины.

Я выхода в спорах не вижу,
в признаньях, в писанье стихов.
Мне хочется осенью выжить,
а также - во веки веков.

И думать о том, что сегодня
уже не апрель, но февраль,
в потрепанной глядя, в походный,
в неласковый мой календарь.

Протоиерей Георгий Крейдун составил своеобразный путеводитель по православным храмам Барнаула. Своеобразие его объясняется фигурой автора: с одной стороны, Георгий Крейдун – православный священник, настоятель Иоанно-Богословского храма, с 2003 г. по настоящее время является проректором по учебной части Барнаульской духовной семинарии. С другой стороны, он – ученый, в 2012 г. защитил диссертацию доктора искусствоведения, а сегодня является профессором кафедры истории искусства и культурологии Алтайского госуниверситета. На самом деле никаких «сторон» нет, есть универсальность и незаурядность автора, хорошо видная и в тексте обзора барнаульских храмов.

Десять храмов Барнаула

Георгий Крейдун

Образ православного храма в душах большинства здравомыслящих людей вызывает глубокие чувства благоговения и восхищения. Сегодня время исторического возрождения духовной культуры России. Воссоздаются поврежденные и утраченные памятники истории и архитектуры. После нескольких десятилетий утрат не все удастся возродить. Но есть возможность создавать новые архитектурные образы православных храмов. За последние годы обновили свой лик пять храмов Барнаула: Покровский, Никольский, Димитриевский, Знаменский и Казанский храм в пос. Власиха. Построены или находятся в стадии строительства Иоанно-Богословский, Александро-Невский, Андреевский и Петро-Павловский приходские храмы.

Каждый храм – это воплощение духовного творчества и одновременно реализация лучших эстетических форм христианского искусства. Помимо уникальных архитектурных черт, в храме люди слышат стройное пение молитв, видят образцы церковной живописи (монументальная роспись стен, иконопись, мозаики) и других видов искусства. Но самое главное – только в храме человек может достичь умиротворения в любых житейских переживаниях, ощутить благодатную тишину и спокойствие. Православный храм – это хранитель и продолжатель лучших духовных и эстетических традиций многих поколений.

Данный материал знакомит читателя с действующими православными храмами Барнаула, историей создания, чтимыми святынями, приходской деятельностью.

Для удобства паломников и туристов указаны адреса и телефоны храмов, а также описание богослужений.

Покровский кафедральный собор

Адрес: г. Барнаул, ул. Никитина, 137. Тел. (3852) 63-62-16.

Храм расположен в частной жилой застройке. История собора берет свое начало в середине XIX в. В те годы территория за Конюшенным переулком (сегодня - Красноармейский проспект), на западной окраине города, называлась Заячьей слободой. Население города быстро увеличивалось, слобода росла в сторону р. Пивоварки, а ближайший храм – свт. Димитрия Ростовского - находился в центре города, на Демидовской площади, появилась насущная потребность в строительстве нового храма. Сначала в 1859 г. сюда было перенесено старое деревянное здание церкви свв. Захария и Елисаветы, а в 1860 г. была заложена новая церковь - Покрова Пресвятой Богородицы с приделом святого благоверного князя Александра Невского. Несмотря на скудное финансирование, новая церковь была построена быстро, и 4 августа 1863 г. состоялось освящение храма.

Территория Заячьей слободы продолжала стремительно увеличиваться, и уже к началу восьмидесятых годов XIX в. Покровская церковь не могла вмещать всех верующих. Первый камень нового храма был заложен рядом 9 августа 1898 г. Через пять лет строительство было завершено, и 29 сентября 1904 г. был освящен главный престол храма.

Обширный храм построен в псевдорусском стиле из красного нештукатуренного кирпича, с трехъярусной колокольней. Стоящий на удачно выбранном пригорке, он возвышался над домами частной застройки и невольно притягивал взоры горожан. Подобные храмы были построены во многих регионах России, поскольку проект был взят из Альбома образцовых проектов К. Тона. Собственно, набор проектов К. Тона лег в основу сотен, если не тысяч храмов, построенных в конце XIX – начале XX в. Это было явление в русской архитектуре, которое, впрочем, неоднозначно воспринималась в архитектурном сообществе.

Изначально храм был трехпрестольным – престол во имя Покрова Пресвятой Богородицы и приделы: по правую сторону – во имя Святого Благоверного князя Александра Невского, а по левую – во имя Святого Великомученика Пантелеимона.

Интерьер храма расписан масляными красками по сухой штукатурке в 1918-1928 гг. при участии художника Н.В. Шварева. Религиозные сюжеты росписей выполнены в духе мастеров русской академической живописи М.В. Нестерова, В.М. Васнецова, И.Н. Крамского. В 1970-е, а также в начале 2000-х гг. росписи подновлялись.

В годы революционного безвременья и богоборчества храм значительно пострадал. В дни страстной седмицы 1918 г. во время богослужения храм был обстрелян. На духовенство храма начались гонения. В 1922 г. из храма были изъяты практически все церковные предметы церковного искусства, а 10 апреля 1939 г. храм закрыли. Тогда же были арестованы священнослужители и наиболее активные прихожане. Храм не был полностью разрушен, по примеру многих других храмов города были снесены колокольня и крест на куполе. Само здание использовали как склад.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны по настоянию верующих и в связи с некоторым ослаблением антирелигиозной политики в январе 1944 г. храм был вновь открыт. В 1960-1970-е гг. в Алтайском крае действовало всего три православных церкви; духовенству Собора приходилось окормлять верующих не только Барнаула, но и окружающих сел.

Храм реставрировался, увеличивалось количество приделов. В 1958 г. ему грозило новое закрытие в связи с тем, что деревянные перекрытия над цокольным этажом прогнили. Они были заменены на железобетонные, а в цокольном этаже усердием протоиерея Владимира Голосова был устроен еще один придел - во имя прп. Серафима Саровского чудотворца. В 1971 г. на территории Собора протоиереем Николаем Войтовичем был построен крестильный храм во имя равноапостольных Константина и Елены. Отец Николай в юные годы стал дьяконом, потом священников, пятьдесят

лет прослужил у престола Божьего, и все эти годы он отдал Покровскому собору. Когда появилась возможность, активно участвовал в возрождении других храмов Барнаула.

В начале 1990-х гг. началось повсеместное возрождение старых и строительство новых храмов. Из вновь открытой воскресной школы при соборе вышли многие молодые священники нового времени. Изменился и облик Покровского собора. В 1991-1993 гг. была восстановлена колокольня, и вновь над Барнаулом зазвонили колокола. В 1994 г., в связи с образованием Барнаульской епархии, Покровский собор как старейший действующий храм стал кафедральным. В 2010 г. началась реставрация настенных росписей, которая продолжается и по сей день.

22 февраля 2015 г. епископ Барнаульский и Алтайский Сергей (Иванников) – ныне митрополит - совершил чин освящения нижнего придела храма во имя преподобного Серафима Саровского (в 1958 г. был освящен малым чином). Установлен уникальный фаянсовый иконостас работы уральских мастеров. Здесь проводятся панихиды и отпевания.

При соборе работает воскресная школа для детей и взрослых. Имеется социальный центр для помощи нуждающимся и клуб анонимных алкоголиков.

Святые: иконы с частицами мощей великомученика Пантелеимона Афонского письма, благоверного князя Александра Невского, святителя Макария Алтайского священноисповедника Николая Казахстанского, блаженной Матроны Московской, чтимые иконы Божией Матери и Марии Магдалины, писанные в Иерусалиме.

Богослужение совершается ежедневно. Собор открыт с 8.00 до 19.00.

Никольский храм

Адрес: г. Барнаул, пр. Ленина, 36.

Тел. 8 (3852) 35-49-75.

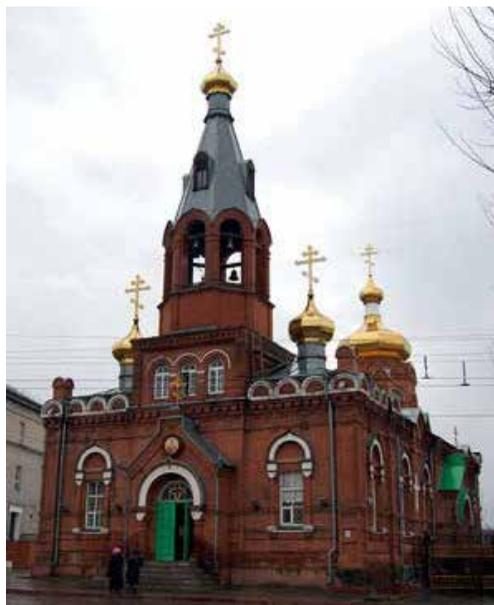
В начале XX в. на центральной улице Барнаула – Московском проспекте (ныне – Ленинский) – появилась уникальная в своем роде для нашего города – полковая церковь. Она должна была духовно окормлять находящиеся в городе части Сибирского резервного горного артиллерийского дивизиона. Военное ведомство выделило на строительство храма 36 тысяч рублей. Управление Барнаульского уездного воинского начальника предложило типовой для военных церквей проект (архитектор – Фёдор Михайлович Вержбицкий) кирпичной церкви, вмещающей 630 человек. Всего к 1917 г. в Российской империи по этому проекту было выстроено не менее 60 таких церквей.

Под строительство полкового храма Барнаульская городская Дума отвела 290 квадратных сажен земли (недалеко от полковых казарм). 17 апреля 1904 г. войска Барнаульского гарнизона при широком стечении публики участвовали в торжественном освящении места и закладке первого камня Никольской церкви. Строительство под руководством барнаульского архитектора И.Ф. Носовича шло очень быстро: уже в конце декабря того же года благочинный протоиерей Анемподист Завадовский сообщил в Томскую духовную консисторию, что стены и крыша храма завершены, однако внутренние отделочные работы еще не начинались.

Освящение церкви состоялось 9 февраля 1906 г., то есть на строительство ее ушло менее двух лет. С того времени все призванные на воинскую службу из Барнаула принимали здесь присягу.

К Никольской церкви примыкала значительная территория, свободная от каких-либо строений. Монументальное здание из красного кирпича с трехъярусной колокольней и торжественным порталом на западном фасаде органично смотрелось на фоне окружающей ее живописной площади. Церковь прекрасно была видна со всех сторон. Здесь неоднократно проводились народно-патриотические празднования. В частности, в 1912 г. проходили торжества по случаю победы России в Отечественной войне 1812 г., а спустя год – 300-летия Дома Романовых.

В советские годы Никольская церковь разделила участь других храмов города. В начале 1918 г. размещавшийся в казармах Сибирский резервный стрелковый полк был расформирован, и церковь стала приходской. В 1924 г. по ходатайству размещенного в казармах 63-го Шуйского стрелкового полка Свято-Никольская церковь была передана под красноармейский клуб. С нее сняли купол, разрушили колокольню,

разбили колокола и уничтожили внутренние настенные росписи, чтобы ничто не напоминало о том, что когда-то здесь был православный храм. Были замаскированы даже рельефы на фигурной кладке фасадов. Позднее здесь расположился клуб Барнаульского высшего военного училища летчиков. После 1988 г. общественность подняла вопрос о возрождении храма. В мае 1991 г. во время визита на Алтай Святейшему Патриарху Алексию II был вручен символический ключ от храма, что означало окончательное решение властей о возвращении храма Русской православной церкви.

Под руководством тогда благочинного Алтайских храмов протоиерея Николая Войтовича в храме в короткие сроки были проведены ремонтно-восстановительные работы: сделали гранитный пол и мраморные панели, в полу были проложены трубы отопления, вновь оштукатурены стены, произведена побелка и покраска, установлен скромный иконостас. Уже в мае 1993 г. храм был освящен Преосвященным Тихоном, Епископом Новосибирским и Барнаульским, и начались богослужения.

Со времени возрождения в храме находится старинная почитаемая на Алтае икона Пресвятой Богородицы. Написанная в конце XIX в., она находилась когда-то в одном из сел Тогульского района Алтая и чудом была спасена от уничтожения в годы советской власти. В течение полувека ее благоговейно хранили и передавали из рук в руки местные жители, пока в начале 1980-х годов она не попала к сотрудникам Алтайского краеведческого музея. Во время открытия Никольской церкви эта святыня была передана ему в дар. Еще один дар, полученный тогда же, – великолепный благозвучный колокол, изготовленный в 1903 г.

При настоятеле протоиерее Михаиле

Капранове (+2007) были восстановлены колокольня (1998) и световой барабан, а также установлен новый иконостас работы шуйских мастеров (2002). В 2001 г. московским предпринимателем, бывшим барнаульцем П. Черепановым храму был пожертвован отлитый в Воронеже великолепный набор колоколов. 28 января 2004 г. был освящен новопостроенный крестильный храм во имя пророка и Предтечи Господня Иоанна. 4 июня 2006 г. Никольский храм встретил свой вековой юбилей. Накануне празднования юбилея, 3 июня, была закончена реконструкция большого купола, значительно преобразившего внешний вид храма. 21 мая 2007 г. на куполах храма были установлены пять золоченных крестов: один из которых расположен в центре над входом, и по два – с каждой из его сторон.

13 октября 2013 г. после обновления и реставрации алтаря и амвона, которые были осуществлены усердием благочинного иерея Олега Голубицкого, состоялось новое освящение престола. Чин освящения совершил епископ Барнаульский и Алтайский Сергей (ныне митрополит) в сослужении епископа Рубцовского Романа (Корнева) и клириков Барнаульской епархии. В 2014 г. построено и освящено двухэтажное здание воскресной школы, продолжается благоустройство и благоуукрашение прихрамовой территории.

При храме работает воскресная школа для детей и взрослых, проводятся занятия молодежного клуба «Спасательный круг», действует ансамбль казачьей песни.

Святые: мозаичная заалтарная икона и чтимая икона сибирского письма святителя Николая Чудотворца, ковчег с частицей мощей свт. Луки Крымского, икона бла-

женной Матроны Московской с частицей мощей, икона Божией Матери «Достоинство есть» Афонского письма.

Богослужения совершаются ежедневно. Храм открыт с 8.00 до 20.00.

Храм Святителя Димитрия Ростовского

Адрес: г. Барнаул, пл. Спартака, 10.

Тел. 8 (3852) 63-96-30.

Храм расположен в исторической части города и в полном смысле не был ранее приходским. Он был приписан к богадельне Горнозаводского ведомства, которая находилась в соседнем здании. Идея строительства храма принадлежала известному алтайскому инженеру, изобретателю П.К. Фролову. Храм был построен в рамках единого комплекса Демидовской площади, возведенного к юбилею 100-летия алтайских горных заводов. Стиль, в котором выдержаны постройки ансамбля, - классицизм, характерный для архитектуры России в тот период. Помимо храма в комплекс входили: здание горного госпиталя, заводская богадельня, горное училище и памятный гранитный обелиск. Добавленные впоследствии строения скрадывали первоначальные формы церкви, заложенные архитекторами, поэтому здание внешне не производило большого впечатления. Заложен храм был 6 августа 1829 г., освящен уже в 1831 г. В проектировании здания принимали участие архитекторы: Л.И. Иванов, А.И. Молчанов и Я.Н. Попов. Все они были представителями Петербургской архитектурной школы. Храм представляет собой ротонду с четырьмя ризалитами, образующими в плане равносторонний крест. Венчает храм полусферический купол с фонарем и крестом.

Строителям приходилось решать сложные технические проблемы. Грунты болотистые, ненадежные. Очень близко грунтовые воды. Поэтому фундамент был заложен массивный. По объему кладки фундамент был примерно равен объему и весу надземной части здания. Это позволило гарантировать устойчивость независимо от зимних морозов или подъема уровня грунтовых вод в весенний период.

Интерьеры были расписаны религиозными сюжетами в академическом стиле живописи. Среди мастеров, участвовавших в росписи интерьеров, был член Академии художеств М.И. Мягков. По его эскизу местные мастера-резчики изготовили иконостас. Над царскими золочеными воротами «из-под облаков... ниспускался Святой Дух в виде серебряного голубя». На левой стороне от алтаря - превосходнейшее произведение кисти Лагрене «Вознесение Господа Иисуса Христа, окруженного небесными силами». Эта картина была некогда украшением плафона в церкви Аничкова дворца в Петербурге. Полотно была даровано Кабинетом Кольванским заводам для «благолепия церкви». Детали внутреннего убранства сделали церковь уникальным памятником искусства, культуры и истории Алтая первой половины XIX в.

Во второй половине XIX в. около церкви был выращен великолепный сад. В 1906 г. рядом со входом на территорию храма со стороны Пушкинской улицы была построена небольшая, но изящная каменная часовня со шлемовидным куполом, арочным дверным проемом. Часовня была проходная. Двери были украшены художественной ковкой с замысловатыми орнаментами. Здесь находилась икона Спаса Нерукотворного. Автором проекта, вероятнее всего, являлся известный барнаульский архитектор И.Ф. Носович.

Храм был закрыт одним из первых в Барнауле в 1920 г. Причина в том, что в соседнем здании расположился губком РКП(б). Учитывая культурную ценность интерьеров храма, здесь сначала разместили художественный музей. Однако пусть и гениальные, но религиозные сюжеты храма не вписывались в концепцию соцреализма, и в конце 1920-х гг. в храме сделали кинотеатр. Потом здесь были цирк, спортзал и дом творчества. В 1990-е гг. здание оказалось заброшенным и, в конце концов, сгорело. К 1994 г. здание решено было вернуть в ведение Церкви; к тому времени от здания остались только ободренные от штукатурки кирпичные стены без крыши и окон.

В 1998 г. в пристройке к северному ризалиту был устроен Никольский придел. Таким образом, с января 1999 г. были возобновлены богослужения. Первым настоятелем храма по благословению епископа Барнаульского и Алтайского Антония (Масендича, +2001) стал протоиерей Николай

Войтович. Начались восстановительные работы в исторической части здания, однако из-за недостатка финансовых средств в первые годы существенно продвинулось в вопросе возвращения храму первоначального облика не получилось. Лишь с включением храма в бюджетную программу удалось активизировать работы. При личном участии Губернатора А.Б. Карлина через краевой комитет по культуре в течение ряда лет из госбюджета подрядным организациям выделялись по несколько миллионов рублей - на работы по восстановлению храма. Проект реставрации и надзор за работами производило краевое НПЦ «Наследие».

К 3 апреля 2009 г. завершилось восстановление основного купола. Отреставрированы столбы под перекрытия, демонтированы кованые железные фермы и установлены новые металлические фермы для купола. 19 мая 2009 г. епископ Максим (Дмитриев) освятил купол и крест, которые были водружены на храм. Начались работы по внутренней отделке помещения. Был устроен мраморный пол, облицованы стены, установлен новый золоченый иконостас. С 10 ноября 2012 г., дня памяти свт. Димитрия Ростовского, были возобновлены богослужения. Сегодня горожане и гости города могут видеть все великолепие старейшего на Алтае храма, построенного в стиле классицизма. Старая пристройка храма была поделена на крестилку и классы для воскресной школы.

При храме работает воскресная школа для детей пяти возрастных групп и для взрослых. Много лет действует молодежная организация «Слово».

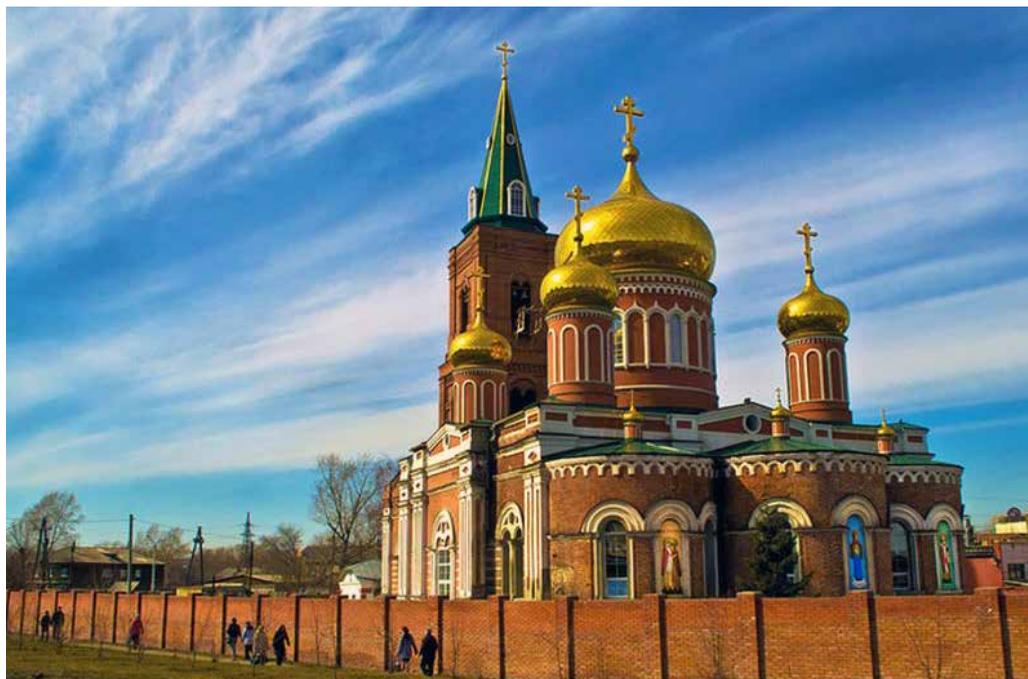
Святые: ковчег с частицей мощей Святителя Димитрия Ростовского (выносятся каждое воскресенье во время чтения акафиста Святителю Димитрию), икона с частицей мощей преподобного Симеона Псково-Печерского.

Богослужения совершаются ежедневно. Храм открыт с 8.00 до 19.00.

Знаменский храм женского монастыря

Адрес: г. Барнаул, ул. Большая Олонская, 24. Тел. 8 (3852) 63-43-48.

Храм и монастырь расположен при въезде в город по новому Обскому мосту. Являясь одним из старейших храмов города, Знаменский собор трижды перестраивался. В 1754 г. на этом месте сначала была построена деревянная церковь во имя пророка Захарии и праведной Елизаветы, родителей Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. Среди прихожан церкви был известный изобретатель «огненной действующей машины» И.И. Ползунов. По проекту его ученика И.И. Черницына храм был перестроен в 1778 г., приобретая второй придел во имя Чудотворца Николая. А сохранившееся

до наших дней каменное здание было заложено в 1853 г. Вероятно, при строительстве за основу был принят проект архитектора Турского, разработанный им для перестройки Захариевского храма еще в 1844 г. К 1859 г. «усердием мещанина В. Мушникова и на добротные пожертвования разных лиц» храм был построен и освящен.

Главный престол нового храма был освящен в честь иконы Божией Матери «Знамение», явленной в Новгороде. Другие приделы были освящены как и в прежних храмах во имя Святителя Николая (левый) и святых пророка Захарии и праведной Елизаветы (правый). Храм был восьмиглавым с трехъярусной колокольней. Звонница состояла из 12 колоколов, наибольший колокол благовест весил более пяти тонн. Его звук был слышен по всей исторической части города. Церковь выходила на Сенную площадь. Белый декор на фоне красных кирпичных стен придавал особую нарядность церковному зданию.

В 1879 г. в роще у тракта из Барнаула в Семипалатинск, в трех верстах от храма купцом Филиппом Гавриловичем Филатовым была построена первая приписная к Знаменскому храму каменная часовня. В 1916 г. при храме с западной стороны на входе была построена каменная часовня - в память трехсотлетия правления династии Романовых. Построена она барнаульским второй гильдии купцом Иваном Спорыхиным.

При Знаменском соборе было три школы, имелась большая библиотека, в храме хранилось много святынь. С 1923 г. Знаменский собор стал кафедральным собором Барнаульских архиереев. В 1930-е гг. в храме совершал служение священномученик ар-

хиепископ Барнаульский Иаков (Маскаев), расстрелянный в период репрессий 29 июля 1937 г. Юбилейным архиерейским собором 2000 г. архиепископ Иаков был причислен к лику новомучеников Российских.

В начале 1930-х гг. храм был закрыт и превращен в зернохранилище. Но в 1936 г. по настоянию верующих во главе с архиепископом Иаковом в храме возобновились богослужения. В апреле 1939 г. храм был окончательно закрыт. Впоследствии были разобраны главы и колокольня, снят купол. В здании собора размещался архив НКВД, затем - Барнаульское архивное бюро, позже его переименовали в Государственный архив Алтайского края. После 1947 г. в интерьере храма было устроено внутреннее перекрытие. В 1960-е гг. к зданию храма были сделаны пристройки, искавшие его первоначальный облик.

Возрождение храма началось в 1992 г. при монахине Глафире (Любицкой). Усердием благочинного протоиерея Николая Войтовича и первого настоятеля протоиерея Михаила Капанова в одной из позднейших пристроек с западной стороны храма был устроен временный храм святого праведного Иоанна Кронштадтского, освященный протоиереем Николаем Войтовичем 10 декабря 1993 г. С марта 1994 по апрель 1998 г. в одной из пристроек храма располагалось Барнаульское епархиальное управление.

18 июля 1994 г. по ходатайству ныне покойного епископа Антония (Масендича) решением Священного синода был учрежден Барнаульский Знаменский женский монастырь.

Главный престол возобновленного храма был освящен в марте 1996 г. епископом

Антонием (Масендичем). Позднее были освящены и боковые приделы (северный Никольский придел - 25 января 1997 г., южный Захарие-Елизаветинский придел - 24 августа 1997 г.

В 2007-2009 гг. в монастыре построен новый трехэтажный келейный корпус. При монастыре действует Воскресная школа для взрослых.

С 24 октября 2008 г. по инициативе и на добровольные пожертвования ряда предпринимателей Барнаула началась комплексная реконструкция первоначального вида храма. 23 мая 2009 г., в первый день торжеств, посвященных Дням славянской письменности и культуры на Алтае, на Знаменский храм был поднят главный купол и крест. А в 2010 г. начаты работы по воссозданию утраченной в 1939 г. колокольни. 19 января 2012 г., на Крещение Господне состоялось торжественное открытие восстановленной колокольни Знаменской церкви.

Таким образом, храм в целом приобрел свой исторический облик, восстановлены колокольня, световой барабан и главы храма. Здесь воссоздана одна из богатейших на Алтае звонница. Ведутся росписи в древнерусском стиле. В 2014 г. изготовлен и смонтирован новый иконостас, после чего 4 декабря епископ (ныне митрополит) Сергей (Иванников) совершил великое освящение храма.

Святые: Абалакская икона Божией Матери «Знамение», Иверская икона Божией Матери, икона священномученицы Елисаветы с частицей мощей, привезенная из Иерусалима, образ Божией Матери «Неувядаемый Цвет», написанная на Афоне в 1902 г., образ Божией Матери Почаевской,

подаренный обители С.Н. Ровиным, частицы мощей преподобных отцов Киево-Печерских, свт. Иоанна Шанхайского и свт. Иоанна Тобольского.

Богослужения в монастырском храме совершаются ежедневно.

Александро-Невский храмовый комплекс

Адрес: г. Барнаул, ул. Антона Петрова, 221, Тел. 8 (3852) 40-28-81.

В 1990 г. по благословению епископа Тихона (Емельянова) прихожане образовали новую общину верующих. И в конце 1990 г. Алтайское благочиние Новосибирской епархии и Главное управление архитектуры и градостроительства Барнаула объявили конкурс на место для будущего храма и лучший архитектурный проект. Выбор пал на парковую зону между Ленинским и Индустриальным районами. Во время визита на Алтай Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II 11 мая 1991 г. освятил закладной камень под строительство собора Александра Невского. Временно был построен деревянный навес, где читались акафисты, служились молебны, панихиды, крестились новообращенные. Первая Божественная литургия была отслужена 12 сентября 1993 г., в престольный праздник. Временный молитвенный дом напоминал маленькую деревенскую церквушку: пахнущие смолой стены, простенький иконостас. С наступлением холодов здание утеплили.

Первоначально было решено строить малый крестильный храм в честь Богоявления Господня. С 20 августа 1993 г. строительство не прекращалось ни на один день.

Благодаря финансовой поддержке Покровского собора, трудами местных прихожан крестильный храм по проекту архитектора С.А. Боженко был освящен 29 января 1995 г. епископом Антонием (Масендичем). Для Барнаула Богоявленский храм усердием протоиерея Александра Войтовича стал первым православным храмом, построенным в Барнауле после 1917 г.

Проект Александро-Невского собора разработан архитектором А.Ф. Дерингом. В настоящее время продолжаются строительные работы.

В 1996 г. при храме была возведена водосвятная часовня-сень, в 1997 г. закончено строительство церковной лавки. На территории храмового комплекса уже возведены малая звонница и административно-хозяйственное здание с воскресной школой.

У прихода имеется две приписные часовни. Одна во имя Великомученика и Целителя Пантелеимона, открытая при Железнодорожной больнице в 1999 г. Располагается она по адресу: ул. Молодёжная, 20. Архитектор часовни И.В. Харламов, попечителем при строительстве выступил главный врач больницы А.Г. Зальцман. Другая часовня - во имя пророка Божия Илии располагается при Михайловском кладбище.

При храме действует воскресная школа для детей и взрослых, театральный кружок.

Святые: икона св. благоверного князя Александра Невского с частицей мощей.

Богослужения совершаются ежедневно. Храм открыт с 8.00 до 19.00.

Иоанно-Богословский храмовый комплекс

Адрес: г. Барнаул, ул. Шумакова, 25а. Тел. 8 (3852) 45-57-52.

Храмовый комплекс расположен в центре квартала 2004 и служит архитектурно доминантой всего микрорайона с преобладающей типовой многоэтажной застройкой. Начало прихода восходит к маю 1996 г., когда в поле - на пустыре между улицами Балтийской и Взлетной - епископ Антоний (Масендич) освятил крест и камень на месте будущего храма. При игумене Алексии (Просфирине) с помощью будущих прихожан «коробка» временного помещения для богослужения была поставлена в 1997 г. за один месяц. 9 октября, в престольный праздник, была отслужена первая литургия. В последующие четыре года временное здание несколько раз расширялось, поскольку не вмещало постоянно увеличивающееся число прихожан.

В январе 2002 г. было получено благословение Святейшего Патриарха Алексия на строительство нового каменного храма. По благословению архимандрита Троице-Сергиевой лавры Наума церковный

архитектор из Москвы Ирина Тимофеева передала эскиз в традиционном древнерусском стиле. При непосредственном участии настоятеля иерея Георгия Крейдун (ныне протоиерей) проектирование возглавила мастерская «Домус-плюс» (архитектор Кирилл Храбрых).

Осенью 2003 г. были забиты сваи, а с мая 2004 г. начались строительные работы. Освящение крестов и подъем куполов состоялись через четыре года – 12 сентября 2007 г. А через месяц с небольшим - 20 октября 2007 г. епископом Максимом (Дмитриевым) освящен нижний храм с приделом во имя Святого благоверного великого князя Владимира, крестителя Руси. С этого дня богослужение стало совершаться в новопостроенном каменном храме. 22 декабря того же года состоялся первый на Алтае колокольный звон-концерт В.М. Петровского (мастера колокольного звона из Архангельска) в новообустроенной колокольне.

Через два года – 4 октября 2009 г. – в рамках празднования 140-летнего юбилея Барнаульских духовных школ и 15-летия возрождения Барнаульской епархии состоялось освящение верхнего главного придела во имя Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. В богослужении участвовали четыре архиерея и более 50 священнослужителей, пели хоры четырех духовных семинарий: Тобольска, Томска, Новокузнецка, Барнаула.

Храм крестовокупольный, построен в древнерусском раннемосковском стиле, хотя имеются своеобразные «вкрапления» других стилей, в частности, древнехристианского базиликального. Здание храма кирпичное. Сены покрыты тонким слоем штукатурного раствора и покрашены белой краской. Главы покрыты нержавеющей сталью с напылением «под золото».

Храм имеет два этажа – цокольный и основной. Наибольшая высота верхней части храма от пола до свода центрального

барабана – 23 м. Высота храма от уровня земли до верха креста 46,5 м, а от пола цокольного этажа – 50 м.

Кубовидный объем храма венчают пять глав, не считая главок над алтарем и притвором. Главы имеют традиционную луковичную форму, составленную из нескольких сегментов шара, позволяющую в ясную погоду в отраженных лучах солнца наблюдать эффект «ожерелья с медальоном». В плоскости центральных закомар располагаются мозаичные иконы круглой формы: Богородицы (западный фасад), Спаса Нерукотворного и Иоанна Богослова (южный) и князя Владимира (северный). К западному и южному порталам ведут массивные двухмаршевые лестницы из гранитных ступеней. В интерьере высокий пятирусный тябловый резной иконостас отделяет алтарную часть от остального пространства.

С февраля 2014 г. в нижнем храме начаты работы по росписи стен и потолка в духе мастеров XIX в. Имеется крестильное помещение с купелью для полного погружения, обильно декорированное лепными элементами по индивидуальному проекту.

30 мая 2015 г. митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей (Иванников) совершил полное освящение второго придела нижнего храма – во имя прп. Макария Алтайского.

18 декабря 2008 г. на месте алтаря временного молитвенного дома был заложен храм «Четырнадцать тысяч Вифлеемских мучеников-младенцев, от Ирода избитых». Архитектурный силуэт строящегося храма восходит к традициям византийского зодчества. Купол выполнен из меди. 23 июня 2013 г. была установлена позолоченная глава с крестом. Храм украшают мозаики мастеров Москвы и Барнаула, гипсовая лепнина, мраморный иконостас, уникальные по форме светильники. Работы ведутся под руководством настоятеля протоиерея Георгия Крейдунa, главный художник коренной барнаулец Андрей Воронин.

Помимо храмов в комплекс входит часовня-сень для крещенской «Иордани», ажурно декорированная коваными деталями, благотворительная трапезная, воскресная школа с библиотекой, актовый зал на 120 мест и музейно-этнографический кабинет, административное здание.

Территория храмового комплекса, площадь которого составляет два гектара, огорожена декоративной оградой из «рваного» бетонного кирпича и металлического профиля. Имеется детская игровая площадка, обширная площадь для прогулок прихожан и парковки автомобилей.

При храме действует воскресная школа, клуб исторических реконструкций «Добрыня», молодежное объединение «Свет», детский ансамбль народных инструментов под руководством заслуженного артиста России С.Н. Клокова.

Святые: воск и частица ваты от Чуда схождения Благодатного огня на Гробе Господнем, писанный Крест из Иерусалима, ковчег со святынями Святой Земли (частица камня от Гроба Господня, Голгофы, горы Синай и частица древа Мамврийского дуба в Хевроне); ковчеги с частицами мощей Вифлеемского младенца-мученика и преподобного Симеона Верхотурского; икона святителя Макария (Невского) в басменном окладе с частицей мощей; икона Рязанских святителей с частицами мощей, икона апостола и евангелиста Иоанна Богослова, писанная на Афоне; икона преподобного Себастиана Карагандинского с частицей гроба; икона святителя Николая Чудотворца, бывшая в 2009 г. на орбитальной МКС, подаренная летчиком-космонавтом Ю.В. Лончаковым; копия Туринской плащаницы Христа-Спасителя.

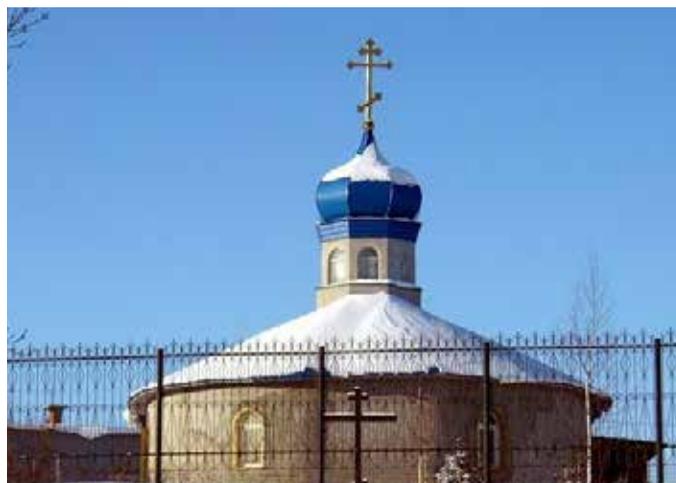
Богослужения совершаются ежедневно. Храм открыт с 8.00 до 19.00.

Андреевский храм

Адрес: г. Барнаул, ул. Попова, 14б.

Тел. 8 (3852) 43-33-71.

В конце 1990-х гг. на холме, расположенном в Ленинском районе города Барнаула при пересечении улиц Гущина и Попова, было решено возвести храм во имя апостола Андрея Первозванного. Община верующих была зарегистрирована 16 сентября 1999 г. Уже на следующий год началось строительство храма из бруса по проекту архитектора Е.П. Зайцевой. Во время строительства службы совершались в вагончике, стоявшем неподалеку. Меньше чем за год были возведены стены и крыша нового деревянного храма, произведена минимальная внутренняя отделка. Начались богослужения.

К началу 2010-х гг. был расширен алтарь, построен притвор, где разместилась воскресная школа для взрослых; появились основание колокольни, церковная лавка. Для совершения исповеди была отведена отдельная комната, открыта библиотека.

Чин освящения храма в Лазареву субботу 4 апреля 2015 г. совершил преосвященный Сергей, епископ (ныне митрополит) Барнаульский и Алтайский.

Строительство нового просторного каменного храма по проекту А.Ф. Деринга планируется с 2003 г. В 2013 г. на проект было получено благословение правящего архиерея. Летом 2014 г. на месте старых фундаментов, заложенных в 2006 г., усердием настоятеля протоиерея Евгения Елисеева возобновлено строительство нового храма по окончательно согласованному проекту в художественных традициях владими́ро-суздальской и раннемосковской школ. Объемно-планировочное решение восходит своими корнями к древнерусскому типу храмов «иже под колоколы». Старое деревянное здание решено сохранить до полного завершения нового.

Действует воскресная школа для детей и взрослых.

Святые: иконы с частицами мощей апостола Андрея Первозванного, великомученика Пантелеимона, праведного Симеона Верхотурского.

Храм открыт ежедневно с 8.00 до 18.00.

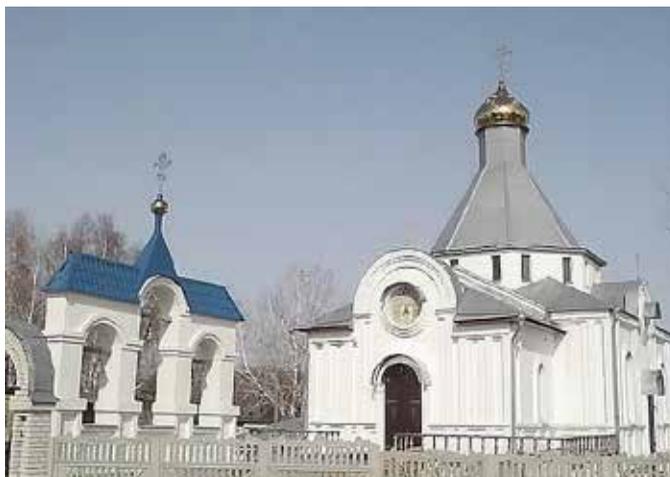
Вознесенский храм в Научном городке

Адрес: г. Барнаул, пос. Научный городок, 40.

Вдали от шумных проспектов и главных городских магистралей, есть уголок красоты неземной, окруженный зеленью и тишиной, светлый храм Вознесения Господня. Он освящает собой богоспасаемый поселок, принимая болящих и страждущих...

Первый храм Вознесения Господня в Барнауле был освящен в 1909 г. Находился он между Непроходным переулком и второй Алтайской улицей (ныне ул. Чкалова). По воле прихожан храм строился в «память Коронования Его Императорского Величества государя императора Николая II». Храм был деревянным. Действовал до закрытия Алтайским крайисполкомом 3 марта 1939 г. После этого здание перестроили и использовали как общежитие.

Спустя 55 лет, в сентябре 1994 г., под строительство храма в Научном городке был выделен участок земли с нулевым циклом. При протоиерее Николае Бурдине весной 1995 г. начали строительные работы, до конца года стены возвели на две трети. С начала 1996 г. строительство продолжил иерей Георгий Титов. Все время, пока строился храм, богослужения проходили в при-

способленных для этого помещений Дома ученых, спортзале Алтайского научно-исследовательского проектно-технического института животноводства. Первая служба в новом храме состоялась в день празднования Вознесения Господня в 1998 г. Радости прихожан не было конца: все молились и благодарили Господа за помощь. Можно сказать, что с открытием храма в Научном городке возродился старый приход Вознесения Господня, ведь Научный городок в настоящее время является центром поссовета, на территории которого находится и село Гоньба. Освящение храма было совершено епископом Максимом (Дмитриевым) 9 июля 2002 г.

Роспись в храме выполнена в древнерусском каноническом стиле. На небесно-голубом фоне стен изображены святые, почитаемые на Руси, святые апостолы и Господь наш Иисус Христос, который благословляет молящихся из-под купола, ласково глядя в глубину наших душ. Трудился над росписью иконописец Игорь Углев, который черпал вдохновение для своего благого дела, вспоминая древнейшие образцы церковного зодчества, - церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Волоотово Новгородской области, датируемая XIV веком. Внес свой посильный вклад в благоукрашение храма и знаменитый алтайский художник Валерий Октябрь: им в храме изготовлено распятие - Голгофа.

Люди отмечают, как органично дополнил храм архитектурную панораму всего Научного городка. В престольный праздник 21 мая 2015 г. епископ (ныне митрополит) Сергей (Иванников) освятил комплект из пяти новых колоколов для храма.

При храме действует детская воскресная школа «Свеча», состоящая из трех возрастных групп.

Святые: чтимые иконы Божией Матери и святых.

Богослужения в храме совершаются в воскресные и праздничные дни. Вечернее в 17.00, Божественная литургия в 8.30 утра.

Казанский храм во Власихе

Адрес: г. Барнаул, пос. Власиха, ул. Первомайская, 54.

Храм был построен в 1901 г. по инициативе местных крестьян. Строительство по образцовому проекту деревянных церквей на 300 человек продолжалось около четырех лет. Основная часть храма представляла восьмирик, перекрытый шатровой кровлей. В 1892 г. была построена школа грамоты, в которой ежегодно обучалось до 50 детей. С 1901 по 1913 г. на приходе служил священник Алексей Степанович Ландышев, сын известного миссионера, начальника Алтайской миссии.

В 1930-е гг. храм постигла печальная участь. По воспоминаниям власихинцев, в 1933 г. отряд красноармейцев, прибывший из Барнаула, устроил погром церкви, была разрушена колокольня. Священника, служившего в то время в храме – отца Фёдора, с петлей на шее посадили в телегу и увезли. На следующий день священника нашли утопленным в реке Власишке. Храм был закрыт. Сначала в нем сделали зерносклад, а во время войны - клуб. Более 60 лет церковь использовалась не по назначению. За эти годы имущество церкви было разграблено, само здание обезглавлено и поругано.

2 февраля 1995 г. здание было возвращено Русской православной церкви в 90% износом строительных конструкций. Состояние его было плачевным: крыша протекала, пол сгнил, не было ни одного окна. Возрождение храма началось при о. Александре Польшваном. 28 декабря 1997 г. восстановленная Казанская церковь была освящена епископом Антонием (Масендичем).

В настоящее время усердием настоятеля иерея Константина Алексева продолжаются работы по благоустройству территории. Восстановлены могилы сельского кладбища, расположенные на территории храма. Общине верующих передано рядом стоящее административное здание, здесь теперь располагается приходской духовно-просветительский центр для всех возрастных категорий. При храме действует волонтерская служба имени святого страстотерпца Цесаревича Алексея.

Святые: икона с частицами мощей святых первых веков, чтимый список Казанской-Коробейниковской иконы Божией Матери.

Храм открыт ежедневно, Божественная литургия совершается в пятницу, субботу и воскресенье.

Петро-Павловский храм в пос. Южном

Адрес: г. Барнаул, пос. Южный, ул. Герцена, 1. Тел. 8 (3852) 67-63-41.

По инициативе местных жителей поселка 25 ноября 1994 г. была организована община верующих, а в 1995 г. началось строительство храма. Возводили храм методом «народной стройки». Первоначально был построен квадратный сруб с куполом, затем, спустя три года, был пристроен алтарь, а в 2002 г. прирублин притвор. Храм строился без проекта, поэтому архитектура здания преимущественно народного происхождения. Впоследствии храм был обшит деревянной рейкой и в 2013 г. украшен накладной резьбой.

В 2013-2014 гг. храм при настоятеле протоиерее Константине Метельницком был обшит внутри, поставлены новые окна, написаны новые иконы, изготовлены новый престол и иконостас, оформлена иконная лавка, заменена система отопления. Архиерейским чином храм был освящен 21 декабря 2014 г. преосвященнейшим Сергием, епископом (ныне митрополитом) Барнаульским и Алтайским.

Исторически первым Петро-Павловским храмом в городе был Градо-Барнаульский собор. В 1747 г. Колывано-Воскресенскому начальству поступило ходатайство первых жителей заводского посада о строительстве церкви. Петро-Павловская церковь возводилась как соборная, главная церковь горного ведомства, но исключительно на добровольные пожертвования чиновников, купцов и других жителей города. Церковь строили между казармами и офицерскими домами. На плане Барнаульского завода, датированном ноябрем 1748 г., церковь уже была обозначена, но торжественное освящение состоялось только в 1751 г. Этот храм до середины XIX века являлся центральным храмом Барнаульского духовного правления, а затем - центром Барнаульского благочиния.

Первоначально здание храма было деревянным. Но уже в 1771 г. в связи с сильным обветшанием началось сооружение нового, каменного здания. Освящено оно было 3 февраля 1774 г., став первым каменным храмом на Алтае. По внешнему виду он представлял собой одноэтажное каменное здание с колокольней. Покрыт собор был железом, окрашен какое-то время красной краской. С северной и южной сторон

были пристроены каменные приделы, оба в четыре окна. В южном приделе располагались библиотека и ризница, в северном - канцелярия и помещение для сторожей. Огорожен он был каменной оградой с железной решеткой. В таком виде это фундаментальное сооружение просуществовало до самого своего закрытия в 1930-х гг., не претерпев никаких значительных перестроек. Собор завершал перспективу всей улицы Барнаульского горного поселка, так называемой Петропавловской линии (на территории современной площади Свободы). К храмовой территории примыкал церковный погост, на котором были похоронены видные деятели Барнаула.

В 1872 г. рядом с собором, с южной стороны, была построена каменная часовня в честь иконы Божией Матери «Достойно есть», в 1909 г. она была перестроена согласно проекту барнаульского архитектора И.Ф. Носовича. Это было достаточно вместительное кирпичное здание, что позволило позже, в 1925 г., организовать здесь самостоятельный приход.

В 1923 г. в Барнауле была образована Алтайская епархия обновленцев, и храм стал ее кафедральным собором.

Закрыт храм был в 1934 г., по официальным документам - в связи с сильным обветшанием несущих конструкций. А в ночь с 21 на 22 мая 1935 г. в результате проведения плановых подрывных работ здание было полностью снесено, Соборная площадь была переименована в площадь Свободы.

При храме в пос. Южный имеется воскресная школа, открытая в 2002 г.

Богослужения в храме совершаются со среды по воскресенье.

О литературном Омске рассказывает поэт, руководитель омского семинара молодых авторов «ПарОМ» Вероника Шелленберг.

Омск: гранты и семинары

Антон Сорокин, Леонид Мартынов, Роберт Рождественский, Аркадий Кутилов, — славное литературное прошлое Омска. Достоевский тоже связан с нашим городом, но здесь иная история, — великий классик отбывал каторгу в Омском остроге. В сохранившемся с тех времен доме коменданта находится уникальный литературный музей имени Фёдора Михайловича. Сегодня музей — эпицентр многих событий современной писательской жизни. Имя Достоевского получила и самая знаковая литературная награда нашего региона — ежегодная литературная молодежная премия, учрежденная в 1997 году и действующая до сих пор. А вот своего Дома писателей в Омске нет — творческие организации кочуют из одного учреждения в другое.

В Омске два основных периодических литературных издания: альманах «Складчина» Омского отделения Союза российских писателей и «Литературный Омск» — Омского отделения СПР. Оба выходят не регулярно. Причина банальная: скудное финансирование. Грустную картину скрашивает поддержка Союза российских писателей и гранты Министерства культуры РФ, благодаря которым в последние годы увидели свет десятки книг омских авторов. Перечислю некоторых: Дмитрий Румянцев, Наталья Елизарова, Иван Денисенко, Александр Сафронов, Андрей Ключанский, Юрий Моренис, Вероника Шелленберг.

Из новых омских изданий наиболее известны альманах «Тарские ворота» и журнал «Иртыш-Омь». Как и в любом городе, есть электронные журналы с чисто символическим «бумажным» тиражом.

До недавнего времени выходила серия «Библиотека омской лирики», радовавшая двумя персональными поэтическими книгами в год и серия сборников «Стихи и проза молодых». Львиная доля тиражей, как и всех изданий Министерства культуры Омской области, будь то антология «Годовые кольца» или красочная книга для детей «На солнечной гриве», распределена по библиотекам. Жаль, что отыскать произведения омских авторов в книжных магазинах практически невозможно: книготорговцы считают нерентабельным брать современную местную литературу. Зато живым общением писатели не обделены: встречи в вузах,

творческие вечера, радиопередачи «Маяк на Иртыше», семинары для начинающих.

Востребован в Омске семинар «ПарОМ», который проводится ежегодно Омским отделением Союза российских писателей. Это масштабное мероприятие со временем только набирает обороты. Мастер-классы «поэзия», «проза» и «критика» посещают десятки молодых авторов. По итогам семинаров изданы сборники «ПарОМ. Поэзия и критика» (2013), «ПарОМ. Поэзия и проза» (2016). В конце 2016 года «ПарОМ» состоялся в шестой раз и перерос в фестиваль. Кроме того, действует одноименное ЛИТО, базирующееся в Областной библиотеке для детей и юношества. Сущность семинаров — обсуждение текстов, а в идеале — дальнейшая публикация. Назову некоторых наших семинаристов, кто за эти годы творчески сформировался и выпустил свою книгу: Игорь Хохлов, Даниил Плахин, Наталья Семёнова, Ирина Четвергова, Тамара Львова, Татьяна Кобылинская, Дмитрий Овсянников, Иван Храмов.

Союз писателей РФ организует литературные семинары с периодичностью раз в два года и активно работает с творческой молодежью в Омской области. Некоторые мероприятия СРП и СПР проводят совместно, например, фестиваль «Омская зима» в 2013 году.

Сотрудничество с иногородними изданиями выражается как в персональных, так и в коллективных публикациях. Например, в журнале «После 12» (Кемерово), альманахе «Паровоз» (Москва) и «Под часами» (Смоленск).

Кроме вышеперечисленных авторов, омское литературное поле составляют прозаики Александр Дегтярёв, Павел Брычков, Лев Трутнев, Галина Кудрявская, Светлана и Николай Пономарёвы, публицист Александр Лейфер; переводчик Евгений Фельдман; поэты Ольга Григорьева, Юрий Перминов, Евгения Кордзахия, Олег Клишин, Сергей Денисенко, Татьяна Четверикова, Николай Кузнецов и другие...

Омск богат литературными талантами, силен традициями и обладает мощным творческим потенциалом.

Сквозь камень сизифа

***

Омск,
он
меньше всего — каторжанин.
Свобода дышит рывками
сквозь поры державы.
Но камень Сизифа
принял ли кто-нибудь
так тяжело на грудь,
как Земля...

Сибирь —
сиплая родина...
Сизая родина...
Голубка моя...

***

Роддом закрыт. И вот за лето
угас без вывесок фасад.
Никто не лепит изолентой
на стеклах номера палат.

Уже на плане реконструкций
здесь белый пластик и бетон.
Как много места развернуться
на месте этого угрюмца,
реликта сталинских времен.

А по ночам — Мария, Стеша...
Надежда, Оленька, жена... —
приносит воздухом нездешним
уже нездешних имена.

И нет войны еще в помине,
роддом сияет, как желток.
Весна, весна на середине,
белье хрустящее в корзине
и ЗИСа пристальный гудок.

И в тесной операционной,
как тайный оттиск небеси,
иконою — проем оконный...
И в тесной операционной
душа
впервые
голосит.

Диптих о вязальном крючке 1

Вроде бы пустячок —
старый вязальный крючок.
Вот он — железный, кованный,
нитью отполированный
в прошлом тысячелетии!
Гордо блестят трудовые отметины —
будто бы ордена у деда...
Солнечный день. Победа.

И зацепило... Как петлю крючком
тянет из прошлого — дачный дом
наш, подмосковный. Направо — дубрава.
Дом... Дедушки Бронислава?
Прадедов дом!
Ивана и Лиды.
Памятью предки в единое слить...

Сливы цветущие дом обнимают,
зыбкое облако напоминают.

Облако бьется в окно чердака,
как же чердак невысок!
Прадеду встать в полный рост — никак:
крыша наискосок.

А мне хорошо, мне шесть или пять,
можно подпрыгивать, танцевать.

Шесть или семь... интересно мне
шмелей пересчитывать на ковре:
ужасно мохнатых шмелей шерстяных,
в сумерках, точно живых.

А можно через чердачный лаз
вниз головой висеть.
Рябит половику полосато для глаз:
...шесть полосочек, семь...

Долго висеть не хватает сил,
руки, ноги дрожат.
Что там? Яблоко? Апельсин?
Клубочки
в корзине лежат!

Вяжет прабабушка Лида,
только ее не видно.

2

Надо же, а? —
руки соскучились по ремеслу.

Петля за петлей, за петлю петля —
кружится, кружится, тает
клубок шерстяной.

Петля за петлей, за петлю петля
Мышка-норушка растет.

Рядом —
Пингвин, Медвежонок, Дельфин...
Ящерица — хороша!

Хвост загибает кольцом,
превращается в Хамелеона.
Какую зверушку
выведет бодрый крючок,
и сама я не знаю в начале!

Долог мартовский день...

Капля за каплей,
ручей за ручьем,
скудеет
рыхлая пряжа зимы.
Кружит и кружит у ног моих белый клубок.

Семнадцатилетняя дочь,
убеая гулять, говорит:
«Пинетки вязать тренируешься, мама?».
Смеется!

Ей-то прекрасно известно (порода одна):
капля за каплей,
ручей за ручьем,
скоро вскроются горные реки!

Мама завяжет с вязанием.
Мама махнет на Алтай.
Мама возьмет весло
и оттолкнется от берега...

Мышка-норушка, прощай!

***

Рано утром
в долине реки Чульшман
к водопаду иду.
Сквозь стрекотанье кузнечиков,
сонную дымку тумана —
к водопаду.

Справа —
горы лиловые,
слева —
золотистым сиянием солнца
очерчены резко.
Шелестенье реки в двух шагах
так и тянет сухими губами припасть,
бьется о камни, зовет...

А я —
за вкусом воды ледниковой,
бережно жажду храня,
как последнюю тяжкую ношу,
единственный груз,
не дающий взлететь,
раствориться в пространстве.

Пара стреноженных лошадей
мокрые морды приподнимают,
фыркая, —
кто там в такую рань
тихую песню поет,
к водопаду идет?
Это всего лишь я —
Былинка в долине реки Чульшман,
Неразличимая
с высоты перевала.

***

Под топот каурьих, гнедых, вороньих
замедленным солнечным диском под дых
ударена степь, опрокинута в пыль,
и небо оранжево ржавит ковыль.

И небо, и степь под присмотром орла,
тропа, что коней к водопаду вела,
в закатном чаду раскаленных, как медь,
соленых от пота, уставших лететь.

И с ходу разбит водомерный покой...
Копыта, копыта и шеи дугой,
и мокрые гривы, дугою летя,
достанут туда, где начало дождя.

Начало дождя над степным сушняком...
Тропа поперхнулась польным дымком.
Горячие звезды горячих коней
восходят над степью и тают над ней...

Зима в Артыбаше

У Змеиной горы каменистый взлет —
если снизу смотреть, там, где бьет родник.
Дед-алтаец полную флягу везет,
а вода — звяньк-звизньк!
Воздух чист настолько, настолько тих,
дед чихнет — на другой стороне села
лай собак ответит на дедов чих:
«Будь здоров, силач!».

Дед на деле покрепче гранитных глыб!
А душой подобен истоку реки...
Он — двужилый кезер, он — седой алып,
он — хозяин тайги.
А тайга за порогом — сурова, темна...
И светла и богата — для храбреца,
но в голодный год найдет шатуна —
не жалей свинца!

Одного такого, глазищи — мгла,
застрелил хозяин у самых дверей.
Обагрила медвежья кровь, обожгла
ледяных зверей...
Это дети слепили в канун Рождества!
Из игрушек — снег да конь Аргамак.
Младший сын по слогам читает едва,
а скакать — мастак!
И жена молодая в окно глядит.
Ай да дед! А когда поохотится он,
будет баня натоплена, стол накрыт,
и над крышей заснеженной воспарит
Орион.

Кезер — силач, воин (древнетюрк.).

***

По Енисею
в туман уплывает утка,
а выплывает — баржа...
Это — весна!

Ледохода остатки,
хрупкая мириадами рушащихся ворсин,
жалобно трутся о берег.
Это — весна...

Жажда странствий
настойчивей, крепче, сильнее
чесночного запаха черемши.
Нащипала я первые стебельки
на пороге тайги,
тайны.

Еще бы черного хлеба,
старого друга,
и можно в дорогу.

Найди меня, надежный мой человек,
пока лиловая звезда — первоцвет,
(здесь говорят — кандык),
золотым
пульсирует
сердцем.

***

Незамысловатый Твой пейзаж,
тронуемый то охрою, то умброй,
тонко проявляется под утро,
веточки берет на карандаш —
разве это сразу передашь?

Научи хотя бы замечать!
Подбирая колер бирюзовый,
подчиняться внутреннему зову,
повороту Твоего ключа —
жить, не просто красками брэнча.

Остро зеленеет мир — наверх.
И, на веру принимая лето,
я рисую трепетное это...
Стрекоза сидит на рукаве...
Мирно я брожу в Твоей траве.

Научи хотя бы сохранять
то, цветное, превосходство тыла
над второй природою постылой,
выдвинувшей крошечную рать, —
где уж ей с Тобюю воевать!

Разветвляй пейзажа благодать,
тронутого охрою и умброй,
на сетчатке глаз, на коже грубой,
чтобы я могла Тебя понять...
Плыть горой в дожде,
в Тебе — сгорать.

***

Он один. Не спит. Читает,
окруженный тишиной,
а в ведре с водою тает
тонкий сертик ледяной.

Восполнением утраты
нарастает лунный диск,
серебря забор щербатый,
хату и тропинку вниз...

Тропку, тропку, по которой,
полнолунию видна,
подниматься будет скоро
та, любимая, одна.

***

Этой ночью туман
постелил мне сырую постель,
я продрог до костей,
я скорее коня оседлал.
Согревает тропа,
крутизна, перевал Сарыбель,
заостряет рассвет
серебристую линию скал.

Тяжко дышит мой конь,
осторожно карабкаясь
ввысь,
хищно коршуны кружат
внизу, под обрывом Скынчак.
В жар бросает тропа,
лишь коню доверяй
и молись...

Жизнь прекрасна в пути —
с каждым шагом
я чувствую так.

Нет ни прошлых забот,
ни любви, что меня предала,
я с собой не возьму
этот груз тяжелее свинца.
Ждет меня Уч-Сумер —
высока, непорочна, бела,
и тропа, и тропа,
у которой не будет конца.

Уч-Сумер — «трехглавая» (алт.); одно из
местных названий горы Белухи.

Сегодня разговор о новом романе Владимира Токмакова «Запретная книга белого бурхана». Как всегда, мнения наших обозревателей разделились. Это хорошо, ведь пока литература Алтая вызывает разноречивые, порой полярные суждения, она жива и интересна!

Невидимая книга

Роман Гром, г. Новосибирск

Роман Владимира Токмакова вызывает прежде всего недоумение. Так писать нельзя в наше время. Так писали только в 1990-х, причем литераторы второго сорта. Имена? Пожалуйста. Бегбедер, Паланик, Эллис. Псевдофилософия, псевдоисповедь, псевдо-страсти. Псевдолитература.

Как можно оставаться таким же 20 лет спустя? Удивительно. Если бы я был столичным снобом, я бы казал одно слово – «Барнаул». Но я тоже сибиряк и считаю, что дело не в том, где живет автор. А в том, какую литературу он создает.

Такой провинции, какой она предстает в книге Токмакова, не бывает. Не бывает таких поэтов, полицейских, бандитов. Это вымысел школьного уровня. И провинциального – в худшем смысле. Банально, вторично, сыро. Дешевые приемы, вроде рецензий на самого себя, которые автор не постеснялся поместить в том же томе, раздражают и удручают своей несовременностью.

Роман Токмакова полон ложного пафоса. Дело не в политике. Даже либеральные лозунги, которые вызывают симпатию, поданы им так, что оборачиваются своей противоположностью. Он будто глумится над ними, как надо всем подряд. Но делает это устало, вяло, стилистически сомнительно.

Сюжет – просто катастрофа. Автор не может собрать в кулак ни разбегающиеся сюжетные линии, ни разбегающихся героев.

Язык книги беден, сух. Полон газетных штампов самого провинциального пошиба. Метафор второй свежести. Попробую подражать Токмакову и охарактеризую его

текст так: скомканный, серый газетный лист залит приторным псевдопоэтическим сиропом. «Молнии вспыхивали, будто на небе нас фотографировали». «У наших отношений есть прошлое, которого хватит и на будущее, и на настоящее».

Хватает редакторских небрежностей. Редактора не было вообще, автор сам пытался выполнить эту роль и преуспел не более, чем во всем остальном. Например: где-то место действия зашифровано, где-то называется прямо – Барнаул, Алтай. Есть и орфографические ошибки.

Но есть кое-что, позволяющее этой книге жить дальше. Боюсь, автор сам не знает, что именно. В таком виде, в каком она вышла в барнаульском «самиздате», она жить не должна. Журнал «Новая Юность», напечатавший отрывок из Токмакова, справедливо взял отдельный кусок, да еще и переименовал его («Люди из цветочного горшка»). Что это за невидимая книга, прячущаяся под грудой банальностей и несообразностей?

Это новый Жюль Верн. Хороша та линия, где автор предается вымыслу в чистом виде. Без заикливания на современных мотивах, на политике. На комичном (а по мнению автора, романтическом) сексе. Про Город Солнца, который построили бурханисты. Про его устройство и его обитателей. Про саму эту секту и ее агентов. Про нашего современника, попавшего в эту реальность.

Увлекательно и энергично. Вот выкинуть бы все остальное (включая нелепую развязку). Издать рассказ страниц на 30 в духе утопий Обручева и Конан-Дойля. Но нашему автору быть автором «развлекухи» мало, ему подавай что пофилософичнее.

Путешествие от себя к себе

Сергей Тепляков

Токмаков умеет преподносить товар лицом. Если книга — то ЗАПРЕТНАЯ. Это и маркетинг, и ставка на того ребенка в каждом из нас, который темной-темной ночью в больнице, турпоходе, да просто с друзьями пугает себя и других страшными историями. Тут и намек на тайное знание, без которого в последнее время никак — если что еще хоть как-то продается, то именно тайное знание. Еще это ставка на генетическую память — Токмаков ведь родом из времени, когда «запретное» априори значило «лучшее».

Токмаков помнит о корнях. Поэтому — БЕЛЫЙ БУРХАН. Тут, правда, разобраться бы, где чьи корни. Все же Володя — настоящий русак, европеоид. Но Тибет, Алтай, ламы, шаманы, духи гор (и прочее, прочее, прочее) — дефибриллятор, от которого в самых мумифицированных сюжетах начинает теплиться жизнь.

Токмаков всегда пишет от первого лица.

Это явная авторская позиция. По ее поводу может быть много соображений, но, думаю, главное — во-первых, ему физически жаль отпускать героя далеко, во-вторых, хочется, чтобы читатель максимально отождествлял героя с ним, с Токмаковым. И пока события не уходят за пределы возможного, ты и впрямь думаешь — может, все это и правда было с ним?

Однако «эффект присутствия» автора создает и проблему. Сам Токмаков — не очень эмоциональный человек, и герою своему разрешает не больше, чем себе. От этого его герой скуп на эмоции: любовь, смерть он воспринимает отстраненно, будто это не с ним. Но тогда — и не с нами. В результате лирик то и дело проигрывает физику, книга эмоций проигрывает книге событий, да, хорошо, ахово закрученных, но это, думаю, не совсем то, чего бы хотел автор.

Что умеет Токмаков — так это создавать атмосферу. Она у него жутковатая, угрюмая. Ты ползешь по книге, как по тоннелю, который не имеет света в конце. У него

мрачные города, умирающие красавицы, алкоголический контекст пыльных хрущевок — тот мир, который должен гореть синим пламенем.

«Другой» мир не лучше, в котором Лама, который едет по Мертвому городу на слепой мохнатой ящерице, которую он потом отдаст на съедение стервятникам. В нем мешаются Эрлик и другие боги, барон Унгерн и Ходжа Насреддин — он так интеллерно придумывает, что метафорой кажется все, даже опечатки (читаешь «винтик в вертикалЕ», «загипнотизированныЕ» и думаешь: может, он и этим хотел что-то сказать?).

Владимир журналист со стажем, журналистика и литература только внешне одно и то же. Ну да, там и там надо писать, но это разные вещи. Скажу так: в первом случае от тебя требуется песня, во втором — симфония. А переучиваться непросто. Но Токмаков сначала стал поэтом, а уже потом журналистом, это его и выручает: когда он дает себе волю, поэт просыпается, и его не остановить. Метафоры, мысли, игра слов, игра в слова. «Я вошел в большую, с ВЫСОКИМИ ОБЛАКАМИ комнату» — выделено мной. «Будто книги болели вместе с хозяином». Это, между прочим, в одном абзаце.

«Смотрите! Я перехожу небо вброд! И небо тонет во мне».

«Запретную книгу» назвали триллером, детективом, при том что она ни то, ни другое ни по форме, ни по содержанию. Это книга-путешествие — от себя к себе. Это книга-поиск — себя в себе.

В одних книгах человек ищет себя, в других — свое место в жизни. «Запретная книга» вроде бы об этом, но только на первый взгляд. На самом деле, ее герой ищет не место В жизни, а место ДЛЯ жизни — а это

большая разница. Место В жизни — это тот огород, который надо вскопать, засадить, снять урожай, и, вполне вероятно, спустя годы у вас там будет сад. Но может и не быть. Место ДЛЯ жизни — это рай, где все уже вскопано, посажено и выросло до вас и для вас, вам остается только добраться туда и доказать свое право на жизнь в раю. Это, конечно, нелегко. Но в чем-то проще и точно быстрее, чем всю жизнь «прибираться на своей планете».

Герой Токмакова хочет выиграть жизнь одной ставкой — как многие из нас.

В какой-то мере у него это получилось — он дошел до Бурханостана, города гармонии, рая на земле. Устроился на непильную работу (моет золото — явная усмешка автора, привет «офисному планктону»). Казалось бы, цель достигнута, хеппи-энд, тут и книжке конец, но Токмаков и хеппи-энд — две вещи несовместные: рай внезапно взорвался. Причем сам герой и оказался в каком-то смысле детонатором, разрушившим гармонию Бурханостана. Что именно сдетонировало, рассказывать не будем — Токмакову ведь еще надо продать книгу.

В «Запретной книге», как в каждом настоящем произведении, несколько слоев. Мы не зря начали с того, что Токмаков не отпускает своего героя далеко от себя. Он не его — он себя отправил в метафорическую эмиграцию. Владимир Токмаков из тех, кто давно должен быть выкинут центробежной силой собственного честолюбия хотя бы в Москву — но остается здесь. «Запретная книга» в какой-то мере ответ на внутреннее «почему?» — потому что рая нет. Никуда не сбежишь, нигде не отсидишься. Арабы стремятся в благоустроенную Европу — но сами же и разрушают все ее благоустройство. Потому что хаос внутри них. Если Токмаков не думал об этой части аналогии, то по свойству художника он ее почувствовал. Его герой ценой невероятных усилий попадает в Бурханостан, но он же его и губит. Это послание нам всем — и тем, кто уезжает, и тем, кто остается: хаос достанет тебя везде. Антитеза — противостоять хаосу надо тоже везде. В том числе — и в своей голове.

«Запретная книга» в конечном итоге оборачивается философским размышлением о жизни. «Любовь придумали поэты, а народ — прозаики», — пишет Токмаков, сам поэт и прозаик. Но, выходит, он и придумал всё? Выходит — всё придумано? Но тогда что же остается? «Пустота...» — невозмутимо подсказывает Токмаков, тут же добавляя от лица одного из своих героев: «Единственный смысл жизни — заполнять пустоту. Чем угодно: детьми, книгами, пирожками...».

Капитуляция это перед жизнью или победа над ней — этот ответ, видимо, будет в следующей книге Владимира Токмакова...

Межрегиональная молодежная выставка «Аз. Арт. Сибирь» - самое масштабное событие в художественном пространстве Барнаула. Можно сказать, что выставка в последнее время вошла в ряд крупнейших художественных событий в Сибири. Это, конечно, важно для формирования положительного имиджа региона. Увы, нужно уметь разглядеть и мелкие проблемы, которые в совокупности способны испортить картину.

А вы азартный...

Вадим Климов. Фото Евгении Савиной.

Что такое «Аз. Арт»? Выставка молодых художников Сибири, организованная Алтайским краевым Союзом художников (СХ). Две крупных экспозиции - живопись и прикладное искусство в городском выставочном зале и выставка графики в музее «Город». А также параллельная программа, в которой принимают участие галереи Барнаула.

Сбор произведений основан на взаимодействии всех сибирских отделений Сою-

за художников. На местах проходит отбор работ, и далее все произведения, выбранные местными выставочными комитетами присылаются в Барнаул. Таким образом, Алтайская организация делегирует право и предложение для соучастия в проекте. Но не все отделения активно включаются в процесс. Не все они заинтересованы в продвижении молодых художников, так как у каждой организации есть свои сложности в работе с «не союзной молодежью». Надо отметить что в выставке участвуют не только члены СХ. Таким образом, экспозиция

дает несколько искаженный взгляд на художественные процессы в регионе. Тем более в уставе «Аз. Арт» декларируется определенная идеологическая платформа. Как сказал приглашенный товарищ из высших художественных иерархов, «наконец-то молодые художники опомнились и перестали равняться на Европу с ее чуждыми нам ценностями». На научно-практической конференции, которая прошла в Государственном художественном музее под названием «Художественная культура Сибири и сопредельных территорий: страницы прошлого и современность», искусствоведы предложили термин «неореализм». Это известная позиция СХ, организации, которая пытается сохранить творческий союз, опираясь в какой-то степени на идеологию и традиции советской эстетической концепции.

Это сложный схоластический спор, в который сам себя втягивает Союз художников. Идеологические ограничения заметно сказываются на развитии творческого союза.

Сегодня важно понять мотивацию молодых художников. Вопрос злободневный, и выставка «Аз. Арт» должна отвечать на него. Казалось бы, она дает возможность выставиться, но сегодня нет проблемы принять участие в выставке, организованной СХ или другой институцией: музеем, частной галереей, независимым фондом и т.д. Что дает молодому автору участие в выставке, организованной именно СХ? Приоритет при вступлении в Союз? Но членство в СХ сегодня не дает преференций в продвижении творчества, не дает материальной под-

держки, сегодня можно снимать мастерскую дешевле, чем оплачивать предоставленную СХ, статус члена СХ не говорит о профессионализме... Так что дает молодому художнику эта выставка? Оценку и самооценку в профессиональной среде, что очень важно для формирования творческой личности. Ну и небольшой бонус победителям в качестве денежных премий.

Это хорошо, но мало.

Для некоторых художников все еще важно получить каталог выставки, традиционно это считается своеобразным документом, но последнее время этот бумажный формат уходит из обращения, вытесняясь цифровыми виртуальными формами. Что может предложить союз победителям конкурса? Отдельную выставку, организацию передвижной выставки лауреатов и дипломантов по регионам, может быть, какой-то ценный художественный объект в виде награды, который будет иметь и культурную ценность. Пока победители конкурсной программы получают грамоту – диплом и, повторюсь, немного денег.

Другая важная проблема - это отсутствие арт-рынка, и пока трудно сказать, способна ли выставка «Аз. Арт» как-то влиять на его развитие. Про арт-рынок стоит говорить серьезно, тут государственные учреждения, управление по культуре края и комитет по культуре города могли бы выступить драйверами процесса и купить для коллекции современного искусства некоторые работы, это могло бы сподвигнуть и другие регионы на подобные действия. И тут нужно

добавить, что конференция искусствоведов могла бы действительно стать практической, а не только научной. Если вернуться к декларации идеологического вектора «Аз. Арт» как неореализма, хочется сказать о докладе Лидии Рыжовой «Опыт работы молодых художников Барнаула с выставочным пространством», в котором она пишет: «В осмыслении такой выставки, кроме самих произведений, важно все: как присутствие определенных объектов различного рода, так и их отсутствие. Исследовательница Н. В. Порчайкина в своих работах сформулировала, что «выставка современного искусства – это организованная система «пространство – экспонат – человек», а также коммуникативное общество. Проектная модель выставки современного искусства в системе «пространство – экспонат – человек» может развиваться в трех концептуальных положениях: пространство без границ, живое пространство, замкнутое пространство». Поэтому работа художника с пространством выставки включает в себя не только оформление зала (места проведения), изменение его характеристик или дополнение объектами, но и использование внешней информации о месте, времени и других обстоятельствах проведения выставки как ее смысловой части.

Дело в том, что «Аз. Арт» не приемлет так называемое актуальное искусство во всех его формах – инсталляции, перформанс и акционизм. Но представлять молодежное искусство без этого – неоправданное самоограничение!

Последние выставки показали, что организаторы не могут мыслить современными пространствами, предлагать новые формы экспонирования, не предлагают вовлеченности зрителя, а предпочитают традиционный путь. В городском выставочном зале это шпалерная развеска, в которой нет акцентов, нет доминанты, нет формирования единой концепции. Все это от того, что отсутствует куратор выставки. Сама форма выставки предполагает некую коллективную ответственность, а, как известно, коллективная ответственность основана на переложении личной ответственности на кого-нибудь другого. Это ни в коем разе не умаляет той работы, что провел оргкомитет, но это не дает возможности пригласить известного, опытного, профессионального куратора, применить современные экспозиционные технологии. Таким образом, на поверхность выходят все огрехи: например, не все работы, присланные на выставку в номинации «Графика» вошли в экспозицию. Это категорически неприемлемо, это оскорбительно для художников и может привести к отказу сотрудничать в следующий раз. Сотрудники музея «Город» не освободили зал от временной выставки вышивки, которая демонстрируется уже около трех недель...

Выставка большая, любопытная и при

всех недочетах важная для Барнаула. Отрядно что администрации края и города нашли возможным финансировать проект и предоставить выставочные площади. Но давайте подчеркнем. Места мало для такого проекта, чтобы его вывести на серьезный уровень нужно искать пространства в несколько раз больше. Например, ради эксперимента вычистить, насколько возможно, пустующий Старый базар. Да, это, может, дорого, но чистить все равно надо в рамках проекта туркластера и месячника благоустройства. Можно искать другие варианты и связывать все галереи, музеи города не параллельной программой, а единой концепцией.

Необходимо провести серьезную работу с региональными отделениями СХ. Это должно быть поездка по всем регионам эмигрантов «Аз. Арт» с лекциями и встречами с молодыми художниками.

Существует старая и непростая проблема работы выставочников, которые состоят из художников. В современном мире это не приемлемо, так как известно, что у художников оценочное мнение принципиально отталкивается от самоопределения своего искусства. То есть нельзя, чтобы художник оценивал художника. Это спорный момент, но важное решение.

Многие журналисты спрашивают о художественном уровне представленных работ. Я бы не стал об этом говорить, так как в такой большой экспозиции с таким неотрегулированным отбором, с такой невыстроенной кураторской идеей нельзя говорить о художественном уровне. Не имеет смысла говорить об отдельных работах, об авторах, потому что это требует другой специфики текста. Сейчас важно определиться с тенденциями, которые помогут развить проект, выявить то, что может препятствовать его продвижению и выходу на новый уровень. И такие предпосылки есть.

В рамках «Аз. Арт» Барнаул посетил первый вице-президент Российской академии художеств Виктор Калинин и встретился с Губернатором края. Губернатор предложил академии сотрудничество, в частности,

взять кураторство над формированием собрания, экспозиции в Художественном музее, когда его откроют.

Помимо этого появилось продолжение ранее озвученной на встрече с президентом академии Зураба Церетели теме «академических мастерских». Скорее, правильнее назвать это специальным высшим учебным заведением в рамках академии. Главное, уже есть помещение, Калинин его смотрел и оценил пригодность. Если все получится, то это несомненно даст интересное развитие художественному процессу на Алтае. Так что это тоже результат «Аз Арт. Сибирь 2017».

Если мы говорим о таких фундаментальных процессах, как художественное образование, необходимо решить самую старую, хроническую проблему в крае. Это перевод художественного училища из Новоалтайска в Барнаул, например, в строящееся здание на пл. Октября. Тогда комплекс площади Искусств, концепцию которой когда-то предложил Губернатор, будет окончательно создан. Да хотя бы предоставить новое помещение в Новоалтайске, потому что сейчас помещения, в которых занимаются учащи-

еся, опасны для жизни. Как сказал известный художник и педагог, один из гостей «Аз. Арта»: «Меня раньше приглашали на госэкзамены в училище, но я отказался там страшно, завалит».

Стоит вернуться к параллельной программе «Аз. Арта» и отметить, что не все галереи города в равной степени приняли участие в проекте. Но некоторые постарались. Например, галерея Щетининых ответственно отнеслась к предложению и организовала выставку тюменских молодых авторов, таким образом представив отдельно целый регион, галерея «Бандероль» представила концептуальный проект барнаульского актуального художника Романа Ведяйкина, тем самым выйдя за концептуальные рамки «Аз. Арта» с его неореализмом. Галерея «Республика Изо» не смогла реализовать заявленный проект и вынуждена была провести замену. Выставка Ивана Мозгового вполне вписалась в общую канву проекта.

Обобщая, нужно признать, что в тех идейных рамках, которые были приняты почти 10 лет назад, проекту становится тесно, его стали тормозить собственные правила, неявная программа мотивации молодых художников, отсутствие персональной ответственности и консолидации региональных организаций.

Ну и в конце концов: это хорошая выставка или нет?

Неправильный вопрос.

Она важна для искусства, необходима для культуры Алтая и Сибири.

Юрий Эсауленко как зеркало барнаульского искусства

Наталья Николенкова. Фото Олега Укладова.

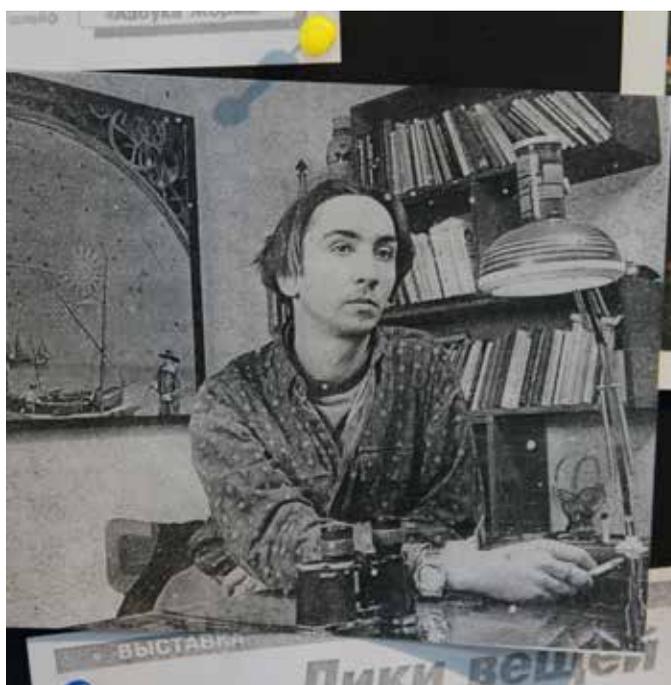
Пятьдесят лет исполнилось бы 2 марта 2017 года барнаульскому живописцу, графику, писателю, издателю, акционисту Юрию Эсауленко. К этой дате была приурочена выставка в арт-галерее «Республика ИЗО». Работы для экспозиции предоставили друзья, коллеги, поклонники художника, которые в свое время стали их счастливыми обладателями.

Друзья звали его Эсик. А еще было дружеское прозвище Толстый, иронически обыгрывающее суперстройную Юрину фигуру. Эсауленко вместе с Сашей Маркиным, Андреем Серкиным, Лёкой Чекановым и другой неутомимой молодежью взрывал привычное художественное пространство Барнаула. В конце 1980-х — начале 1990-х, когда еще не было никакого Интернета, да и западные журналы, скажем, по дизайну попадали на юг Западной Сибири исключительно чудом, эти люди были нашим авангардом, проводниками идей, порой гениальных до сумасшествия, нашим свежим воздухом, простите за банальность. Не зря в своем аудиообращении, присланном к вернисажу из Санкт-Петербурга, комиссар «Республики ИЗО» Вадим Климов сказал, что Юрий Эсауленко — лидер искусства XX века в Барнауле. Для нас Эсауленко — это целая эпоха.

Считается, что легче всего сохраниться текстам. Что поэтам вообще проще всех: ручка, бумага, а то и одно только звучащее слово — и ты уже впечатан в историю. А я всегда завидовала тем, кто умеет работать руками и создает нечто материальное. Слова уже давно улетели в космос, а картины —

вот они, позволяют войти в свой космос любому, умеющему смотреть и видеть.

В этот день волшебством было все. То, как накануне сиротливо стоявшие у стен работы стали полноценной вдохновляющей экспозицией (спасибо кураторам выставки Лидии Зиновьевой и Александру Рыжову). То, что из Новосибирска на открытие приехали жена и муза художника Лилия Эсауленко и его уже взрослая дочь Лола (жизнь продолжается, Юра, и ты это видишь!). То, что владельцы живописи и графики Эсауленко

бескорыстно привезли купленные или подаренные работы на проспект Космонавтов (не ближний свет — для тех, кто понимает). И теперь меценаты ходили по выставке как-то, ей-богу, просветленные, осознавая торжественность момента.

Юрий Эсауленко снова, как когда-то, нас всех объединил. Выставка стала машиной времени. Мы оказались среди слегка повзрослевших, конечно, героев тех памятных лет: Александр Быков, Николай Коротков, Лика Добровольская, Пётр Каменных, Александр Боровец, Любовь Норгелене, Юлия Кикоть, Леонид и Елена Ревякины,

Владимир Токмаков, Марина Кочнева, Андрон... Цвет барнаульской богемы. И знаете что? Эти люди не выцвели! Как не выцвели голуби на знаменитом триптихе Эсика, как не выцвели его полуночные мистические трамваи.

Юрий Эсауленко был инициатором и участником множества выставок и перформансов. Он со товарищи защищал от сноса исторически ценный дом Носовича. Он практически вручную печатал первый в городе самиздатовский журнал «Графика». Он написал-нарисовал и сейчас читающуюся с наслаждением и гомерическим хохотом «Азбуку Жоржа». 4 марта 2017-го, в час небывало яркого солнца, в арт-галерее «Республика ИЗО» был дан старт давнему проекту Эсауленко под названием «Флаг Барнаула». В рамках проекта каждый может сшить свой флаг родного города формата А4, все флаги будут объединены в одно огромное полотнище. И, если все получится, однажды летом самый большой флаг Барнаула будет запечатлен с высоты птичьего полета, как об этом мечтал Эсик. Первые части патриотического пазла уже заняли свое место на стене галереи.

Мир Эсауленко узнаваем сразу. Однажды (а может, и не однажды?) его не приняли в Новоалтайское художественное училище. Находились знатоки, которые обвиняли художника во вторичности — мол, компилирует чужие идеи и т. п. Полнейшая чушь! Это как раз тот случай, когда первая свежесть осетрины не вызывает сомнения. И сегодня, после 17 лет жизни без Юры, его произведения волнуют кровь и будоражат воображение. Его мечты сбываются.

Юрий Эсауленко. «Дом, который построил Джек», 1999 г.

Юрий Эсауленко.
«Связь времен.
Бубен шамана»,
диптих,
1993 г.

Юрий Эсауленко.
«Камни»,
1994 г.

Юрий Эсауленко. «Электрический джем», 1997 г.

Юрий Эсауленко. «Пластинки».

